

902.6
Х 31

Хвойка В. В.

Древние обитатели
Среднего Днепровья и
их культура в доисторические
времена (по раскопкам).

К., 1913.

901.21.23 (Чт. 72)

Х. 305

В. В. Хвойка.

ЕК

9026

Х-31

ДРЕВНІЕ ОБИТАТЕЛИ

СРЕДНЯГО ПРИДНѢПРОВЬЯ

и

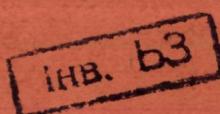
ИХЪ КУЛЬТУРА ВЪ ДОИСТОРИЧЕСКІЯ ВРЕМЕНА.

(по раскопкамъ).

ЕК

Съ приложеніемъ описанія раскопокъ въ ус. М. М. Петровскаго въ г. Киевѣ и с. Бѣлгородкѣ Киевскаго у.

Цѣна 80 коп.

КІЕВЪ.

Типографія „Т-во Е. А. Синкевичъ“ Владимирская № 16.

1913.

Хвойка
В. В. ХВОЙКА.

9(С)II
9/24-31

X-11

ДРЕВНІЕ ОБИТАТЕЛИ

СРЕДНЯГО ПРИДНІПРОВЬЯ

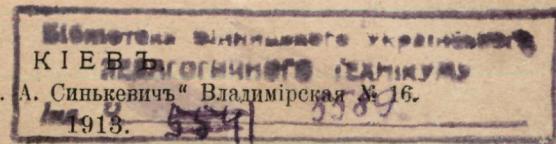
І Переобліковано в 1938 році

ІХЪ КУЛЬТУРА ВЪ ДОИСТОРИЧЕСКІЯ ВРЕМЕНА.

(по РАСКОПКАМЪ).

Съ приложеніемъ описанія раскопокъ въ ус. М. М. Петровскаго въ г. Киевѣ и с. Бѣлгородкѣ Киевскаго у.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

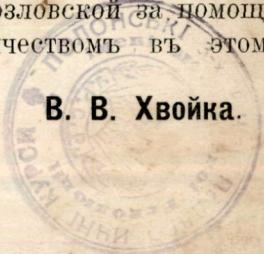
Приступая къ изданію этой работы, считаю необходимымъ замѣтить, что работа эта первоначально была задумана въ болѣе широкихъ размѣрахъ, при этомъ предполагалась детальная разработка нѣкоторыхъ вопросовъ, излагаемыхъ въ ней, и поясненіе текста рисунками, фотографическими снимками и планами. Но такъ какъ осуществлѣніе такой работы потребовало-бы еще болѣе продолжительного времени, то я въ виду своего слабаго здоровья и нѣкоторыхъ другихъ независящихъ отъ меня обстоятельствъ рѣшилъ ограничиться настоящимъ краткимъ очеркомъ, касающимся древнихъ обитателей Средняго Приднѣпровья и ихъ культуры въ доисторической времена.

Позволяю себѣ надѣяться, что въ будущемъ мнѣ удастся уяснить отдельные вопросы, затронутые въ этой работе, болѣе полно разработать ихъ, что послужить дополненіемъ къ настоящему очерку.

Затѣмъ вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность принести мою глубокую благодарность г-жѣ В. Е. Козловской за помощь, которую она оказала мнѣ своимъ сотрудничествомъ въ этомъ скромномъ трудѣ.

В. В. Хвойка.

Кievъ, 1912 г.

Каменный вѣкъ.

I.

П а л е о л и тъ.

Если мы захотимъ познакомиться съ жизнью древнихъ обитателей Средняго Приднѣпровья, то намъ придется мысленно перенестись далеко за предѣлы письменныхъ свѣдѣній, которыми по данному вопросу располагаетъ исторія, и проникнуть въ ту отдаленную отъ насъ эпоху, древность которой исчисляется уже не вѣками, а геологическими эпохами.

Къ этому-то трудно доступному для точнаго опредѣленія времени и относятся древнѣшіе слѣды существованія человѣка жившаго въ нашемъ краѣ въ качествѣ первого поселенца.

Многочисленныя находки, относящіяся къ этому періоду, дала намъ обширная палеолитическая стоянка, открытая въ 1893 г. въ Киевѣ.

Въ виду того, что о ней своевременно сообщалось какъ въ Трудахъ Археологического Съѣзда, такъ и въ отдѣльныхъ статьяхъ, мы въ данномъ очеркѣ, не вдаваясь въ подробности, изложимъ лишь факты наиболѣе характерные для нея.

Эта стоянка была открыта на Кирилловской улицѣ въ усадьбахъ №№ 59—61, расположенныхъ вблизи Іорданской церкви. Она находилась непосредственно на третичныхъ отложенияхъ,—именно, на слой зеленоватаго песка, а въ тѣхъ мѣстахъ, где этотъ слой былъ смытъ, лежала на синей (спондиловой) глини. Вскрытая раскопкой часть ея занимала пространство, обхватывавшее болѣе 10.000 кв. метровъ. Она заключала въ себѣ

нѣсколько рядовъ культурныхъ слоевъ. Нижній, самый мощный изъ нихъ, покоялся на синей глини и былъ расположены значительно ниже остальныхъ. Онъ залегалъ на глубинѣ 19—22 м. отъ поверхности земли и состоялъ изъ сплошной массы пережженныхъ и обугленныхъ костей дилювіальныхъ животныхъ, угля и золы, среди которыхъ изрѣдка попадались отбивные кремневые осколки, а также и отчасти обработанные бивни или ножны кости первобытного слона, служившіе орудіями или оружиемъ.

Слой этотъ представлялъ собой цѣлый рядъ кострищъ, слившихся вмѣстѣ и расположенныхъ одно непосредственно на другомъ, почему толщина его равнялась 40—60 стм., площадь же, занятая имъ, обнимала собой пространство около 3000 кв. м. Со всѣхъ сторонъ въ большомъ количествѣ его окружали бивни, кости и зубы тѣхъ-же дилювіальныхъ животныхъ (первобытного слона, носорога, пещерного медвѣдя, льва и гиены) а также и куски, а иногда и большія части стволовъ деревьевъ.

Этотъ культурный слой находился главнымъ образомъ въ намывномъ мелкозернистомъ сѣро-зеленоватомъ пескѣ. Въ этомъ же пескѣ какъ вокругъ культурного слоя, такъ и надъ нимъ, находились подобные-же ему культурные слои, но значительно меньшихъ размѣровъ, часто представлявшіе собой лишь отдѣльныя кострища.

Заключавшій въ себѣ всѣ эти культурные слои толстый пластъ сѣро-зеленоватаго мелко-зернистаго песка сверху былъ покрытъ —мѣстами небольшими валунами и крупнозернистымъ пескомъ, мѣстами-же твердой массой охристаго цвѣта, образовавшейся главнымъ образомъ изъ спекшагося вмѣстѣ песка и щебня. Надъ этимъ слоемъ возвышалася ярусъ слоистыхъ песковъ, которые смѣнялись суглинкомъ, прикрытымъ сверху мощнымъ слоемъ лесса.

Остальные культурные слои находились одинъ надъ другимъ и залегали въ видѣ гнѣздообразныхъ мѣсть въ слоистыхъ пескахъ. Они представляли собой отдѣльныя пятна культурного слоя со строго ограниченными очертаніями и заполняли собой небольшія углубленія, надъ которыми, очевидно, былъ устроенъ родъ шалаша изъ кожи или хвороста, не позволявшій культурному слою распространяться за его предѣлы. Культурный слой состоялъ здѣсь главнымъ образомъ изъ мелко перебитыхъ костей животныхъ, остатковъ истлѣвшихъ органическихъ веществъ, множества кремневыхъ осколковъ и кремневыхъ валуновъ, приготовленныхъ для оббивки.

Выше этихъ пятенъ культурнаго слоя въ тѣхъ-же слойстыхъ пескахъ выдѣлялась коричневымъ цвѣтомъ горизонтальная широкая полоса, заключавшая въ себѣ обильные остатки полуустлѣвшихъ вѣтвей и частей стволовъ различныхъ деревьевъ, что указывало на существование здѣсь въ далекомъ прошломъ густого лѣса, погибшаго и впослѣдствіи занесенного дальнѣйшими геологическими отложеніями, главнымъ образомъ лессомъ, обра-зованіемъ надъ нимъ мощный пластъ.

Описываемая Киево-Кирилловская стоянка принадлежить къ древнѣйшему періоду палеолитической эпохи, за это говорятъ слѣдующіе факты: Во 1-ыхъ,—глубокое залеганіе культурнаго слоя, открытаго подъ древними отложеніями, состоявшими отчасти изъ валуновъ, преимущественно же изъ сѣраго слойстаго песка и прикрывавшаго его лесса, достигавшихъ вмѣстѣ 19—22 м. толщины.

Во 2-хъ,—составъ культурнаго слоя, содержащаго въ себѣ какъ отдѣльные куски, такъ и значительныя части толстыхъ стволовъ уже исчезнувшихъ породъ деревьевъ (кедра, кипариса, ели), а также и необыкновенно обильное скопленіе цѣлыхъ, перебитыхъ и обугленныхъ бивней, костей и зубовъ давно вымершихъ древнѣйшихъ диловіальныxъ животныхъ.

Матеріа1ъ, добытый на Киево-Кирилловской стоянкѣ, даетъ намъ полную возможность познакомиться съ тѣми условіями, при которыхъ ея первому поселенцу приходилось вести борьбу за свое существование и установить въ общихъ чертахъ его образъ жизни.

Древніе обитатели территоріи Киева появились въ то отдаленное отъ насть время, когда главными представителями фауны нашего края были—первобытный слонъ, носорогъ, пещерный медвѣдь, левъ и гіена, а флоры—кедръ, кипарисъ, ель. Борьба съ суровой первобытной природой заставила ихъ сплотиться въ большія общества, а болѣе или менѣе благопріятныя условія жизни нозволили имъ остаться здѣсь очень продолжительный періодъ времени. Объ этомъ говорить обширность стоянки, множество отдѣльныхъ костищъ, толщина и величина культурнаго слоя, а также и обильное скопленіе костей и чередующіеся одинъ надъ другимъ культурные слои.

Образъ жизни этихъ поселенцевъ быть очень несложень,—почти всѣ ихъ стремленія сводились къ поискамъ за пищей. Судя по обилію костей, найденныхъ въ культурномъ слоѣ стоянки, главной ихъ пищей было мясо животныхъ, но весьма воз-

можно, что они пользовались также и растительной пищей. Для этой цѣли имъ могли быть пригодны плоды дикоростущихъ деревьевъ и корнеплоды. Поэтому главнымъ занятіемъ этихъ древнихъ обитателей являлась охота, сопряженная съ большими трудностями въ виду значительной опасности, грозившей человѣку повсюду и скучныхъ средствъ, которыми онъ могъ располагать для нея. Для того, чтобы убить такое крупное животное, какимъ былъ первобытный слонъ или носорогъ, необходима была известная хитрость и ловкость, помогавшія загнать неповоротливое животное въ лѣсную чащу, гдѣ оно оказывалось въ западнѣ или направить его въ глубокіе овраги или тонкія болотистыя мѣста, затянутыя льдомъ и покрытыя снѣгомъ, въ которыхъ животное проваливалось и такимъ образомъ попадало въ руки охотниковъ, толпой окружавшихъ его и съ криками поражавшихъ палицами, сдѣланными изъ частей бивней и ножныхъ костей, или-же кремневыми осколками, прикрепленными къ деревяннымъ палкамъ.

Согласиться съ мнѣніемъ многихъ изслѣдователей, считающихъ, что въ столь глубокой древности человѣкъ уже пользовался лукомъ, невозможно, такъ какъ, во 1-ыхъ, для этого не имѣется никакихъ данныхъ и, во 2-ыхъ, относительная сложность устройства этого оружія не позволяетъ отнести его изобрѣтеніе къ раннему периоду каменного вѣка.

Не меньшій трудъ представляла также и доставка добычи на мѣсто стоянки. Разумѣется, небольшихъ животныхъ легко можно было перенести, но иначе обстояло дѣло съ крупными, напр., слономъ или носорогомъ,—ихъ приходилось дѣлить на части и по кускамъ сносить на мѣсто стоянки.

Мясо, повидимому, не употреблялось сырьмъ въ пищу, но жарилось на огнѣ, что подтверждается какъ многочисленными кострищами, открытыми на стоянкѣ, такъ и обгорѣлыми костями животныхъ.

Древній поселенецъ Кіево-Кирилловской стоянки былъ не только хорошо знакомъ съ употребленіемъ огня, но умѣть также и сохранять его. Для этой цѣли ему служили большія кости и черепа крупныхъ животныхъ, найденные обугленными на кострищахъ. Кость хорошо горитъ и тлѣеть дольше, чѣмъ дерево, поэтому первобытный человѣкъ, помѣщая крупные кости въ костеръ, надолго сохранялъ огонь и былъ увѣренъ, что дождь окончательно не затушитъ его.

Если-бы мы захотѣли обрисовать духовный облик нашего палеолитического предшественника, то намъ едва-ли удалось много сказать по этому вопросу. Здѣсь не пришлось-бы упоминать ни о самыхъ первоначальныхъ представленихъ о Божествѣ, ни о самой смутной мысли о загробной жизни. Древнѣйшіе поселенцы нашего края, повидимому, еще не обладали ни однимъ изъ только что приведенныхъ понятій. Этимъ можно объяснить полное отсутствіе въ нашемъ краѣ не только погребеній, относящихся къ описываемому періоду, но и находокъ отдѣльныхъ человѣческихъ костей. Однако, окружавшая его природа несомнѣнно уже производила на него впечатлѣніе и онъ, быть можетъ въ часы отдыха, старался воспроизводить видѣнное. Среди палицъ, сдѣланныхъ изъ бивней первобытного слона, въ числѣ которыхъ иная были украшены нарѣзами, была найдена часть бивня, покрытая несложной по рисунку рѣзьбой, въ которой можно узнать изображеніе птицы и какого-то щитоноснаго животнаго.

Обрисовавъ, насколько это позволили добытыя раскопками данины, жизнь древнѣйшихъ поселенцевъ Кіево-Кирилловской стоянки, посмотримъ, всегда-ли одинаково благопріятны были условия для ихъ пребыванія здѣсь.

Внимательное изученіе наслоеній этой стоянки показываетъ, что хотя она по характеру найденныхъ на ней предметовъ и принадлежитъ къ дилювіальной эпохѣ, но ея культурные слои относятся къ разнымъ періодамъ этой эпохи и отдѣлены другъ отъ друга большими промежутками времени.

Первые обитатели нашей мѣстности, оставившиіе самый мощный, нижній культурный слой на Кіево-Кирилловской стоянкѣ, заселили ее въ то время, когда мѣсторасположеніе стоянки представляло собой дно одного изъ многочисленныхъ овраговъ, примыкавшихъ къ широкой долинѣ, прорѣзывавшей эту мѣстность съ сѣвера на югъ. Время это, по всей вѣроятности, совпадаетъ съ тѣмъ періодомъ, когда сѣверная Россія и Германія находились еще подъ ледникомъ, доходившимъ у насъ до Смоленска и достигавшимъ современного водораздѣла. Среднее-же Приднѣпровье къ тому времени успѣло уже освободиться отъ него. Это самый продолжительный періодъ человѣческаго пребыванія здѣсь. Впоследствіи, когда таяніе этого ледника вызвало большие разливы воды, затоплявшіе вмѣсть съ другими мѣстностями и Кіево-Кирилловскую стоянку, ея поселенцы принуждены были искать болѣе безопасное убѣжище. Культурные слои, открытые на высшихъ горизонтахъ въ слоистыхъ пескахъ **Пома-**

зываются на то, что человѣкъ нѣсколько разъ возвращался на это мѣсто, но долго не могъ на немъ оставаться и снова при-
нуждаемъ былъ покидать его.

Дальнѣйшіе слѣды человѣческаго существованія въ Сред-
немъ Приднѣпровья открыты на палеолитической стоянкѣ, изслѣ-
довавшейся въ с. Мезинѣ, Черниговской губ., Ф. К. Волковымъ. Сто-
янка эта находилась уже въ лѣсѣ и была обнаружена на глуби-
нѣ 3—4 м. отъ поверхности земли. Среди костей животныхъ
здесь были найдены, кромѣ значительного количества костей
первобытнаго слона, множество костей сѣвернаго оленя, лося,
первобытнаго быка, волка и другихъ болѣе позднихъ животныхъ,
совершенно отсутствовавшихъ среди остатковъ Киево-Кириллов-
ской стоянки. Изъ костяныхъ и роговыхъ издѣлій были найде-
ны орудія, приготовленныя изъ бивней, роговъ и костей этихъ
животныхъ, а также и пластическая костяная изображенія и
сверленные костяные-же предметы.

Затѣмъ слѣды дилювіального человѣка, относящіеся къ еще
болѣе позднему періоду палеолитической эпохи, дала стоянка,
изслѣдовавшаяся въ с. Гонцахъ Полтавской губ. покойнымъ пр.
Феофилактовымъ. Здесь также среди костяныхъ издѣлій (едѣ-
ланныхъ изъ костей болѣе позднихъ животныхъ и рѣдко перво-
бытнаго слона), были найдены просверленные предметы. Нако-
нецъ, остается упомянуть о дилювіальной стоянкѣ, открытой
лѣтомъ 1911 года въ м. Искорости Волынской губ. На опи-
саніи ея остановимся нѣсколько дольше. Раскопка была про-
изведена по порученію предсѣдателя Императорской Археолог.
Комиссіи, при участіи полковника С. Н. Крейтона. Стоянка
находилась въ самомъ м. Искорости вблизи скалистаго берега
мѣстной рѣки Ужъ. Она залегала, въ чистомъ нетронутомъ
слоѣ материковой земли, которой также была и прикрыта. Слой
этотъ уже при поверхности земли смѣнялся пластомъ земли,
образовывавшейся вѣками отъ перегноя растительности. Въ
VIII—IX в. главная площадь этой стоянки была покрыта вы-
сокой, обширной курганной насыпью. Здесь обнаруженъ цѣлый
рядъ отдельныхъ кострищъ разнообразной величины, которыя
 пятнами выдѣлялись на общемъ фонѣ земли, благодаря заклю-
чившимся въ нихъ слоямъ золы и угля, пережженной земли и
прослойкамъ культурнаго слоя, который, повидимому, образовался
изъ истлѣвшихъ костей животныхъ и другихъ органическихъ
веществъ. Эти кострища были окружены необыкновеннымъ оби-
ліемъ кремневыхъ орудій, по разнообразію типовъ, выдѣлкъ и

количеству далеко превосходящихъ орудія описанныхъ выше стоянокъ и даже самой обширной изъ нихъ—Киево-Кирилловской. Среди этихъ орудій обращаютъ на себя особое вниманіе—рѣзцы своеобразные по формѣ и различные по величинѣ, копьевобразныя остроконечныя орудія, ножи и скребки. Сюда-же относятся орудія, встрѣченныя здѣсь въ большомъ количествѣ и иногда достигающія весьма крупныхъ размѣровъ, назначеніе которыхъ при современномъ состояніи науки трудно опредѣлить. Къ сожалѣнію, на этой стоянкѣ не сохранилось иныхъ остатковъ, кромѣ вышеописанныхъ, почему мы и не можемъ познакомиться съ бытомъ и условіями жизни ея поселенцевъ. Однако, прекрасная выдѣлка орудій указываетъ на довольно высокій культурный уровень, превосходящій культурный уровень поселенцевъ описанныхъ выше стоянокъ.

Изъ всего только что сказанного видно, что древнѣйшіе обитатели Средняго Приднѣпровья, появившись въ немъ въ очень ранній періодъ междудніковой эпохи, прожили здѣсь весьма долгое время—вплоть до окончанія лессовыхъ образованій.

Подтвержденіемъ этого заключенія, слѣдовательно, служать слѣдующія данныя:

- 1) Послѣдовальность въ расположениіи культурныхъ слоевъ, начиная съ залеганія ихъ въ древнѣйшихъ дилuvіальныхъ насахъ и до нахожденія во всѣхъ позднѣйшихъ отложеніяхъ вплоть до полнаго окончанія лессовыхъ образованій.
- 2) Постепенное исчезновеніе древней фауны, съ ея главнымъ представителемъ—первобытнымъ слономъ, и замѣна ея новыми видами животныхъ—разными породами оленей, первобытнымъ быкомъ и др., что можно прослѣдить по содержимому культурныхъ слоевъ дилuvіальныхъ стоянокъ.

- 3) Замѣчательная устойчивость въ употребленіи костяныхъ издѣлій, приготовляемыхъ палеолитическимъ человѣкомъ, сначала изъ костей и бивней первобытнаго слона, а затѣмъ и изъ костей и роговъ оленей и другихъ позднѣйшихъ животныхъ.

Опредѣливъ приблизительно время появленія первого поселенца нашего края и показавъ продолжительность его пребыванія здѣсь, мы остановимся на вопросѣ—откуда онъ появился?

Къ сожалѣнію, дать вполнѣ опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ очень трудно, такъ какъ при раскопкѣ Киево-Кирилловской стоянки, несмотря на всю обширность занимаемой ею площади, не было найдено ни одного человѣческаго черепа,

который-бы помогъ съ точностью отнести древняго Средне-Приднѣпровскаго обитателя къ той или другой извѣстной намъ расѣ. Тѣмъ не менѣе общность характера его культуры съ характеромъ культуры, открытой въ другихъ мѣстностяхъ Европы, гдѣ на ряду съ остатками человѣческаго существованія были найдены и черепа, палеолитическая древность которыхъ вполнѣ доказана, позволяетъ сдѣлать нѣкоторые выводы.

Предположимъ, что древніе обитатели Средняго Приднѣпровья перекочевали къ намъ изъ Западной Европы, — напр., изъ современной намъ Франціи, гдѣ открыто и изучено множество остатковъ дилювіального человѣка, такъ называемаго Неандертальскаго типа. Но это предположеніе встрѣчается серіозныя возраженія,— во 1-ыхъ въ томъ, что до сихъ поръ не только въ области Средняго Приднѣпровья, но и во всей Россіи, въ восточной Австріи и восточной Германіи не было найдено ни одного костяка, ни одного черепа Неандертальскаго типа и, во 2-хъ въ томъ, что въ этихъ-же мѣстностяхъ совершенно не встрѣчается культура, сопровождающая эту расу.

Культура эта, характеризующаяся крупными и грубыми орудіями (т. наз. Сенть-Ашельскаго типа) и отсутствиемъ костяныхъ и роговыхъ предметовъ, появилась въ очень раннемъ періодѣ палеолитической эпохи на Пиринейскомъ полуостровѣ и во Франціи. Впослѣдствіи она проникаетъ даже въ нѣкоторыя мѣста средней Европы. Нашей-же мѣстности, также какъ и всей восточной половинѣ Европейскаго материка, неизвѣстенъ характеризующій ее типъ орудій. Кіево-Кирилловская стоянка во всѣхъ своихъ культурныхъ слояхъ, начиная съ самаго древняго, нижняго и кончая позднѣйшими, дала мелкія кремневыя орудія, а также и орудія и оружіе, сдѣланыя изъ костей и бивней первобытнаго слона, отличающіяся крупными размѣрами.

Кромѣ того, подобный-же типъ орудій былъ найденъ и на другихъ палеолитическихъ стоянкахъ Средняго Приднѣпровья. Такъ на стоянкѣ, изглѣдованной ю. К. Волковымъ въ с. Мезинѣ, Черниговской губ., на ряду съ мелкими кремневыми орудіями были найдены орудія и оружіе изъ костей, бивней первобытнаго слона и костей и роговъ оленей, о чемъ уже упоминалось выше. Тоже можно сказать и о стоянкѣ, открытой въ с. Гонцахъ, Полтавской губ. На новооткрытой стоянкѣ въ м. Искорости хотя и не сохранилось костяныхъ остатковъ, но былъ обнаруженъ типъ орудій, представляющій дальнѣйшее развитіе типа орудій вышеупомянутыхъ стоянокъ.

Этаже культура, сопровождающаяся предметами из кости и рога, была въ большомъ распространеніи въ Прикарпатскихъ мѣстностяхъ, гдѣ она была открыта въ многочисленныхъ пещерахъ, напр., Подольской губ., Галиціи, въ окрестностяхъ Кракова. Особенно обильна находками, относящимися къ этой культурѣ Моравія, гдѣ надь ея изслѣдованиемъ потрудились г.г. Банкель, Машка, Крижъ, Клисе и др. и гдѣ были найдены современные ей человѣческие черепа.

Этаже культура, но уже достигшая блестящаго развитія была очень распространена въ концѣ дилuvіальной эпохи во Франціи, гдѣ самыя замѣчательныя находки, относящіяся къ ея времени, сдѣланы въ прибрежныхъ пещерахъ рѣкъ Везера и Дордони. Она изучена французскими учеными Капитэномъ, Брейломъ и др.

Изъ всего сказанного видно, что человѣкъ, принадлежавшій къ Неандертальской расѣ, проникнувъ, вѣроятно, съ Африканскаго материка, нѣкогда соединенного съ Европейскимъ, спачала занять Пиринейскій полуостровъ, а затѣмъ и Западную Европу, но ему не удалось достигнуть не только предѣловъ Западной Россіи, но даже и восточной Австріи и восточной Германіи, гдѣ слѣды его пребыванія совершенно отсутствуютъ. Поэтому и выводить древнихъ поселенцевъ Киево-Кирилловской стоянки изъ западной Европы невозможно.

Немыслимо также предположить, что они пришли въ нашу мѣстность съ Сѣвера. Какъ мы видѣли выше, приходъ ихъ въ Среднее Приднѣпровье совпадаетъ съ тѣмъ періодомъ времени, когда сѣверные страны Россіи и Германіи были покрыты сплошнымъ ледникомъ, что само собой исключаетъ всякую мысль о возможности здѣсь человѣческаго, да и вообще какого-бы то ни было, существованія.

Мы можемъ еще обратиться въ Сибирь и на югъ Европы, откуда и вывести древнихъ обитателей нашего края.

Вполнѣ вѣроятнымъ казалось-бы предположеніе, что человѣкъ, слѣдя за первобытнымъ слономъ, явившимся къ намъ изъ западной Сибири и распространившимся далѣ на Западъ, могъ добраться до нашей мѣстности, гдѣ и выбралъ своимъ мѣстопребываніемъ Киево-Кирилловскую стоянку. Но этому предположенію противорѣчить строеніе череповъ палеолитического человѣка, бывшаго носителемъ древней культуры какъ нашего края, такъ и вышеупомянутыхъ странъ Европы. Всѣ эти черепа принадлежать къ длинноголовому типу и отличаются и отъ Неандертальского типа и Сибирскаго—коротко-

головаго, но имѣютъ большое сходство съ черепами послѣдующей эпохи.

Наконецъ, остаются сосѣднія съ нами страны, расположенные южнѣе нашего края, находившіяся за предѣлами ледниковаго вліянія, которая и представляли значительная удобства для незатѣйливаго существованія древняго человѣка. Впослѣдствіи, когда ледникъ, покрывавшій Среднее Приднѣпровье, стала отступать къ сѣверу и когда климатическая условія нашей мѣстности настолько улучшились, что она покрылась богатой растительностью, человѣкъ могъ, слѣдя за крупными млекопитающими тѣхъ временеми, передвинуться сюда изъ южныхъ странъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ далекую отъ насъ палеолитическую эпоху Европа была заселена двумя расами, изъ которыхъ каждая являлась носительницей своеобразной культуры. Изъ этихъ двухъ рась западная, Неандертальскаго типа, вѣроятно, была Африканскаго происхожденія; родиной-же восточной расы могли быть только мѣстности, не подвергшіяся вліянію сѣвернаго ледника. Здѣсь могутъ быть слѣдующія предположенія. Восточная раса пришла въ нашъ край или изъ мѣстъ, прилегающихъ къ теперешнему Эгейскому морю, которое въ это время представляло собой сушу, вполнѣ удобную для жизни и передвиженій древняго человѣка и современныхъ ему животныхъ, или-же изъ Прикарпатской области, гдѣ впослѣдствіи упомянутая раса особенно распространялась. Наконецъ, вполнѣ возможно, что удобнымъ мѣстомъ для первоначального появленія восточной расы была Волынская губ., которая въ своихъ глубокихъ ярахъ и береговыхъ обрывахъ обнаруживаетъ громадныя скопленія костей древнѣйшихъ дипловіальныхъ животныхъ и которая находилась за чертой ледниковаго вліянія.

II.

Н е о л и тъ

На сѣмьну древнимъ поселенцамъ Киево-Кирилловской стоянки явились послѣдующіе обитатели нашей мѣстности, оставившіе здѣсь многочисленные памятники своего пребыванія. Памятники эти открытые какъ на Киевскихъ, такъ и на другихъ возвышенностяхъ, обильно усѣиваются почти все Среднее Приднѣпровье. Эти слѣды человѣческаго существованія относятся уже къ тому сравнительно

недавнему времени, когда различные геологические перевороты, вызванные таянием съверного ледника, совершенно закончились и когда улучшившіяся климатическая условія дали возможность появиться въ Среднемъ Приднѣпровье современій растительности и животнымъ.

Если памятники палеолитической эпохи даютъ памъ только общее представлениe о человѣкѣ того времени, то остатки человѣческаго существованія неолитической эпохи, которыми такъ богато Среднее Приднѣпровье и въ частности Кіевъ, позволяютъ составить болѣе полную картину образа жизни современаго имъ человѣка, даютъ возможность указать на степень его духовнаго развитія и даже представить его наружность.

Памятники эти по характеру и разнообразію могутъ быть раздѣлены на 2 группы, изъ которыхъ одна будетъ заключать въ себѣ памятники, относящіеся къ болѣе древнему періоду неолитической эпохи, другая-же къ болѣе позднему.

Къ 1-ой группѣ относятся остатки жилищъ,—т. наз. землянки, а также стоянки и пещеры (къ послѣднимъ принадлежать пещеры, изслѣдованные въ нашей области гр. А. С. Уваровымъ и пр. В. Б. Антоновичемъ).

Остатки жилищъ представляютъ собой четырехугольное углубленіе, имѣющее 4—5 м. въ длину и 3—4 м. въ ширину. Посрединѣ этого углубленія находится 2-ое меньшее по размѣрамъ, но болѣе глубокое, въ которомъ въ противоположномъ отъ входа концѣ у стѣнки (иногда и въ самой стѣнкѣ) устраивалась печь или очагъ. Вдоль стѣнъ большаго (наружнаго) углубленія иногда сохраняются обугленные остатки вбитыхъ въ землю колышевъ, служившихъ основой для стѣнъ, а возлѣ нихъ встречаются куски обвалившейся стѣнной глиняной обмазки съ отпечатками прутьевъ или хвороста; самыя-же стѣны, повидимому, были сплетены изъ прутьевъ или хвороста въ видѣ плетня и обмазаны съ одной или двухъ сторонъ глиной. На стѣнахъ покойлась поддерживаемая еще внутренними столбами крыша, также сплетенная изъ тростника или хвороста и, возможно, еще присыпанная сверху землей. Крыша могла быть какъ двускатной, такъ и односкатной. Дымоотводъ выводился или изъ самой землянки и возвышался надъ крышей или-же (если печь значительно углублялась въ стѣну) устраивался виѣ землянки у ея наружной стѣны, возлѣ которой во внутреннемъ помѣщеніи находилась печь или очагъ. Въ этой-же

противоположной входу части землянки подъ крышей устраивался, родь небольшого чердачка. Входное отверстіе было невелико и по всей вѣроятности завѣшивалось кожей. Земляные ступеньки вели во внутреннее помѣщеніе.

Остатки этихъ древнѣйшихъ человѣческихъ жилинъ заключаютъ въ себѣ культурный слой, который обыкновенно заполняетъ до половины, а иногда и больше, среднее углубленіе землянки, гдѣ находится печь, и состоить главнымъ образомъ изъ громаднаго количества пищевыхъ остатковъ—преимущественно изъ двустворчатыхъ рѣчныхъ раковинъ, костей, иногда и роговъ разныхъ животныхъ, а также и изъ чешуи и костей рыбъ. Такое обильное скопленіе пищевыхъ отбросовъ можно объяснить, тѣмъ, что обитатели землянокъ во время Ѣды располагались вокругъ средняго углубленія и бросали въ него всѣ пищевые остатки. Остатки эти всегда бываютъ перемѣшаны съ золой, углемъ и значительнымъ количествомъ черепковъ глиняныхъ сосудовъ. Среди всего этого попадаются также и костяные, роговые и каменные орудія.

Всѣ предметы, встрѣчаемые въ землянкахъ, носятъ отпечатокъ примитивной, неумѣлой обработки, что особенно замѣтно на выдѣлкѣ керамическихъ издѣлій.

Глиняные сосуды древняго периода неолитической эпохи, судя по черепкамъ, найденнымъ въ разныхъ групахъ землянокъ, относящихся къ этому времени, сдѣланы отъ руки, глина для нихъ взята безъ подбора, стѣнки ихъ толсты и обожжены лишь отчасти, что объясняется обжиганіемъ сосудовъ на открытомъ огнѣ. Поверхность ихъ была или совершенно лишена какого-бы то ни было украшенія (орнамента, ушекъ) или-же покрывалась примитивнымъ орнаментомъ въ видѣ различно расположенныхъ черточекъ, лунообразныхъ углубленій (т. наз. ногтевой орнаментъ) и ямокъ, вытисненныхъ палочкой или трубчатой костью.

Поэтому особый интересъ пріобрѣтаетъ находка своеобразныхъ по украшенію черепковъ глиняныхъ сосудовъ, найденныхъ въ 2—3-хъ древнѣйшихъ землянкахъ. Землянки эти принадлежали къ цѣлой группѣ этого рода жилищъ, открытыхъ на плато возвышенности, расположенной на Кирилловской улицѣ въ усадьбахъ №№ 59 и 61, гдѣ была открыта описанная выше палеолитическая стоянка. Здѣсь среди характерныхъ для этого периода черепковъ были найдены остатки сосудовъ, украшенныхъ примитивною росписью. Одни изъ этихъ сосудовъ были покрыты съ наружной и внутренней стороны волнистыми или безъ симме-

три пересъкавши мися линіями, другіе-же украшались обычнимъ для того времени орнаментомъ въ видѣ нѣсколькихъ рядовъ черточекъ, въ этомъ случаѣ вмѣсто тисненія произведенныхъ вдавливаніемъ въ сырую глину красно-буорой, а иногда и черной краски. Нѣть основанія сомнѣваться въ ихъ мѣстномъ происхожденіи. Это подтверждается не только неумѣло исполненной росписью, но и самимъ составомъ глины, заключающей въ себѣ примѣсь толченыхъ двустворчатыхъ раковинъ, которая совершенно отсутствуетъ въ позднѣйшихъ росписныхъ сосудахъ.

Переходя къ описанію предметовъ иного рода, встрѣчаемыхъ въ древнѣйшихъ землянкахъ, нужно указать на то, что среди орудій здѣсь преобладаютъ издѣлія изъ костей и роговъ оленя и лося. Кремневыя-же орудія попадаются значительно рѣже. Послѣднія имѣютъ небольшіе размѣры и отличаются тою особенностью, что ихъ рѣжущія части заострены одновременно и оббивкой и шлифовкой. Этотъ способъ выдѣлки примѣнялся не только при производствѣ топориковъ и долотъ, сдѣланныхъ изъ различныхъ породъ камня, но и при изготовленіи кремневыхъ ножей и скребковъ. Необходимо замѣтить, что всѣ эти каменные издѣлія не носятъ характера опредѣленно выраженныхъ орудій въ смыслѣ ихъ назначенія.

Въ видѣ единичныхъ экземпляровъ въ землянкахъ встречаются также и шлифовальные камни, пращи и зернотерки.

Не лишнимъ также будетъ указать на находки въ землянкахъ поджаренныхъ зерень хлѣбныхъ растеній (пшеницы, ячменя и проса), а также и на присутствіе въ землянкахъ (что прослеживается во всѣ периоды неолитической эпохи) щитковъ рѣчныхъ черепахъ, принадлежащихъ къ одному опредѣленному виду.

Изъ всего сказанного видно, что обитатели землянокъ древнѣйшаго периода неолитической эпохи стѣумѣли окружить себя сравнительно большими удобствами, чѣмъ ихъ древніе предшественники поселенцы Киево-Кирилловской стоянки, которыхъ они уже значительно превзошли въ культурномъ отношеніи.

Этимъ мы закончимъ описание важнѣйшихъ памятниковъ древняго периода неолитической эпохи и перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію остатковъ человѣческаго существованія въ ся позднѣйшій періодъ.

Здѣсь на ряду съ землянками вполнѣ сходными съ описанными выше, встречается новый типъ памятниковъ, незнакомыхъ болѣе древнему времени неолитической эпохи это, т. наз., площадки, т. е.,

мѣста, на которыхъ совершился обрядъ погребеній и жертвоприношенія.

Культура, характеризующаяся этими памятниками, отъ самаго богатаго по ея находкамъ мѣста получила название Трипольской.

Въ площадкахъ искусство керамики прогрессируетъ какъ въ смыслѣ разнообразія формъ сосудовъ, такъ и въ смыслѣ богатства ихъ укращенія. Появляется роспись.

Кремневые предметы здѣсь преобладаютъ надъ костяными или сдѣлаными изъ роговъ лося или оленя. Они не только разнообразиѣ издѣлій предшествующаго періода неолитической эпохи, но и значительно отличаются отъ нихъ по способу выдѣлки. Форма этихъ кремневыхъ издѣлій всегда опредѣлена въ смыслѣ назначенія. Кромѣ того между ними уже встрѣчаются новые типы—наконечники копій и стрѣль, совершенно отсутствующіе въ землянкахъ древняго періода неолитической эпохи.

Площадки находятся на возвышенныхъ мѣстахъ и отстоять одна отъ другой на разномъ разстояніи, достигающемъ иногда несколькихъ десятковъ метровъ. Онѣ сосредоточиваются въ отдельныхъ мѣстахъ и составляютъ болѣе или менѣе многочисленныя группы. Этотъ родъ древнихъ памятниковъ, представляющихъ собой развалины своеобразныхъ глинибітныхъ сооруженій различныхъ по величинѣ и формѣ, на поверхности земли ничѣмъ не отмѣченъ и обнаруживается только раскопками.

Остатки этихъ сооруженій представляютъ собой или небольшія площадки ($4-5 \times 6-7$ м.), покрытыя сплошнымъ слоемъ стяженной и обожженной глины или же (въ большинствѣ случаевъ) значительно большія площади, на которыхъ расположены 2-мя—5-ю рядами лежащиа другъ надъ другомъ пласти или комки обожженной глины. Эти пласти имѣютъ отъ 5-и до 10-и см. толщины и бываютъ съ одной или двухъ сторонъ стяжены; при этомъ одна сторона обыкновенно выкрашена бѣлой, желтоватой или красной краской. Нерѣдко вѣкоторыя изъ этихъ обломковъ стѣнъ сохраняютъ на обратной сторонѣ отпечатки деревянныхъ брусьевъ, кольевъ или прутьевъ, указывающіе на прикосновеніе послѣднихъ еще къ сырой глине пластовъ.

Здѣсь будетъ не лишнимъ замѣтить, что несмотря на значительное количество какъ отдѣльныхъ площадокъ, такъ и целыхъ группъ ихъ, открытыхъ въ разныхъ мѣстностяхъ, до сихъ поръ не удалось ни восстановить первоначального вида, ни со-

ставить точного плана этихъ интересныхъ сооруженій. Причина такой неудачи заключается не только въ глубокой древности, но и въ отсутствіи у нихъ прочной основы, которая-бы могла сохранить очертаніе фундаментовъ стѣнъ. Деревянная-же основа этихъ сооруженій только ускорила ихъ разрушеніе. Кромѣ того очень губительнымъ для ихъ сохранности является обычное расположение этихъ памятниковъ на возвышенныхъ мѣстахъ и на небольшой глубинѣ, а также и вспашка надъ ними земли, которая, разрыхляя поверхность земли, облегчаетъ прониканіе въ нее ~~атмосферныхъ~~ осадковъ и такимъ образомъ способствуетъ ихъ разрушенію.

Какъ было уже сказано, площадки представляютъ собой мѣста для погребеній и жертвоприношеній. Это подтверждается находками въ ихъ развалинахъ погребеній, глиняныхъ жертвенниковъ и предметовъ, сопровождавшихъ жертвоприношенія.

Обрядъ погребенія въ эту эпоху почти всегда сопровождался сожиганіемъ тѣла покойника и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ покойникъ погребался не сожженымъ. При 1-омъ обрядѣ погребенія на небольшихъ площадкахъ, смазанныхъ однимъ слоемъ глины пережженныя кости покойника бываютъ или сложены въ одномъ мѣстѣ или-же разбросаны по всей ея поверхности. На большихъ-же площадкахъ съ нѣсколькими пластами обожженной глины пережженныя человѣческія кости лежать на какомъ-нибудь одномъ пластѣ и также, какъ и въ меньшихъ площадкахъ, находятся или въ одномъ мѣстѣ или-же разсыпаны по всей площадкѣ. Впрочемъ, это не исключаетъ возможности находить ихъ одновременно съ этимъ и на другихъ мѣстахъ той-же площадки. Въ площадкахъ этого рода иногда встречаются особья углубленія, имѣющія видъ четырехугольной ямы, дно и стѣны которой покрыты слоемъ сглаженной и впослѣдствіи обожженной глины. На полу такой ямы подъ пластами обожженной глины находятся пережженныя или только отчасти обожженныя человѣческія кости. Расположеніе послѣднихъ даетъ возможность судить о положеніи тѣла покойника въ моментъ сожженія. (Что было замѣчено, напр., на площадкахъ, открытыхъ въ с. Веремѣевъ Киевскаго у.)

Предметы, принесенные вмѣстѣ съ покойникомъ, какъ, напр., многочисленные глиняные сосуды, глиняные статуэтки, грузила, кремневые, роговые и костяные издѣлія, каменные зернотерки, камни для пращей и т. д., встречаются лишь въ нѣкоторой части площадки, при чёмъ находятся въ определѣ-

ленномъ мѣстѣ или же расположены отдельными группами. Послѣднее позволяет предположить, что такого рода площадки принадлежали не одному лицу, а цѣлому семейству. Потому-то величина, и разнообразіе формъ такихъ площадокъ, а также и количество находящихся на нихъ предметовъ, могли зависѣть отъ числа похороненныхъ въ нихъ членовъ семьи. Иногда при этомъ-же обрядѣ погребенія пережженныя кости покойника бываютъ заключены въ глиняномъ сосудѣ, окруженному нѣсколькими обыкновенно меньшими сосудами. Всѣ эти сосуды ставились на землю, но иногда помѣщались въ особаго рода углубленіи, почему при раскопкахъ бываютъ находимы возлѣ пластовъ обожженої глины.

При 2-омъ обрядѣ погребенія, при которомъ покойникъ не сожигался, костякъ съ положенными при немъ предметами находился въ восточной части площадки и былъ похороненъ или въ вытянутомъ положеніи, это какъ было найдено въ группѣ площадокъ, открытыхъ при с. Щербаневкѣ, или же въ скорченномъ—какъ обнаружено при с. Черняховѣ, Киевскаго у. Во 2-мъ случаѣ костякъ лежалъ подъ слоемъ обожженої глины посреди 4-хъ ногребеній съ сожженiemъ. При немъ находились 3 глиняные сосуды, совершенно сходные съ сосудами окружавшими его погребеній.

Изъ всего сказанного видно, что площадки являются древнѣйшими могильниками Средняго Приднѣпровья.

Среди предметовъ, встрѣчающихся на нихъ, керамическая издѣлія представляютъ наибольшій интересъ не только своею многочисленностью и разнообразіемъ типовъ, но также и способомъ выдѣлки, а главнымъ образомъ богатствомъ украшающаго ихъ орнамента.

Однако, несмотря на все впечатлѣніе необыкновенного разнообразія, керамическая издѣлія эти могутъ быть разделены по своимъ существеннымъ признакамъ и присущей имъ своеобразности только на 2 группы:

1) Къ первой изъ нихъ относятся сосуды съ сильно выдающимися, рѣзко скошенными къ днищу брюшинами, имѣющіе угловатый профиль; покрывающій ихъ орнаментъ несложенъ и состоять изъ черточекъ, полукругловъ и волнистыхъ линій. Недѣлько сосуды этой группы украшались рельефными изображеніями головъ домашнихъ животныхъ. Сюда-же относятся сосуды, окрашенные въ свѣтло-коричневую краску и расписанные орнаментомъ, выведеннымъ черной краской. Однако, каковъ-бы ни былъ орнаментъ этой группы сосудовъ, онъ всегда заполняетъ только верхнюю половину сосуда и никогда не распространяется на нижнюю.

2) Вторая группа сосудовъ отличается оть первой округленностью формы, большимъ разнообразіемъ и часто причудливымъ видомъ. Украшающій эти сосуды орнаментъ указываетъ на значительное развитіе художественной фантазіи. Онъ въ большинствѣ случаевъ состоить изъ тисненныхъ спиралей, различно пересѣкающихся линій и завитковъ, концентрическихъ круговъ, розетокъ или рельефныхъ украшений въ видѣ человѣческаго лица, жемчужно, или пуговкообразныхъ выпуклостей и ушекъ самой фантастической формы.

Къ сосудамъ этой-же группы относятся и такие, поверхность которыхъ по бѣлому фону покрыта темно-красными узорами, рѣзко обведенными по контурамъ черной краской, а также и большинство сосудовъ съ лоснящейся поверхностью, окрашенной въ свѣтло или темно коричневую краску, украшенныхъ орнаментомъ, состоящимъ изъ глубокихъ бороздокъ или нанесенныхъ наколомъ точечныхъ линій, заполненныхъ бѣлой массой.

Орнаментъ этой группы сосудовъ, въ противоположность 1-ой, покрываетъ почти всегда всю поверхность сосуда.

Что-же касается предметовъ иного рода, сопровождающихъ ту или другую группу сосудовъ, то относительно ихъ можно указать на слѣдующія наблюденія:

Въ могильникахъ съ площадками, расположавшимися въ себѣ сосуды 1-ой группы, всегда замѣчалось иное отсутствіе не только металла, но и каменныхъ полированныхъ или просверленныхъ предметовъ.

Въ площадкахъ-же съ сосудами, относящимися ко 2-ой группѣ, напротивъ, на ряду съ полированными и просверленными издѣліями изъ камня иногда встрѣчались единичные экземпляры плоскихъ топориковъ съ выпуклой поверхностью, изготовленные изъ чистой мѣди; какъ это было обнаружено въ самыхъ обширныхъ могильникахъ при м. Трипольѣ, с. Веремѣвѣ и с. Щербаневкѣ, Киевскаго у.

Однако было-бы ошибочно, основываясь на этихъ наблюденіяхъ, дѣлать выводы о разновременности двухъ указанныхъ группъ сосудовъ. Трипольская культура, обхватившая собой почти половину Европейскаго материка, хотя и носила всюду одинъ и тотъ-же характеръ, но, благодаря своему долгому существованию, приспособившись условиямъ занимаемыхъ ею мѣстностей,

создала много культурныхъ центровъ, имѣвшихъ свои излюбленные мотивы и свои формы. Поэтому одни изъ центральныхъ сосудовъ могли

Инв. №

26194

2

вполнѣ совпадать хронологически и, если одному центру были знакомы просверленныя и полированныя орудія и мѣдные топорики, то другой могъ совершено не знать ихъ.

Познакомившись съ важнѣйшими памятниками, оставленными вторыми поселенцами какъ на территории Кіева, такъ и въ другихъ мѣстахъ Средняго Приднѣпровья, мы видимъ, что неолитической человѣкъ, обитавшій въ нашемъ краѣ съ самой ранней поры описываемой эпохи вплоть до периода, въ которомъ появляется металлъ, значительно ушелъ впередъ въ культурномъ отношении. Мы видимъ также, что за этотъ периодъ времени онъ успѣлъ обогатиться полезными знаніями и значительно усовершенствоваться въ области производства.

Изучая сохранившіеся памятники неолитической эпохи, невольно является желаніе отыскать тѣ причины или опредѣлить тѣ благопріятныя условія, которыя помогли древнему человѣку сдѣлать такие быстрые и блестящіе успѣхи на пути культурного развитія. Съ другой стороны возникаетъ вопросъ,—дѣйствительно-ли только одними нашими предшественниками оставлены эти безчисленные памятники или-же нѣкоторые изъ нихъ принадлежать какому нибудь пришлому болѣе культурному народу, смѣнившему древнихъ поселенцевъ нашего края?

Однако согласиться съ послѣднимъ предположеніемъ не позволяютъ весьма серьезныя возраженія, имѣющіяся противъ него. Прежде всего этому противорѣчить одинаковый образъ жизни древнихъ поселенцевъ нашего края, который не мѣняется во всеѣ периоды неолитической эпохи. Затѣмъ противъ этого-же говорить и постепенность ихъ культурного роста, которую легко прослѣдить по древнимъ памятникамъ этой эпохи, представляющимъ цѣльность и неизмѣнность въ своемъ основномъ типѣ.

Судя по остаткамъ, найденнымъ въ землянкахъ, наши предшественники вели осѣдлую жизнь, помимо охоты и рыболовства занимались земледѣліемъ, были знакомы съ различными отраслями производства, изъ которыхъ гончарное, хотя и медленно, но постепенно развивалось и совершенствовалось. Это подтверждается улучшеніемъ не только материала, служившаго для выдѣлки керамическихъ издѣлій, но и самого орнамента, украшавшаго сосуды.

Въ болѣе поздній периодъ этой эпохи мы начинаемъ замѣтить въ остаткахъ жилищъ и особенно въ площадкахъ появление единичныхъ фрагментовъ сосудовъ, отличающихся отъ мѣстнаго типа. Какъ материалъ, изъ которого они были изготовлены, такъ и

уточченная техника ихъ производства и новый пріемъ въ украшении выдѣляютъ ихъ среди остальныхъ сосудовъ и не позволяютъ признать за издѣлія мѣстныхъ гончаровъ.

Интересно, что появление этихъ новыхъ сосудовъ съ течениемъ времени замѣтно учащается и % ихъ увеличивается какъ въ площацкахъ, такъ и въ землянкахъ; это особенно замѣтно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Параллельно съ этимъ развивается и облагораживается не только керамическое производство, но и вообще вся культура неолитическихъ обитателей нашего края. Мы видимъ, какъ постепенно вводятся разныя новшества въ той или другой отрасли производства, замѣчаемъ новые способы изготошенія предметовъ изъ кремня и другой породы камня, встрѣчаемъ новые пріемы въ украшениі керамическихъ издѣлій, которые по роскоши орнамента, состоящаго изъ великолѣпной пестрой росписи или прекрасной инкрустациіи, превосходятъ не только всю керамику предшествующаго времени, но и послѣдующаго, за исключениемъ развѣ греческой терракоты.

Это непрерывное усбвершенствованіе и постоянное обогащеніе въ производствѣ продолжается до тѣхъ поръ, пока не наступаетъ полный расцвѣтъ Средне-Приднѣпровской культуры, совпадающей съ первымъ появлениемъ металла въ видѣ плоскихъ мѣдныхъ топориковъ.

Такой-же замѣтный прогрессъ наблюдается и въ духовномъ развитіи нашихъ предшественниковъ—ихъ вѣрованія и обряды становятся сложнѣе по формѣ и глубже по содержанію. Обрядъ погребенія, совершившійся сначала при скромной, бѣдной обстановкѣ, позднѣѣ происходитъ при оченѣ пышной.

Могильники этого періода неолитической эпохи показываютъ, что похороны въ то время сопровождались жертвоприношеніями. При чемъ въ жертву приносились не только домашнія животныя, но и каменные, костяные и роговые орудія прекрасной выдѣлки, а также и богато украшенные сосуды, часто наполненные продуктами земледѣлія (въ большинствѣ случаевъ поджареннымъ зернами пшеницы), иногда-же содержащіе двустворчатыя раковины.

Изъ всего сказанного видно на какой высокой ступени культурного развитія находились наши неолитические предшественники. Достигнуть этого можно было лишь путемъ постепеннаго развитія и поддерживаніемъ добрыхъ взаимоотношеній съ ближайшими соцѣдями.

Постепенность развитія, какъ уже упоминалось, подтверждается неизмѣнностью основныхъ чертъ неолитическихъ памятниковъ;

лучшимъ-же доказательствомъ существованія добрыхъ взаимоотношеній между нашими предшественниками и ихъ культурными соседями служать находки въ этихъ памятникахъ, среди предметовъ мѣстного болѣе примитивнаго производства, издѣлій, материалъ и техника выдѣлки которыхъ указываютъ на принадлежность ихъ къ болѣе культурнымъ центрамъ, откуда они и могли быть занесены; а если-же и были приготовлены въ нашей области, то во всякомъ случаѣ не мѣстными мастерами.

Такія керамическія издѣлія встрѣчаются въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ, начиная отъ р. Десны въ Остерскомъ у. Черниговской губ. и далѣе—въ Васильковскомъ, Каневскомъ, Черкасскомъ и Уманскомъ уѣздахъ Киевской губерніи. Затѣмъ численность ихъ замѣтно возрастаетъ по направлению къ Карпатамъ въ сѣверной части Херсонской и особенно Подольской и Бессарабской губ.; въ южной-же части Карпатья и въ мѣстностяхъ Дуная количество ихъ является уже господствующимъ.

Ясно, что въ этихъ мѣстностяхъ и надо искать родину керамическихъ издѣлій этого типа.

Отсюда-же, изъ главнѣйшихъ центровъ ихъ производства, шло и распространеніе упомянутыхъ сосудовъ въ другія страны, въ томъ числѣ и въ Средне-Приднѣпровскую область.

Распространителями какъ каменныхъ полированныхъ и просверленныхъ орудій, такъ и керамическихъ издѣлій, всего вѣроятнѣе, были мастера—спеціалисты, кочующіе торговцы, которые или періодически или-же въ извѣстное время года могли появляться въ той или другой намѣченной ими мѣстности.

Такъ, напр., для производства керамическихъ издѣлій такимъ мастерамъ достаточно было только запастись необходимыми инструментами и краской и, придя въ какую-либо мѣстность, отыскать мѣсто, где имѣлся необходимый для производства матеріалъ. Здѣсь, приготовивъ достаточное количество сосудовъ, они могли обмѣнивать ихъ на предметы мѣстного изготовления.

Точно также, вѣроятно, поступали и спеціалисты по изгото-
влению каменныхъ орудій.

Что-же касается топориковъ изъ чистой мѣди, представляющихъ собой спорадическія находки, то появление ихъ совпадаетъ съ періодомъ распространенія въ нашей мѣстности инкрустированныхъ сосудовъ. Способъ украшенія этихъ сосудовъ состоялъ въ слѣдующемъ: поверхность сосудовъ сплошь покрывалась свѣтло или темно-коричневой краской, при этомъ такъ тщательно склаживалась, что пріобрѣтала блескъ, затѣмъ укра-

шалась глубоко тисненными бороздкообразными линіями, кото-
рыя заполнялись бѣлой массой.

Совмѣстное появление въ нашей области этихъ сосудовъ и
мѣдныхъ топориковъ представляеть большой интересъ, такъ
какъ указываетъ на происхожденіе ихъ изъ одного общаго имъ
культурнаго центра, который могъ находиться въ мѣстностяхъ
современной Седмиградіи или юго-восточной Венгріи, т. е. въ
мѣстностяхъ богатыхъ мѣдными рудниками.

Обыкновеніе памятниковъ, относящихся къ этому времени, гово-
рить за продолжительность каменно-мѣднаго періода, обхватив-
шаго собой, быть можетъ, нѣсколько вѣковъ и неожиданно прер-
ванныаго въ своемъ развитіи, на что указываютъ крупныя измѣ-
ненія въ характерѣ послѣдующихъ памятниковъ, выразившіяся—
1) въ томъ, что прежніе могильники, состоявшіе изъ отдѣльныхъ
группъ площадокъ, замѣняются новымъ видомъ погребеній—
появляются курганныя насыпи, подъ которыми или въ которыхъ
находятся одно или нѣсколько погребеній и 2) въ томъ, что ке-
рамическая издѣлія, въ особенности сосуды, перестаютъ быть не-
обходимыми спутниками погребеній, въ которыхъ они уже встрѣ-
чаются изрѣдка и то по одному экземпляру.

Причиной этихъ измѣненій могло быть появленіе въ южно-
русскихъ стенахъ, на всемъ пространствѣ отъ р. Дона до Кар-
патъ, какого-то нового народа, который утверждается также въ
Волынской губ. и съверище ея, а впослѣдствіи отчасти прони-
каетъ и въ Средне-Приднѣпровскую область. Время появленія
этого народа можно отнести къ первымъ вѣкамъ II-го тысяче-
лѣтія до Р. Х.

Подтвержденіемъ высказанной мысли служить, во 1-хъ, тотъ
фактъ, что дальнѣйшее распространеніе этой высоко развитой При-
карпатской культуры, близко знакомой и древнимъ обитателямъ
нашего края, мы находимъ въ мѣстностяхъ, лежащихъ по пути
къ Эгейскому и Адріатическому морямъ, а также и въ нѣкоторыхъ
странахъ, лежащихъ къ западу, где отголоски ея встрѣчаются
въ современной Моравіи и даже Чехіи. Во 2-хъ, то обстоятельство,
что прямое развитіе этой же культуры мы находимъ въ древ-
ней Микенской культурѣ и, наконецъ, въ 3-ихъ, въ пользу этой-
же мысли говорить и то, что къ этому времени исчезаетъ вліяніе
Прикарпатской культуры на мѣстную Средне-Приднѣпровскую
культуру.

Итакъ, знакомство съ сохранившимися памятниками неоли-
тической эпохи даетъ возможность сдѣлать слѣдующіе выводы:

На днѣ такой ямы находится покойникъ, ориентированный въ томъ или другомъ направлениіи, положенный на боку съ поджатыми къ подбородку колѣнами и рукой, пригнутой къ головѣ. У многихъ изъ этихъ покойниковъ верхняя часть черепа и нѣкоторыя части костей рука и ногъ бываютъ окрашены красной краской. Назначеніе подобной окраски было исключительно ритуальное.

Однако не всегда могилы этого типа заключаютъ въ себѣ одиночныя погребенія—въ нѣкоторыхъ изъ нихъ находятся по нѣсколько покойниковъ, похороненныхъ въ скорченномъ видѣ. Такія погребенія открыты, напр., возлѣ с. Яровое Чигиринскаго у. Кіевской губ., а также и въ другихъ мѣстахъ. Въ этихъ случаяхъ 3—4 покойника погребены подъ уровнемъ земли въ отдѣльныхъ неглубокихъ ямахъ, остальные же, изъ которыхъ многіе бываютъ обложены деревомъ, находятся надъ ними на разныхъ горизонтахъ могильной насыпи.

Предметы, сопровождающіе эти погребенія, очень бѣдны и малочислены. Они обыкновенно ограничиваются однимъ небольшимъ сосудомъ, грубо вытѣпленнымъ изъ пористой дурно обожженней глины, осколкомъ кремня въ видѣ скребка, ножа или остроконечнаго орудія, костяной пряжкой и кускомъ красной краски.

Въ рѣдкихъ случаяхъ перечисленные предметы разнообразятся каменнымъ топорикомъ, кремневымъ наконечникомъ копья или выгнутымъ кремневымъ-же ножомъ. Какъ на спорадические случаи можно указать на находки при этихъ погребеніяхъ мѣдного или бронзоваго топорика или желѣзного ножа.

Вообще металлическія издѣлія очень рѣдко входять въ число предметовъ, встрѣчаемыхъ въ подобныхъ погребеніяхъ, несмотря на то, что народъ, оставившій ихъ, населялъ Среднее Приднѣпровье во II-омъ тысячелѣтіи до Р. Х., т. е. уже во время господства тамъ эпохи металла.

Иныхъ памятниковъ, кроме только что описанныхъ, пріишлицы эти не оставили; поэтому вопросъ объ уровни ихъ культурного развитія и принадлежности къ какой либо народности едва-ли можетъ подлежать вполнѣ точному и определенному разрѣшенію. Однако на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно высказаться за принадлежность этого народа, извѣстнаго подъ неяснымъ именемъ Киммерийцевъ, къ какой-то вѣтви Фракійской народности.

Судя по сохранившимся черепамъ, народъ этотъ былъ длинноголовый (черепной указатель 71—76).

Здѣсь не лишнее отмѣтить, что нѣкоторые изъ его представителей имѣли сильно выраженные надбровныя дуги и замѣтную плоскоть довольно низкаго лба, что не наблюдается у другихъ народовъ, также принадлежащихъ къ длинноголовой расѣ и отличающихся вполнѣ пропорциональнымъ строенiemъ череповъ.

Весьма возможно, что эти новые поселенцы, по крайней мѣрѣ первое время своего появленія въ нашемъ краѣ, вели полукучевой образъ жизни и, занимаясь скотоводствомъ, охотой и отчасти земледѣліемъ, передвигались въ извѣстное время года со своими стадами изъ одной мѣстности въ другую. Это подтверждается также характернымъ расположениемъ могилъ, оставленныхъ этимъ народомъ. Какъ упоминалось выше, курганныя насыпи, скрывающія подъ собой скорченные костяки, всегда расположены въ одиночку на значительномъ разстояніи другъ отъ друга и тянутся по одной линіи, слѣдуя извѣстному направлению. Такое расположение могилъ указываетъ на отсутствіе определенныхъ мѣсть для погребеній, заставлявшее хоронить покойника на томъ мѣстѣ, где во время передвиженій или временныхъ стоянокъ случалась смерть. Мѣста эти находились при пути передвиженія этого народа. Совершенно противоположное явленіе наблюдается у осѣдлыхъ народовъ—ихъ могилы всегда сосредотачиваются въ одномъ мѣстѣ, обыкновенно находящемся вблизи поселеній.

Другимъ указаніемъ на полукучевой образъ жизни этого народа служить форма глиняныхъ сосудовъ, встрѣчаемыхъ при погребеніяхъ подобного рода.

Это яйцевидные или котелкообразные сосуды, хорошо приспособленные къ варкѣ пищи на кострѣ и поэтому очень удобные для походного хозяйства полукучевниковъ.—Такой сосудъ при помоцѣ 2—3 камней или кусковъ дерна помѣщался надъ костромъ, что позволяло огню обхватывать его со всѣхъ сторонъ.

Всѣ сосуды, сопровождающие погребенія со скорченными костяками, какъ по своеобразной формѣ, такъ и по худому материалу, бѣдности и примитивности покрывающаго ихъ орнамента веревочнаго или выдавленнаго въ видѣ черточекъ и ямочекъ, рѣзко отличаются отъ мѣстной болѣе богатой керамики.

Если принять во вниманіе, что народъ этотъ въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ посѣщать нашу мѣстность часто, воз-

можно и ежегодно, то станет понятнымъ почему число могильныхъ насыпей, оставленныхъ имъ, достигло здѣсь столь значительной цифры.

Памятники нѣсколько иного характера оставило намъ мѣстное населеніе Средняго Приднѣпровья эпохи бронзового вѣка. Здѣсь мы встрѣчаемся со сходствомъ какъ погребального обряда (сожженіе), такъ и керамическихъ издѣлій, сопровождающихъ его, съ погребеніями и сосудами предшествующей эпохи.

Къ этимъ памятникамъ относятся: мѣста погребеній, остатки современныхъ имъ жилищъ и нѣкоторая прибрежная стоянка.

Мѣста погребеній заключаютъ въ себѣ могилы съ различной погребальной обстановкой. Всѣ они, въ противоположность могиламъ со скорченными костяками, расположены отдаленными группами на холмистыхъ возвышенныхъ мѣстностяхъ, лежащихъ вблизи рѣкъ.

Сюда относятся:

1) Остатки глиниобитныхъ сооружений, представляющіе собой небольшія мѣста, покрытыя отчасти комками, но главнымъ образомъ сплошнымъ слоемъ сглаженной обожженной глины, на поверхности которого встречаются фрагменты глиняныхъ сосудовъ, а иногда и цѣлые сосуды, остатки пережженныхъ человѣческихъ костей, зола, различные каменные (въ томъ числѣ и кремневые) предметы, костяные и роговые издѣлія, рѣчные двустворчатыя раковины, попадающіяся здѣсь въ количествѣ нѣсколькихъ экземпляровъ, кости животныхъ и значительно реже бронзовые предметы.

2) Затѣмъ, сюда-же относятся мѣста, въ которыхъ на нѣбольшой глубинѣ отъ поверхности земли, на разстояніи нѣсколькихъ метровъ другъ отъ друга, расположены отдаленно стоящіе глиняные сосуды, наполненные пережженными человѣческими костями и золой.

3) Наконецъ, остается указать на погребенія, надъ которыми была возведена могильная насыпь. Здѣсь подъ насыпью встрѣчается или кострище, на которомъ вмѣстѣ съ комками обожженной глины попадаются остатки пережженныхъ человѣческихъ костей и зола (иногда сложенные въ глиняномъ сосудѣ) или-же яма, въ которой также находятся зола и пережженная человѣческая кости. Стѣнки такой ямы иногда бываютъ до красна обожжены, почему онѣ пріобрѣтаютъ цвѣтъ краснаго кирпича, иногда-же обложены деревомъ.

Интересными погребеніями являются тѣ, которые подъ могильной насыпью скрывают обильное углемъ кострище, вблизи которого находится скорченный костякъ и 1—2 сосуда, вполнѣ сходные съ сосудами, сопровождающими погребенія съ сожжениемъ.

Этотъ родъ погребеній свидѣтельствуетъ о сліяніи двухъ разнородныхъ погребальныхъ обрядовъ—мѣстного и занесенного въ нашъ край новыми пришельцами.

Сосуды, встрѣчающіеся при всѣхъ описанныхъ погребеніяхъ, несмотря на полное отсутствіе среди нихъ экземпляровъ, украшенныхъ росписью, характерной для предшествующей Трипольской культуры, имѣютъ много общаго съ ея сосудами и указываютъ на несомнѣнную связь упомянутой культуры съ послѣдующей металлической. Это объясняется тѣмъ, что сосуды бронзоваго періода не принадлежать къ типу роскошныхъ керамическихъ издѣлій неолитической эпохи, украшенныхъ прекрасной росписью и инкрустацией, но относятся къ числу сосудовъ мѣстного производства, которые еще въ предшествующую эпоху превышали чистотой привозную керамику. Сходство этихъ сосудовъ съ керамикой предшествующаго періода выражается не только въ близкой къ послѣдней формѣ и орнаменту ихъ, но иногда и въ сходномъ составѣ материала, изъ котораго они были изготовлены.

Раздѣляя керамику описываемой эпохи на 2 группы, хронологически слѣдующія одна за другой, необходимо замѣтить, что сосуды болѣе древняго періода, помимо разнообразнаго орнамента, украшающаго верхнюю часть сосуда, бывають покрыты сплошь или только отчасти краской коричневатаго или красноватаго цвѣта; сосуды-же позднѣйшаго періода этой эпохи въ большинствѣ случаевъ покрыты коричневато-черной или сѣро-черной краской, при чемъ поверхность ихъ стяжена до блеска. Сосуды 1-го рода встрѣчаются главнымъ образомъ при погребеніяхъ, расположенныхъ на правомъ берегу р. Днѣпра (напр., въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кіевской губ.), 2-го же рода—сопровождаются погребенія какъ праваго, такъ и лѣваго берега р. Днѣпра (напр., во многихъ мѣстностяхъ Полтавской и отчасти Черниговской губ.).

Къ издѣліямъ иного рода, характернымъ для описываемой эпохи, помимо каменныхъ, роговыхъ и костяныхъ подѣлокъ, относятся предметы, изготовленные главнымъ образомъ изъ мѣди или бронзы. Въ нашей мѣстности мѣдные издѣлія предшествуютъ по времени бронзовымъ. Всѣ эти предметы бывають находмы или

въ единичныхъ экземплярахъ,—напр., при разныхъ земляныхъ работахъ, при томъ или иномъ видѣ погребеній или же (въ весьма рѣдкихъ случаяхъ) въ видѣ небольшого клада.

Наиболѣе характерными для Средняго Приднѣпровья издѣліями, несомнѣнно относящимися къ описываемой эпохѣ, являются: разнаго вида топорики, наконечники копій, серны, долота, бритвы и своеобразные браслеты, украшенные спиральнымъ орнаментомъ, подражающимъ спирально согнутой проволокѣ. Ножи и кинжалы, хотя здѣсь и встрѣчаются, но далеко не часто, а мечи составляютъ положительную рѣдкость.

Почти всѣ перечисленные предметы отлиты изъ мѣди или бронзы и только нѣкоторые изъ нихъ, напр., плоскіе топорики, такіе-же наконечники копій и серны бываютъ выкованы и тогда материаломъ служить исключительно мѣдь.

Необходимо отмѣтить, что плоскіе топорики древнѣе топориковъ, называемыхъ кельтами и топориковъ съ отверстиемъ. То же можно сказать и объ наконечникахъ копій, изъ которыхъ плоскіе предшествуютъ по времени наконечникамъ съ втулкой. На вопросъ о происхожденіи описываемыхъ издѣлій можно повторить уже сказанное въ отдѣльной неолита—именно, что полное отсутствіе въ нашемъ краѣ необходимаго для ихъ выдѣлки материала даетъ возможность предположить, что нѣкоторые изъ этихъ предметовъ могли доставляться еще въ концѣ каменнаго вѣка изъ мѣстностей современной Венгрии или Седмиградіи.

Весьма возможно, что выдѣлкой этихъ предметовъ занимались мастера—специалисты, появлявшіеся временами въ Среднемъ Приднѣпровье, на что указываютъ находки какъ единичныхъ экземпляровъ, такъ и цѣлыхъ коллекцій разнообразныхъ каменныхъ формочекъ (одна изъ такихъ коллекцій найдена въ с. Деревянномъ Киевской у.), служившихъ для отливки мѣдныхъ и бронзовыхъ кельтовъ, долотъ, наконечниковъ копій и т. под. предметовъ. Эти мастера-пришельцы, являясь въ нашъ край съ такими формочками и небольшимъ запасомъ необходимаго материала, выполняли заказы или изъ своего материала или перевозили поломанные предметы на новые.

Что-же касается продолжительности описываемой эпохи въ Среднемъ Приднѣпровье, то, присоединя къ ней каменно-мѣдный періодъ, который, повидимому, былъ длиннѣе бронзоваго, можно установить, что она заполнила собой II-ое тысячелѣтіе до Р. Х.

Заканчивая краткій очеркъ бронзовой эпохи, считаемъ необходимымъ отмѣтить всю бѣдность и незатѣйливость издѣлій этого

времени, а также и убогость погребальной обстановки, съ ко-
торой приходилась намъ встречаться при изслѣдованіяхъ мо-
гильниковъ этого періода.

Разумѣется, только что сказанное не можетъ служить пока-
зателемъ благопріятныхъ условій для культурнаго роста Средне-
Приднѣпровскихъ поселенцевъ въ описываемую эпоху, когда за-
мѣчается не только полный застой въ этомъ отношеніи, но и яв-
ный упадокъ. Послѣднее особенно ярко отразилось на художествен-
ности издѣлій. Причина ухудшившагося положенія мѣстныхъ оби-
тателей данной эпохи лежитъ съ одной стороны въ отношеніяхъ,
создавшихся между ними и пришельцами, отъ которыхъ они
могли быть не только въ иѣкоторой зависимости, но даже из-
вѣстное время и въ полной подчиненности, съ другой-же сто-
роны подобный упадокъ могъ вызваться прекращенiemъ ожив-
ленныхъ сношеній съ культурными центрами, сосѣдство съ кото-
рыми такъ благопріятно повлияло на культурный ростъ ихъ
предшественниковъ.

Желѣзный вѣкъ.

Скиѳская эпоха.

Начало желѣзного вѣка, продолжающагося еще и до нашихъ дней, въ Среднемъ Приднѣпровье восходить къ очень раннему времени. Первоначальные слѣды желѣза мы встрѣчаемъ уже въ могилахъ со скорченными костяками, гдѣ желѣзные предметы попадаются на ряду съ бронзовыми и особенно многочисленными каменными издѣліями. За раннее знакомство Средне-Приднѣпровскихъ обитателей съ желѣзомъ говорить также и близкое сходство вида нѣкоторыхъ желѣзныхъ предметовъ съ предметами бронзовыми одинакового съ ними назначенія, относящимися ко временій бронзоваго вѣка. Какъ на примѣръ этого, можно указать на желѣзный кельтъ съ ушкомъ, найденный въ с. Зарубинцахъ Каневскаго у. Киевской губ. и на желѣзный мечъ, выкопанный при вспашкѣ поля въ с. Хмѣльномъ Черкасскаго у. Киевской губ., хранящіеся въ Киевскомъ Городскомъ музѣѣ Императора Николая II-го. Оба эти предмета до того близки по типу съ подобнаго-же рода древними бронзовыми издѣліями, что всякое сомнѣніе относительно ихъ одновременности отпадаетъ само собой. Точнѣе опредѣлить время первого появленія въ нашемъ краѣ желѣза можно, основываясь на слѣдующихъ соображеніяхъ.—Имѣя въ виду, что первые слѣды желѣза можно констатировать въ курганахъ со скорченными костяками, которые оставилъ народъ, известный намъ подъ именемъ Киммерийцевъ, что пребываніе этого народа въ южно-русскихъ степяхъ и отчасти въ нашей области далеко предшествовало по времени не только появленію на Черноморскомъ побережїи греческихъ колонистовъ, но и скиѳовъ, побѣдившихъ Киммерийцевъ, соображая все это, можно и время появ-.

ления въ нашемъ краѣ желѣза датировать самымъ началомъ I-го тысячелѣтія до Р. Х. и ни въ какомъ случаѣ не позже.

Съ утверждениемъ въ южно-русскихъ степяхъ скиѳовъ, же-
лѣзо въ нашемъ краѣ дѣлается господствующимъ металломъ.

Вполнѣ точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній относительно времени и мѣстности откуда появились въ южно-русскихъ степяхъ скиѳы, не имѣется. Но кое-какія сообщенія древнихъ писателей, среди которыхъ мы обязаны главными свѣдѣніями о скиѳахъ Геродоту, указываютъ намъ на то, что скиѳскій народъ появился въ Европѣ гораздо раньше времени основанія греками Черноморскихъ колоній, пріѣдя сюда изъ Азіи. Эти показанія древнихъ писателей подтверждаются многочисленными раскопками, разноо временно произведенными многими лицами въ области Средняго Приднѣпровья. Мы видимъ, что съ начала I-го тысячелѣтія, еще до знакомства мѣстного населения съ греческими издѣліями, на югъ Россіи происходятъ значительныя перемѣны. Прежде всего замѣчается исчезновеніе существовавшаго здѣсь продолжительное время передъ тѣмъ типа могиль со скорченными костяками и замѣна его новымъ видомъ погребеній, при которомъ покойника хоронили въ вытянутомъ положеніи на спинѣ, съ руками,ложенными параллельно туловищу, обращеннымъ головой на югъ или юго-западъ. Этотъ новый видъ погребеній отличается отъ прежняго какъ расположениемъ могиль въ характерныхъ мѣстностяхъ, такъ и ихъ обстановкой и разнообразнымъ устройствомъ. Здѣсь не лишнимъ будетъ замѣтить, что въ области Средняго Приднѣпровья въначалѣ такъ наз. скиѳской эпохи устройство описываемыхъ могиль, также какъ и вся погребальная обстановка, было гораздо скромнѣе и проще, чѣмъ въ послѣдующее время, когда этотъ типъ могилъ становится господствующимъ. Богатство погребального инвентаря замѣчается съ VI-го в. до Р. Х., т. е. съ того времени, когда на ряду съ другими предметами начинаютъ встрѣчаться и греческія издѣлія и когда нѣкоторая изъ погребеній уже поражаютъ своею пышностью.

Характерными памятниками такъ наз. скиѳской эпохи въ Среднемъ Приднѣпровѣ являются могилы съ курганными насыпями и обширная городища, окруженные земляными валами и рвами.

Первые изъ указанныхъ памятниковъ въ однихъ мѣстностяхъ составляютъ болѣе или менѣе значительныя группы могиль, расположенныхъ на близкомъ разстояніи одна отъ другой,

а въ другихъ—достигаютъ необыкновенной численности, при чмъ обхватываютъ собой громадныя площаdi, заключающія въ себѣ по нѣскольку сотъ и даже тысячу курганныхъ насыпей, какъ это мы видимъ, напр., въ обширныхъ могильникахъ, расположенныхъ на возвышенности праваго берега р. Сулы, при с. Аксютинцы и с. Будки Роменского у. Полтавской губ.

Независимо отъ того,—образуютъ ли упомянутыя могилы отдельныя группы или составляютъ громадные могильники, они главнымъ образомъ бывають расположены на высокихъ берегахъ рѣкъ или на возвышенныхъ мѣстахъ вблизи рѣкъ или болотъ.

Самое устройство описываемыхъ могиль весьма разнообразно. Въ нихъ встречаются оба обряда погребеній—трупосожженіе и трупосложеніе, при которомъ покойника не сожигали; при чмъ въ однихъ мѣстахъ преобладалъ одинъ обрядъ погребенія, въ другихъ—другой.

Разсмотримъ сначала типы могиль съ погребеніями, при которыхъ покойникъ не сожигался. Самымъ распространеннымъ видомъ этого рода погребеній является погребеніе покойника подъ курганной насыпью въ деревянномъ склепѣ. Склепы эти обыкновенно сооружались следующимъ образомъ,—на предназначенномъ для погребенія мѣстѣ, въ материковой землѣ, прежде всего вырывалась четырехугольная яма, обыкновенно имѣющая въ длину 3—5 м., въ ширину 2—4 м. и въ глубину 1,5—3 м., а иногда и больше; затѣмъ по бокамъ всѣхъ четырехъ стѣнъ ямы въ нарочно для этого выкопанныя глубокія ямки вставлялись деревянные столбы, которые располагались обыкновенно по 2—3 вдоль короткой стѣны ямы и по 3—4 вдоль длины. Надъ этими столбами послѣ совершеннія похороннаго обряда и послѣ того, какъ покойникъ былъ уложенъ и окружены подобающей обстановкой, сооружался накать изъ крѣпкихъ бревенъ—одиночный или двойной, который въ большинствѣ случаевъ сверху еще хоропо утрамбовывался толстымъ слоемъ глины.

Въ нѣкоторыхъ склепахъ, кроме указанныхъ столбовъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ ямы сооружались сплошныя деревянныя стѣнки, иногда обтянутыя съ лицевой стороны матеріей (какъ это было обнаружено въ курганѣ возлѣ м. Мошны Черкасского у. Киевской губ. и возлѣ с. Аксютинцы Роменского у. Полтавской губ.), иногда же обмазанныя глиной и по ней раскрашенныя краской бѣловатаго или краснаго цвѣта (какъ это оказалось вблизи м. Райгорода Черкасского у. Киевской губ.). Во

многихъ курганахъ при одной изъ боковыхъ стѣнъ склепа, нѣсколько ниже его пола, находится особаго рода помѣщеніе, вырытое въ материковой глини, имѣющее видъ пещеры; внутри стѣники такого помѣщенія обложены бревнами. Какъ на примѣръ кургановъ съ подобнаго рода склепами, можно указать на два кургана такъ наз. скиѳскаго могильника, расположенного вблизи городища того-же времени возлѣ с. Пастерское Чигиринскаго у. Киевской губ. Здѣсь въ боковыхъ помѣщеніяхъ, подобныхъ описаннымъ выше, лежало по человѣческому костяку, а въ курганѣ возлѣ с. Оситняжки Чигиринскаго у. Киевской губ.— оказался скелетъ оленя съ громадными рогами.

Кромѣ могиль со склепами описаннаго устройства, сооруженными въ материковой глини, встрѣчаются и такие курганы, въ которыхъ склепы расположены на древнемъ уровнѣ земли. Подобные склепы также имѣли четырехугольную форму и были основательно сооружены изъ толстыхъ деревянныхъ стѣнокъ, возвышавшихся надъ уровнемъ земли и не превышавшихъ въ высоту 1-го метра; на нихъ было укрепленъ въ видѣ потолка настиль, сложенный изъ толстыхъ бревенъ, а поль выложенъ изъ крѣпкихъ деревянныхъ досокъ. Иногда такой склепъ бываетъ помѣщенъ въ нарочно вырытомъ въ землѣ мелкомъ углублениѣ, почему надъ поверхностью земли выступаетъ лишь часть его стѣнъ. Подобнаго рода устройство деревянныхъ склеповъ было открыто во многихъ курганахъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ м. Райгорода и м. Жаботинца Киевской губ. и въ могильникахъ, находящихся при с. Будки и с. Аксютинцы Роменскаго у. Полтавской губ. Въ одномъ изъ кургановъ могильника при с. Пастерскомъ Чигиринскаго у. возлѣ покойника, похороненнаго въ склепѣ подобнаго устройства, помимо другихъ предметовъ, оказался бронзовый шлемъ греческой работы VI—V в. до Р. Х.; теперь онъ находится въ Киевскомъ Городскомъ музѣи Императора Николая II-го. Въ курганѣ-же вблизи с. Пруссы Черкасскаго у. Киевской губ. подъ склепомъ, обнаруженномъ на поверхности земли, были открыты еще два склепа, расположенные устунообразно одинъ подъ другимъ; при чёмъ дно нижняго находилось на глубинѣ 6-и м. отъ поверхности земли.

Не менѣе многочисленными могилами такъ наз. скиѳской эпохи въ Среднемъ Приднѣпровье являются курганы, заключающіе въ себѣ погребенія съ сожженіемъ. Они значительно отличаются отъ описанныхъ выше. Согласно ихъ внутреннему устройству могилы эти можно раздѣлить на нѣсколько группъ.

Къ 1-ой изъ нихъ относятся курганы, заключающіе въ себѣ тщательно выровненныя площадки, покрытыя глиной, на которыхъ проиходило сожиганіе тѣла покойника. Этого рода могилы имѣютъ свои разновидности, къ которымъ относятся:

1) могилы съ площадками, величина которыхъ бываетъ различна въ различныхъ курганахъ и которая на подобіе точка покрыты слоемъ сглаженной глины. На этихъ площадкахъ совершился погребальный обрядъ съ сожженіемъ тѣла покойника.

2) Затѣмъ могилы съ четырехугольными площадками разными по величинѣ, обведенными съ трехъ сторонъ канавкой, имѣющей 0,5 м. въ ширину и столько-же въ глубину. Средина такой площадки покрыта толстымъ слоемъ глины, почему получалось небольшое возвышеніе, на которомъ и сожигалось тѣло покойника.

3) Наконецъ, сюда-же относятся могилы съ площадками, на которыхъ сожженіе тѣла покойниковъ повторялось нѣсколько разъ, почему такія могилы заключаютъ въ себѣ нѣсколько погребеній. На это указываютъ отдѣльныя группы глиняныхъ сосудовъ, размѣщенные по площадкѣ на нѣкоторомъ разстоянії, одна отъ другой. Каждая группа имѣть одинъ сосудъ, содержацій въ себѣ золу и остатки пережженыхъ человѣческихъ костей. Весьма возможно, что такая могила принадлежала одному семейству и представляла собой родъ семейной усыпальницы. Подобнаго вида погребенія были обнаружены въ общирномъ магильнику при с. Оситняжки Чигиринскаго у. Киевской губ.

Нѣсколько инымъ характеромъ устройства отличаются могилы 2-ой группы погребеній съ сожженіемъ, относящіяся къ такъ наз. скиѳской эпохѣ. По своему распространенію этотъ видъ погребеній не уступаетъ 1-ой группѣ. Сюда относятся могилы, имѣющія четырехугольное углубленіе (достигающее различной величины въ различныхъ курганахъ), въ противоположныхъ концахъ которого имѣются по земляному уступу, на которомъ обыкновенно помѣщаются глиняные сосуды или другіе предметы. На днѣ углубленія находится зола и пережженная человѣческая кости. Погребеніе въ могилахъ этого вида могло производиться слѣдующимъ образомъ-- на дно вырытаго углубленія помѣщался легко воспламеняющійся материалъ--солома или хворость, затѣмъ сверху углубленія въ его продольномъ или поперечномъ направлениі, смотря по надобности, клались бревна и сучья деревьевъ, сверху которыхъ было положено тѣло покойника. Подожженное дерево по мѣрѣ сгоранія опускалось вмѣстѣ съ тѣломъ въ углуб-

леніе; пока, наконецъ, оставшійся ирахъ не достигалъ дна ямы; послѣ этого яма засыпалась землей и надъ ней воздвигался курганъ.

Наконецъ, 3-ю группу могиль составляютъ курганы, въ которыхъ тѣло покойника подвергалось или полному или неполному сожженію; въ зависимости отъ этого деревянныя стѣнки и столбы склепа оказывались или совершенно сгорѣвшими и тогда земляныя стѣны и дно ямы были обожжены до красна и принимали видъ кирпича, или же были полуобожженными. Эта вида погребенія обнаружены въ могильникахъ при с. Малая Будки, с. Аксютинцы Роменскаго у., с. Броварки Гадяческаго у. Полтавской губ. и въ другихъ мѣстахъ.

Относительно вѣнчанія вида всѣхъ описанныхъ выше могиль слѣдуетъ замѣтить, что могилы, заключающія въ себѣ погребальный обрядъ съ сожженіемъ, имѣютъ болѣе или менѣе широкую круглой формы насыпь, въ большинствѣ случаевъ имѣющію видъ едва замѣтной возвышенности, состоящей главнымъ образомъ изъ толстаго слоя комковъ до красна обожженої глины. Могилы-же съ сожженіемъ тѣла покойника въ деревянныхъ склепахъ имѣютъ насыпи нѣсколько выше и закругленѣе, но все-же не превышающія 1—2 м. въ высоту. Значительныхъ размѣровъ достигаютъ курганныя насыпи надъ могилами, въ которыхъ тѣло покойника не сожигалось. Если подобныя насыпи не подвергались разрушенію, то онъ отличаются правильной формой и имѣютъ въ диаметрѣ отъ 5—40 м., а высоту—отъ 1—10—12 м., иногда и больше. Нѣкоторые изъ насыпей, особенно наиболѣе крупныя, часто бываютъ обведены канавкой и обнесены родомъ небольшого вала, что хорошо предохраняетъ насыпь отъ сползновъ. Поэтому и курганы, окруженные канавками, сохранили до нашихъ дней свой первоначальный видъ.

Характернымъ расположениемъ кургановъ въ могильникахъ такъ наз. скиѳской эпохи,—будетъ-ли это обширный могильникъ или небольшое число кургановъ, всегда является такое, при которомъ меньшія курганныя насыпи тѣсно группируются вокругъ одной болѣе крупной, почему нерѣдко основанія ихъ сливаются вмѣстѣ.

Такимъ образомъ получаются отдѣльныя группы курганныхъ насыпей, въ цѣломъ составляющія могильникъ.

Такой характеръ устройства могильниковъ можно объяснить тѣмъ, что каждая группа кургановъ могла принадлежать одному семейству, хоронившему своихъ близкихъ въ опредѣленномъ

мѣстѣ. Такимъ образомъ вокругъ могилы болѣе выдающагося лица появлялись могилы его родственниковъ. Отсюда понятно почему въ нашей мѣстности подъ курганными насыпями со скелетами, относящимися къ такъ наз. скиѳской эпохѣ, обыкновенно находится лишь одно погребеніе, а находка двухъ скелетовъ подъ одной насыпью составляетъ большую рѣдкость.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію инвентаря, встрѣчаемаго въ могилахъ всѣхъ описанныхъ выше видовъ.

Богатство могиль таихъ наз. скиѳской эпохи было причиной ограбленія ихъ въ различныя времена, поэтому обнаружение раскопками уцѣлѣвшаго отъ разоренія кургана представляется весьма рѣдкимъ явленіемъ. Эти-то пощаженные случаемъ могилы имѣютъ для насть важное значеніе, являясь хранилищами разнобразнаго инвентаря, на основаніи котораго мы можемъ возстановить все богатство и пышность погребальной обстановки того времени, а также и опредѣлить материальное и культурное состояніе обитателей Средняго Приднѣпровья въ такъ наз. скиѳскую эпоху.

Въ началѣ описываемой эпохи, т. е. въ 1-ые вѣка I-го тысячелѣтія до Р. Х., какъ уже упоминалось выше, при обоихъ погребальныхъ обрядахъ мы встрѣчаемся съ довольно скромной обстановкой и малочисленностью предметовъ, сопровождающихъ погребенія.

Первое мѣсто среди всѣхъ предметовъ занимаютъ разнобразные глиняные сосуды. Изъ нихъ наиболѣе распространеными являются сосуды вазообразной или ~~бомбовидной~~ формы, поверхность которыхъ, сглаженная до блеска, отчасти или сплошь покрыта краской коричневатаго, красноватаго или чернаго цвѣта.

Одни изъ этихъ сосудовъ украшены различными выпуклостями и отражками, другіе—геометрическимъ орнаментомъ, опоясывающимъ сосуды и состоящимъ изъ разнообразно пересѣкающихся линій, образующихъ треугольники, косоугольники или четырехугольники, заполненные штриховкой.

Всѣ эти украшающія сосуды линіи обыкновенно носять слѣды бѣлой массы, нѣкогда заполнившей ихъ. Сосуды эти не имѣютъ ручекъ. Ихъ форма, окраска, лосниящаяся поверхность и заполненіе орнамента бѣлой массой сильно сближаютъ ихъ съ сосудами Трипольской культуры. Это сходство особенно замѣтно при сопоставленіи ихъ съ видами сосудовъ Трипольской культуры, обнаруженными въ с. Ильинцахъ Киевской губ.

Помимо только что описанного типа сосудовъ наиболѣе распространенными въ нашей мѣстности являются т. наз. черпачки и миски самой разнообразной величины.

Первые изъ нихъ представляютъ собой круглую глиняную чашку, снабженную ручкой, верхняя часть которой имѣть разнообразной длины отрожекъ. У болѣе древнихъ черпачковъ ручка едва возвышается надъ краемъ чашки, у позднѣйшихъ она значительно выдается и иногда придаетъ сосуду причудливый видъ. Поверхность этихъ сосудовъ, подобно описаннымъ выше, хорошо сглажена, въ большинствѣ случаевъ покрыта краской чернаго цвѣта и часто украшена орнаментомъ, заполненнымъ бѣлой массой.

Второй видъ указанныхъ сосудовъ—глиняныя миски разнообразной величины, также имѣть поверхность всю или отчасти покрытую коричневатой или какого нибудь иного темнаго оттѣнка краской. Край этихъ сосудовъ бываетъ украшенъ отрожками; иногда нѣсколько ниже края находится круглое отверстіе, но чаще—рядъ мелкихъ жемчугообразныхъ выпуклостей, расположенныхъ одна возлѣ другой. Послѣднія въ нѣкоторыхъ сосудахъ замѣняются сквозными дырочками.

Часто на ряду со всѣми описанными сосудами, отличающимися болѣе или менѣе красивой формой, въ однихъ и тѣхъ-же съ ними погребеніяхъ встрѣчаются глиняные сосуды грубой, примитивной выдѣлки, выполненные изъ дурнаго материала. Сосуды эти имѣютъ продолговатую или укороченную цилиндрическую форму; шейки ихъ нѣсколько вытянуты, выгнуты въ наружную сторону и обыкновенно упираются въ лѣпной бортикъ, опоясывающей сосудъ и имѣющій видъ плетенаго шнурка.

Нерѣдко сосуды эти имѣютъ волнистый край, образованный рядомъ углубленій, нанесенныхъ еще на сырью глину пальцемъ или палочкой. Иногда вокругъ края сосуда находятся неумѣло сдѣланнныя мелкія выпуклости или сквозныя дырочки. Поверхность этихъ сосудовъ отличается шероховатостью и никогда не бываетъ сглажена. Эти сосуды лишены ушекъ.

Изъ предметовъ иного рода, сопровождающихъ погребенія описываемой эпохи и встрѣчаемыхъ вмѣсть съ вышеупомянутыми сосудами, чаще всего находятся: желѣзные ножи, иногда и длинные своеобразные бронзовыя ножи, оселки, короткіе желѣзные наконечники копий, напоминающіе по формѣ бронзовыя, небольшие желѣзные кинжалы, желѣзные боевые топорики, бронзовыя и желѣзныя удила, бронзовыя, желѣзныя и очень рѣдко

костяные чешуйки отъ панцырей, кремневые и костяные наконечники стрѣлъ, бронзовыя, изрѣдка золотыя застежки, напоминающія согнутый гвоздь, бронзовые браслеты и височныя кольца, нѣкоторые виды бусъ, глиняныя застежки въ видѣ пряслицъ, куски сѣры и встрѣчающіяся по нѣскольку экземпляровъ вмѣстѣ рѣчныя раковины. Золотыя издѣлія, хотя и попадаются, но составляютъ большую рѣдкость.

Закончивъ описание инвентаря болѣе раннаго періода такъ наз. скиѳской эпохи, необходимо замѣтить, что при погребеніяхъ этого времени нерѣдко встречаются покойники, похороненные въ скорченномъ видѣ.

Начиная съ VI в. до Р. Х. и далѣе въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, т. е. въ болѣе поздній періодъ описываемой эпохи, о чѣмъ мы имѣли уже случай упомянуть, обстановка Средне-Предрѣпновскихъ погребеній становится богаче и пышнѣе. Здѣсь уже попадается значительное количество привозныхъ издѣлій главнымъ образомъ греческой работы, а среди издѣлій мѣстнаго производства встречаются подражанія послѣднимъ. Керамика обогащается привозными греческими амфорами и росписными терракотовыми сосудами различныхъ видовъ.

Въ могилѣ знатнаго воина этого времени можно найти, напр., слѣдующіе предметы: бронзовый позолоченный шлемъ, поясъ изъ золотыхъ бляшекъ, мечъ съ золотой рукояткой иногда и въ золотыхъ ножнахъ (какъ это было обнаружено при одномъ погребеніи въ Роменскомъ у.) колчанъ, покрытый золотыми укращеніями, нерѣдко съ сохранившимися въ немъ бронзовыми стрѣлами, панцирь изъ бронзовыхъ или желѣзныхъ чешуекъ, бронзовые боевые топорики, нѣсколько копий и дротиковъ, желѣзные ножи, остатки лука съ костяными укращеніями, бронзовыя или желѣзныя удила съ бронзовыми же, желѣзными или костяными пасаліями, конская сбруя съ золотыми и бронзовыми бляшками и другими укращеніями, золотыя кольца, золотыя и бронзовыя застежки, глиняные сосуды, въ числѣ которыхъ встречаются греческіе глиняные, а иногда и серебряные сосуды, бронзовые котлы, бронзовыя навершия, точильные камни, куски сѣры и др. предметы.

Такое-же богатство и разнообразіе укращеній встречается и при женскихъ погребеніяхъ. Здѣсь находятся: всевозможные золотые головные уборы, ожерелья, серьги, браслеты, нашивныя золотыя бляшки, разнообразныя бусы, бронзовыя зеркала, румяна,

глиняные, бронзовые и серебряные сосуды, иногда и терракотовые сосуды съ росписью.

Всѣ перечисленные предметы располагались въ могилахъ самыи различныи образы—нѣкоторые изъ нихъ находятся на покойникѣ или рядомъ съ нимъ, остальные же размѣщены вокругъ стѣнъ склепа. При этомъ можно предполагать, что часть ихъ—какъ платье, шлемы, конская сбруя и др. были развѣшены на столбахъ склепа, о чёмъ свидѣтельствуютъ желѣзные крючки, находимые при нѣкоторыхъ предметахъ.

Нерѣдко подъ курганными насыпями на древнемъ уровне земли, возлѣ склепа, обнаруживаются костища. Въ этихъ костицахъ и въ особенности вокругъ нихъ, находится большое количество костей и роговъ животныхъ и множество черепковъ разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ. Все это говоритъ о томъ, что въ этомъ мѣстѣ надъ покойникомъ справлялась тризна.

Этимъ мы закончили описание различныхъ видовъ погребений, оставленныхъ въ такъ наз. скиѳскую эпоху Средне-Приднѣпровскими обитателями и теперь остановимся на памятникахъ другого рода, современныхъ этимъ погребеніямъ.

Памятниками этими являются обширныя городища, площадь которыхъ обхватываетъ собой 100 и больше десятинъ. Эти престранныя городища всегда обнесены высокимъ и широкимъ валомъ, представляющимъ собой обширную земляную насыпь, подвергшуюся столь сильному обжиганію, что мѣстами получилась сплошная компактная масса въ видѣ до красна обожженаго кирпича. Съ наружной стороны такой валъ окруженъ широкимъ и глубокимъ рвомъ, образовавшимся при выкапываніи земли для увеличенія высоты вала и вмѣстѣ съ тѣмъ служившимъ значительнымъ препятствиемъ при осадѣ подобного городища. Валъ имѣлъ 1—3 широкихъ отверстія, прорѣзанныхъ для вѣзда въ городище. Кромѣ этого высокаго вала, опоясывающаго всю площадь городища, внутри его находятся одинъ или нѣсколько меньшихъ валовъ, окружающихъ небольшія части города и возможно насыпанныхъ или съ цѣлью защиты отъ непріятельского нападенія или же для огражденія мѣста, служившаго для какой нибудь опредѣленной цѣли,—напр., предназначавшагося для совершенія религіозныхъ обрядовъ, для общественныхъ собраній и т. д.

Затѣмъ различныя мѣста обширной площади городища имѣли разнообразное назначеніе—такъ въ одной части его обыкновенно сосредотачиваются остатки земляныхъ сооруженій—жи-

лицъ городскихъ обитателей. Въ нихъ находятся развалины печей и различные предметы домашняго обихода и иного назначения, именно—желѣзные топоры, лопатки, серпы, наральники, ножи, долота, шилья, бронзовыя иглы и булавки, бусы изъ сердолика и разноцвѣтной массы, разныя украшения изъ бронзы, иногда и золота, серебра или кости и рога олена, каменные зернотерки, черепки глиняныхъ сосудовъ, кости и рога животныхъ и т. д. Другая часть площади отведена подъ погребенія преимущественно съ сожженiemъ, (какъ, напр., въ городищѣ при с. Пастерскомъ). Погребенія эти, обнаруживаемыя теперь въ разрушенномъ видѣ, представляютъ собой остатки отдѣльныхъ площадокъ, покрытыхъ слоемъ обожженої глины со сглаженной поверхностью, по которой разбросаны пережженныя человѣческія кости и части разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ, среди которыхъ нерѣдко встрѣчаются части амфоръ и фрагменты греческой терракоты съ росписью. Наконецъ, во многихъ мѣстахъ площади этихъ городищъ встрѣчаются обширныя кучи, имѣющія видъ курганныхъ насыпей, состоящія изъ массы угля, золы, поджаренныхъ зеренъ хлѣбныхъ растеній, множества черепковъ глиняныхъ сосудовъ, въ особенности амфоръ, большого количества костей и роговъ различныхъ животныхъ. Весьма интересно, что въ двухъ городищахъ—въ с. Пастерскомъ и с. Матронинскомъ Чигиринскаго у. Кіевской губ., въ такихъ кучахъ найдено по глиняному столбу, вершина которыхъ была тщательно сглажена и нѣсколько вдавлена посерединѣ; на ней находятся 7 концентрическихъ круговъ въ видѣ неглубокихъ бороздокъ. Повидимому, это были жертвенники, неоднократно подвергавшіеся дѣйствію огня. Верхняя часть одного изъ этихъ столбовъ находится въ Кіевскомъ музѣѣ Императора Николая II-го. Другой столбъ, открытый въ Матронинскомъ городищѣ оставленъ на мѣстѣ въ нетронутомъ видѣ.

Форма описываемыхъ городищъ круглая. Къ городищамъ этимъ со стороны плато возвышенности, на которой они расположены, обыкновенно примыкаетъ пространная болѣе или менѣе ровная площасть, одна часть которой содѣржитъ остатки жилищъ, другая занята обширнымъ могильникомъ. Предметы, встрѣчаемые какъ въ этихъ жилищахъ, такъ и въ могилахъ вполнѣ тождественны съ находимыми въ городищахъ.

Для культуры Средняго Приднѣпровья разсматриваемаго времени весьма характерно распространеніе на ряду съ предметами мѣстнаго производства издѣлій греческихъ и восточныхъ,

а также и издѣлій, изготовленныхъ по образцамъ послѣднихъ, но переработанныхъ въ мѣстномъ вкусѣ.

Всѣ разсмотрѣнныя нами памятники, ихъ обстановка, прекрасное укрѣпленіе городищъ, основывавшихся на мало доступныхъ возвышенныхъ мѣстахъ, а также и значительное количество земледѣльческихъ орудій и остатковъ самихъ продуктовъ земледѣлія, находимыхъ въ городищахъ и жилищахъ, сосредоточенныхыхъ въ нихъ и вокругъ нихъ, все это взятое вмѣстѣ, указываетъ на то, что народъ, обитавшій въ описываемое время въ Среднемъ Приднѣпровъѣ, бытъ осѣдлымъ, занимался земледѣліемъ, скотоводствомъ и былъ знакомъ съ разными отраслями производства. Онъ вѣроятно имѣлъ оживленныя сношения съ другими народами, особенно съ греками, что подтверждается обиліемъ находокъ предметовъ греческаго производства въ городищахъ и могилахъ этого времени.

Городища были важными центрами, въ которыхъ сосредотачивалась торговая, культурная и общественная жизнь Средне-Приднѣпровскихъ обитателей, а какъ сильно укрѣпленная мѣста, они служили защитой и убѣжищемъ не только для мѣстныхъ жителей, но и для заѣзжихъ торговцовъ. Судя по обширнымъ площадямъ этихъ городищъ, населеніе ихъ было многочисленное. Здѣсь жили не одни мѣстные обитатели, но, возможно, что какъ въ городищахъ, такъ и въ ихъ окрестностяхъ селились греческие торговцы, ремесленники и колонисты.

Самыя оживленныя сношения Средне-Приднѣпровскихъ обитателей съ греками, какъ свидѣтельствуютъ о томъ различныя находки, существовали съ VI и до III-го в. до Р. Х. Послѣ этого времени они ослабѣваютъ, а затѣмъ и совершенно прекращаются.

Изъ всего сказаннаго видно, что область Средняго Приднѣпровья не была завоевана скиѳами. Послѣдніе, появившись на югѣ Россіи, побѣдили обитавшихъ тамъ Киммерийцевъ, отѣснивъ ихъ отчасти къ Кавказу и главнымъ образомъ къ Дунаю и далѣе на югъ—къ Балканамъ. Напротивъ, можно предположить, что мѣстное населеніе Средняго Приднѣпровья подкрѣпилось отѣсненными съ юга Киммерийцами, успѣвъ уже раньше отчасти слиться съ этимъ народомъ.

Что памятники Средняго Приднѣпровья (обширныя городища, жилища такъ наз. Скиѳской эпохи) и не могли принадлежать Скиѳамъ—кочевникамъ подтверждается показаніями Геродота, оставившаго намъ лучший свѣдѣнія объ этомъ народѣ.

Геродотъ территорію, занятую Скиоами—кочевниками, ограничиваєтъ предѣлами современныхъ намъ южно-русскихъ степей, т. е. пространствомъ между Дономъ и Дунаемъ, следовательно областю, лежащей южнѣ Средняго Приднѣпровья.

Далѣе, высказанное выше положеніе подтверждается еще и тѣмъ соображеніемъ, что Скиоы, ведя кочевой образъ жизни занимаясь охотой, не нуждались въ основательно построенныхъ жилищахъ и въ хорошо укрѣпленныхъ городищахъ, которыхъ мы находимъ у мѣстнаго населенія Средняго Приднѣпровья. Наконецъ, объ этомъ же говорить и тотъ фактъ, что, какъ извѣстно, Скиоы-кочевники не сожигали своихъ покойниковъ, напротивъ, заботились о возможно долгомъ сохраненіи тѣла покойника, для чего употребляли бальзамированіе. У мѣстнаго-же населенія Средняго Приднѣпровья обычай сожигать тѣло покойника, какъ мы видѣли, восходитъ къ глубокой древности.

Подъ какимъ же названіемъ было извѣстно Геродоту мѣстное населеніе Средняго Приднѣпровья? Для разрѣшенія этого вопроса можно вполнѣ присоединиться къ мнѣнию пр. Л. Нидерле, который считаетъ, что мѣстное населеніе Средняго Приднѣпровья скрывалось подъ именами Геродотовскихъ Невровъ и Будиновъ. Невры могли занимать область по правому берегу р. Днѣпра и далѣе по направлению къ сѣверной части Карпатья Будины-же, возможно, имѣли обширныя поселенія по лѣвому берегу этой рѣки и далѣе къ востоку.

Эпоха полей погребальныхъ урнъ и великаго переселенія народовъ.

I.

Такъ наз. скиѳская эпоха въ Среднемъ Приднѣпровье постепенно смѣняется эпохой полей погребальныхъ урнъ, полное господство которой относится ко времени II—V вв. по Р. Х.

Смѣна эта происходитъ безъ всякихъ перерывовъ съ такой постепенностью, что, изучая Средне-Приднѣпровскую культуру этого периода по сохранившимся памятникамъ, можно констатировать полную послѣдовательность въ ея развитіи.

Памятники двухъ 1-хъ вѣковъ до и послѣ нашей эры, хотя еще и сохраняютъ пережитки прошлой такъ наз. скиѳской эпохи, но въ нихъ замѣты уже новые привносы элементы, получающіе полное развитіе въ послѣдующую эпоху полей погребальныхъ урнъ.

Промежуточный периодъ этотъ служить связывающимъ звеномъ между двумя упомянутыми эпохами.

Памятники, относящіеся къ этому переходному времени, обнаружены какъ въ правобережной, такъ и лѣвобережной части р. Днѣпра. Сюда относятся погребенія, найденные вблизи м. Триполья, м. Ржищева, с. Тростянцы и с. Зарубинцы Кіевскаго и Каневскаго у. у. Кіевской губ.; затѣмъ при с. Пуховкѣ, с. Погребы, с. Бортничи и с. Вишеньки Остерскаго у. Черниговской губ. и при с. Койловѣ и с. Рудаковѣ Переяславскаго у. Полтавской губ.

Изъ нихъ съ большей полнотью изслѣдованъ могильникъ, обнаруженный при с. Зарубинцахъ Каневскаго у. Кіевской губ., къ описанію котораго мы теперь и перейдемъ.

Могильникъ этотъ расположень на возвышенности, примыкающей къ самому Днѣпру и доминирующей надъ окружающей ее окрестностью. На небольшомъ плато этой возвышенности были обнаружены также и древніе памятники другихъ эпохъ, именно—остатки древнихъ землянокъ, содержащіе большое количество двустворчатыхъ рѣчныхъ раковинъ, три уже раскопанныхъ кургана и около двухъ десятковъ славянскихъ погребеній языческой эпохи. Интересующій-же насть могильникъ занималъ значительное пространство, но, къ сожалѣнію, ко времени его изслѣдованія былъ уже сильно поврежденъ производившимся здесь работами по добыванію камня. Онъ заключалъ въ себѣ погребенія, вѣщне ничѣмъ не отмѣченныя, устройство которыхъ было слѣдующее—каждое погребеніе состояло изъ небольшого углубленія четырехугольной формы, длина сторонъ котораго равнялась 70—80 стм.; дно его, расположенное на незначительной глубинѣ отъ поверхности земли, представляло собой тщательно изготовленную площадку съ утрамбованной или хорошо сглаженной поверхностью; иногда оно бывало обожжено. На днѣ углубленія стояли обыкновенно расположенные одинъ возлѣ другого 3 глиняныхъ сосуда, изъ которыхъ одинъ—самый крупный и всегда лишенный ушекъ, былъ наполненъ остатками пережженыхъ человѣческихъ костей, перемѣшанныхъ съ золой и мелкими кусками обожженной глины. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ пережженныя человѣческія кости также смѣшаныя съ мелкими кусками обожженной глины и золой находились не въ сосудѣ, а оказывались лежащими на днѣ углубленія возлѣ сосудовъ.

При всѣхъ этихъ погребеніяхъ находились особаго вида бронзовыя фибулы ла-тенского типа II—I вв. до Р. Х., бронзовыя шильки, части бронзовыхъ пластинокъ и др. предметы, нерѣдко поврежденные огнемъ.

Громадный интересъ представляютъ глиняные сосуды, находимые при погребеніяхъ этого рода. Сюда относятся горшко-видные или кружкообразные сосуды и сосуды, имѣющіе видъ миски на высокой подставкѣ. Поверхность ихъ покрыта легкимъ налетомъ черной или коричневатой краски, сглажена до блеска и никогда не бываетъ украшена орнаментомъ. Всѣ они ручной лѣпки.

Начиная со II-го в. по Р. Х. и въ послѣдующіе затѣмъ три вѣка погребальная обстановка могиль въ Среднемъ Приднѣпровье иѣсколько менѣяется и самыми характерными для этой эпохи погребеніями являются—поля погребальныхъ урнъ; при

чемъ этотъ типъ погребеній становится господствующимъ не только въ Среднемъ Приднѣпровьѣ, но и въ Прикарпатской области, гдѣ онъ достигаетъ особеннаго распространенія въ Нодольской и Волынской губ., а также и въ сѣверной части Херсонской губ.

Могильники описываемаго времени, извѣстные подъ названиемъ полей погребальныхъ урий, обыкновенно располагаются на возвышенныхъ мѣстахъ. Они содержать въ себѣ болѣе или менѣе значительное количество погребеній, расположенныхъ на небольшомъ разстояніи одно отъ другого. На поверхности земли, они ничѣмъ не отмѣчены. Въ противоположность погребеніямъ переходного времени, когда встрѣчается одицъ только погребальный обрядъ—сожженіе, поля погребальныхъ урий содержать въ себѣ оба обряда погребенія. При этомъ погребенія съ сожженіемъ обыкновенно находятся на небольшой глубинѣ отъ поверхности земли, а погребенія, при которомъ тѣло покойника не сожигалось, находящіяся въ томъ-же могильникѣ на ряду съ погребеніями съ сожженіемъ, на столько углублены, что дномъ ихъ всегда служить желтая материковая глина.

При погребеніяхъ съ сожженіемъ остатки пережженныхъ человѣческихъ костей, зола, слитки расплывшихся металлическихъ, стеклянныхъ или изготовленныхъ изъ смальты предметовъ, находившихся во время сожженія тѣла при покойнике, всегда находятся въ отдѣльномъ сосудѣ и сложены въ немъ въ такомъ порядке, что остатки черепныхъ костей и предметовъ помѣщаются сверху остального.

Сосудъ съ пепломъ бываетъ окружень нѣсколькими другими, въ числѣ которыхъ встрѣчается и стеклянный сосудъ (Черняховскій могильникъ и могильникъ въ с. Ромацкахъ Кіевскаго и Васильковскаго у. у. Кіевской губ.), или бронзовый котелокъ съ такою-же ручкой (погребеніе вблизи с. Стрѣтовки, Кіевскаго у.).

При другомъ погребальномъ обрядѣ жертвенные сосуды, встрѣчающіеся въ различномъ числѣ, бываютъ разставлены главнымъ образомъ съ лѣвой стороны головы покойника. Но весьма часто случается, что въ могилахъ, содержащихъ въ себѣ большое количество сосудовъ, послѣдніе расположены не только вокругъ головы покойника, но и разставлены въ одну линію вдоль всего костяка, при чемъ бываетъ, что у ногъ его стоять отдельно еще 2—3 экземпляра.

Вообще при обоихъ описанныхъ обрядахъ погребеній главный инвентарь составляютъ глиняные сосуды различные по величинѣ и формѣ, всегда сдѣланные на кругѣ. Одни изъ нихъ отличаются значительнымъ разнообразiemъ и изяществомъ формъ, тщательной выдѣлкой глины, имѣютъ лоснящуюся поверхность, нерѣдко украшенную разнообразнымъ орнаментомъ. Другие сосуды, имѣющіе однообразную горшковидную или мискообразную форму, хотя также сдѣланы на кругѣ, но выдѣлка ихъ отличается грубостью, небрежностью и ихъ шероховатая поверхность никогда не бываетъ украшена орнаментомъ.

Стеклянные-же и бронзовые сосуды, встрѣчающіеся также при обоихъ обрядахъ погребенія, представляютъ собой римскія издѣлія.

Изъ предметовъ иного рода большею частью также римского производства (относящіеся къ римскому провинціальному типу), при этихъ погребеніяхъ въ значительномъ количествѣ встречаются: разнообразныя бусы изъ разноцвѣтной массы или стекла; бронзовыя, серебряныя, иногда и золотыя фибулы, пряжки, браслеты и кольца.

Затѣмъ при этихъ-же погребеніяхъ находятся—подвѣски изъ морскихъ раковинъ, разнообразные гребешки, изготовленные изъ кости и рога, желѣзные ножи, кости домашнихъ и дикихъ животныхъ и серебряныя, иногда и золотыя монеты.

Кромѣ описанныхъ погребеній отъ этой эпохи сохранились современные имъ жилища, дошедшия до нашего времени въ разрушенномъ видѣ.

Остатки этихъ жилищъ были обнаружены вблизи с. Стрѣтовки, с. Жуковцы и с. Витачево Кіевскаго у. и во многихъ другихъ мѣстностяхъ. Раскопки обнаруживаютъ ихъ въ слѣдующемъ видѣ: это четырехугольной формы углубленія, занимающія пространство отъ 4—5 м. въ длину, 3—4 м. въ ширину и 1—2 м. въ глубину. Внутренность этихъ углубленій завалена землей, подъ которой находится болѣе или менѣе значительной толщины слой, состоящій изъ множества кусковъ обожженной до красна стѣнной обмазки и большого количества золы, смѣшанной съ кусками угля. На днѣ углубленія обыкновенно находятся остатки развалившейся глиняной печи или слѣды очага разной величины, иногда выложенного изъ глины. Среди предметовъ, находящихъся въ этихъ остаткахъ жилищъ, первое мѣсто по количеству занимаютъ фрагменты глиняныхъ сосудовъ, вполнѣ аналогичныхъ сосудамъ, находимымъ въ современныхъ этимъ жили-

щамъ погребеніяхъ. Затѣмъ здѣсь-же встрѣчаются: желѣзные ножи, топоры, серпы, косы, части желѣзныхъ цѣпей, желѣзные гвозди, крючки, разнообразныя бусы, глиняныя пряслицы, такія-же застежки, части обрѣзанныхъ роговъ оленя, части мельничныхъ жернововъ иногда съ отверстиемъ посерединѣ, кости животныхъ въ большинствѣ случаевъ домашнихъ и др. предметы главнымъ образомъ домашнаго обихода, указывающіе на то, что ими пользовалось осѣдлое земледѣльческое населеніе.

Большое количество предметовъ римского производства или подражаний послѣднимъ, встрѣчаемыхъ въ памятникахъ Средняго Придѣпровья описываемой эпохи, можно объяснить близостью римскихъ Придунайскихъ провинцій, главная торговля которыхъ сосредотачивалась въ рукахъ римскихъ коммерсантовъ, имѣвшихъ торговыя сношенія съ ближними по мѣсту поселенія народами въ томъ числѣ и съ Прикарпатскими, возможно, и съ Средне-Приднѣпровскими обитателями.

Такому широкому распространенію римской культуры способствовали также и завоевательные движения римскихъ войскъ, Этуому не могли не благопріятствовать и побѣдоносныя завоеванія Траяна, возможно, отъснившія часть мѣстныхъ народовъ, знакомыхъ съ римской культурой, въ болѣе свободныя и безопасныя мѣстности, напр., въ область Средняго Приднѣпровья.

Возможность этихъ предположеній подкрѣпляется еще и безчисленностью случайныхъ находокъ какъ единичныхъ римскихъ монетъ, такъ и цѣлыхъ кладовъ, находимыхъ въ нашей мѣстности. Но каковы-бы ни были причины появленія въ области Средняго Приднѣпровья въ эпоху полей погребальныхъ урнъ предметовъ римского издѣлія—были-ли то мирныя торговыя сношенія или воинственные набѣги на Римскую имперію мѣстныхъ смѣльчаковъ въ союзѣ съ другими народами или какаянибудь другія явленія, но самый фактъ сильнаго, ярко выраженаго вліянія римской культуры на мѣстную культуру Средняго Приднѣпровья въ этотъ періодъ остается несомнѣннымъ.

II.

Начало эпохи великаго переселенія народовъ совпадаетъ съ порой наибольшаго распространенія въ Среднемъ Приднѣпровъ типа могиль, извѣстныхъ подъ назнаніемъ полей погребальныхъ урнъ. Въ нашей области до сихъ поръ еще не открыты ни погребенія, ни остатки жилищъ, которые бы можно было

отнести къ эпохѣ великаго переселенія народовъ, несмотря на многократныя попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи. Такими-же безрезультатными оказались старанія подтвердить археологическими данными существованіе готской метрополіи на территории современного Киева, куда ее помѣщали на основаніи многихъ предположеній.—Несмотря на то, что въ Киевѣ вся мѣстность, начиная отъ Кирилловской больницы и до возвышенности, на которой находился въ древности Киевскій кремль, гдѣ послѣдніе годы производятся обширныя и тщательныя раскопки, подвергалась археологическимъ изслѣдованіямъ, ни въ одномъ мѣстѣ указанного района не было найдено не только слѣдовъ готской метрополіи, но даже и единичныхъ предметовъ характерныхъ для описываемой эпохи.

Весьма возможно, что готы при своемъ движениі съ береговъ Вислы и болѣе сѣверныхъ областей на югъ—къ Черному морю и Дунаю не воспользовались Днѣпровскимъ воднымъ путемъ, а прошли черезъ Прикарпатскую область и прилегающія къ ней мѣстности, держа свой путь по р.р. Бугу и Днѣстру.

Вопросъ относительно занятія готами Средне-Приднѣпровской области можно разрѣшить лишь въ предположительномъ смыслѣ—именно—появленіе готовъ въ нашей мѣстности могло произойти лишь ко времени болѣе позднему, чѣмъ ихъ передвиженія съ сѣвера, затѣмъ, могло случиться въ мѣстностяхъ, лежащихъ по южному течению р. Днѣпра и даже не касаться Средняго Приднѣпровья, въ особенности его сѣверной части.

Вообще можно предполагать, что ареной всѣхъ крупныхъ передвиженій и смѣнъ однихъ народовъ другими (готовъ, гуновъ, аваровъ и др.), происходившихъ въ эпоху великаго переселенія народовъ, скорѣе всего служили болѣе южныя мѣстности современной Россіи и Придунайской области, чѣмъ область Средняго Приднѣпровья.

Сказанное не исключаетъ возможности того, что Средне-Приднѣпровскіе обитатели могли находиться во временной зависимости то отъ одного, то отъ другого народа—побѣдителя, при чѣмъ они-же могли или по принужденію или по своей доброй волѣ принимать участіе въ набѣгахъ и походахъ на Римскую или Византійскую имперію.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію предметовъ, относящихся къ эпохѣ великаго переселенія народовъ и найденныхъ въ области Средняго Приднѣпровья. Изъ нихъ, какъ на добытые въ болѣе значительномъ количествѣ при посредствѣ раскопокъ,

можно указать на предметы, найденные въ Пастерскомъ горо-дицѣ Чигиринскаго у. Киевской губ., гдѣ они составляютъ позднѣйшее наслоееніе и принадлежать къ украшеніямъ мѣст-наго Средне-Приднѣпровскаго населенія болѣе ранняго периода описываемой эпохи.

Здѣсь были обнаружены: фибулы своеобразной формы со звѣринымъ орнаментомъ, нерѣдко съ изображеніемъ человѣче-скаго лица, иногда и цѣлой человѣческой фигуры, изготовленныя изъ бронзы, бѣлаго сплава или серебра; затѣмъ—браслеты разнаго вида, серьги, привѣски, кольца и пуговки, главнымъ образомъ изготовленные изъ серебра, бронзы и серебристаго бѣлаго сплава, а также фрагменты глиняныхъ сосудовъ типа по-лей погребальныхъ урнъ.

Къ сожалѣнію, главная часть предметовъ, относящихся къ описываемой эпохѣ, составляетъ пока только случайныя находки единичныхъ экземпляровъ.

Среди предметовъ, относящихся къ болѣе позднему вре-мени эпохи великаго переселенія народовъ, обращаютъ на себя вниманіе бронзовые предметы, украшенные такъ наз. варвар-ской выемчатой эмалью. Сюда относятся: своеобразной формы цѣпи (вѣроятнѣе части ихъ), напр., найденная вблизи с. Вышго-рода Киевскаго у., бронзовая фибула, разнаго вида привѣски и др. предметы, вѣроятнѣе всего служившіе украшеніями мѣст-наго населенія.

Въ виду того, что нѣкоторые изъ этихъ предметовъ имѣютъ болѣе или менѣе ясно выраженные слѣды поврежденій огнемъ, можно предположить, что предметы эти сопровождали погре-бенія съ сожженіемъ; а такъ какъ этотъ родъ погребеній почти всегда находится на незначительной глубинѣ отъ поверхности земли, то такія могилы легко могли быть разрушены при раз-личныхъ земляныхъ работахъ, какимъ образомъ, къ величайшему прискорбію, у насъ уже много погибло, да еще и теперь поги-баетъ древнихъ памятниковъ.

Этимъ мы закончили краткій очеркъ эпохи великаго пере-селенія народовъ въ области Средняго Приднѣпровья и если не будемъ останавливаться на описаніи нѣкоторыхъ кочевническихъ погребеній болѣе поздняго времени, о которыхъ имѣется доста-точно подробныхъ свѣдѣній, то мы дошли до того времени наиболѣе дорогого намъ, къ которому относятся многочислен-ные въ нашемъ краѣ славянскіе и главнымъ образомъ велико-княжескіе памятники.

Славянская эпоха.

Славянская эпоха завершает собой продолжительное доисторическое время и въ своей позднейшей порѣ начинаетъ новый періодъ—исторический, изученіе котораго главнымъ образомъ базируется на письменныхъ источникахъ.

Не выходя за предѣлы нашей задачи, разсмотримъ вкратцѣ памятники этой эпохи. Они сводятся къ слѣдующимъ категоріямъ 1) городища, 2) остатки жилищъ, 3) могильники и 4) клады.

Городища во множествѣ разсѣяны по всему Среднему Приднѣпровью. Они обыкновенно располагаются на мало доступныхъ мѣстахъ, напр., на самомъ возвышенномъ пунктѣ мѣстности, примыкающей къ водѣ, и занимаютъ болѣе или менѣе обширную площадь, иногда обхватывающую собой отъ нѣсколькихъ сотъ кв. саженей—до нѣсколькихъ десятковъ десятинъ. Городища эти бываютъ обнесены землянымъ валомъ, достигающимъ въ различныхъ городицахъ разной величины, съ наружной стороны окруженнымъ глубокимъ рвомъ. Иногда городище бываетъ обнесено со стороны равнины двумя и даже, какъ въ Шаргородскомъ городицѣ Киевской губ., тремя валами и рвами. Валъ обыкновенно состоитъ изъ насыпной земли, нерѣдко въ нижней части хорошо утрамбованной; въ нѣкоторыхъ валахъ слои земли чередуются со слоями глея, но иногда валы отличаются и болѣе сложнымъ устройствомъ, какъ это показали раскопки вала Бѣлгородского городища Киевской губ., а также и древняго Киевскаго, о чёмъ подробнѣе будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Въ городицахъ описываемаго періода находятся—остатки жилищъ и другихъ сооруженій, множество погребеній и разно-

образнѣйшій инвентарь, состоящій изъ предметовъ домашняго обихода, украшенія и вооруженія.

Нерѣдко случается, что все только что перечисленное содержимое городищъ находится виѣ городица на площади, примыкающей къ нему; здѣсь встречаются также остатки жилищъ или другихъ сооруженій, особенно часто остатки мастерскихъ, различные предметы, а иногда и отдельно расположенный могильникъ.

Остатки жилищъ и сооруженій другого рода свидѣтельствуютъ о томъ, что постройки языческаго периода славянской эпохи сооружались изъ дерева, при чмъ большая часть стѣнъ этихъ построекъ, а также и самыя помѣщенія находились въ глубоко выкопанномъ въ материковой землѣ четырехугольномъ углубленіи; остальная-же часть стѣнъ съ покоившейся на нихъ крышей возвышалась надъ поверхностью земли.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе обширныя сооруженія, относящіеся уже къ началу христіанскаго времени, имѣли надстройку въ видѣ 2-го этажа, расположеннаго надъ нижнимъ полу-этажемъ и цѣликомъ возвышавшимъся надъ тогдашимъ уровнемъ земли.

Внутри, какъ это показали раскопки, многія постройки были раздѣлены на двѣ половины стѣной—перегородкой, не доходившей до потолка, сложенной изъ стоймя поставленныхъ полу-брusьевъ; такая стѣнка отдѣляла жилое помѣщеніе съ печью отъ другого, служившаго, повидимому, родомъ каморы; въ нѣкоторыхъ случаяхъ тамъ помѣщалась мастерская. Печи имѣли различную форму, чаще всего ящикообразную и обыкновенно были безъ дымоотводовъ, иногда онѣ замѣнялись очагомъ.

Объ славянскихъ жилищахъ намъ придется еще говорить при описаніи раскопокъ, производившихся въ усадьбѣ М. М. Петровскаго въ Кіевѣ и въ с. Бѣлгородкѣ Кіевской губ.

Что-же касается каменныхъ зданій, то они появляются не раньше X в. по Р. Х., о чмъ свидѣтельствуютъ древнѣйшіе остатки каменныхъ фундаментовъ предполагаемаго княжескаго дворца, открытые въ усадьбѣ М. М. Петровскаго въ Кіевѣ.

Теперь просмотримъ инвентарь славянскихъ городищъ. Первое мѣсто по численности находокъ занимаютъ предметы домашняго обихода и сельскаго хозяйства—какъ-то: разнообразные глиняные сосуды (главнымъ образомъ ихъ фрагменты), украшенные характернымъ для данной эпохи орнаментомъ, а иногда и поливой; (мѣдные котлы и другіе сосуды изъ мѣди и

стекла рѣдко бывають находимы и встречаются обыкновенно въ поврежденномъ видѣ), затѣмъ—ножи, топоры, ножницы, молотки, мотыки, долота, косы, серпы, замки, ключи, гвозди, рѣже—части конской сбруи и др. желѣзныя подѣлки, разнообразныя костяные и роговыя орудія и ручные мельничные жернова изъ камня.

Предметы украшенія, находимые въ болѣе древнихъ городищахъ, относящихся къ языческому періоду, не отличаются большимъ разнообразіемъ и преимущественно бывають изготовлены изъ серебра, мѣди, цвѣтной смальты, стекла или кости. Рѣдкие для этого періода золотые предметы представляютъ собой издѣлія арабскаго происхожденія или носятъ характеръ абскаго искусства.

Гораздо большимъ разнообразіемъ и богатствомъ предметы украшенія отличаются въ тѣхъ городищахъ, которыхъ продолжили свое существованіе и въ болѣе поздній періодъ славянской эпохи или же которыхъ возникли въ началѣ христіанскаго времени, когда въ область Средняго Приднѣпровья проникаетъ, а затѣмъ и достигаетъ тамъ полнаго господства, византійское искусство.

Въ этихъ городищахъ, не говоря уже о Кіевѣ, гдѣ разновременно было найдено не только большое количество единичныхъ весьма интересныхъ предметовъ, но и множество богатыхъ кладовъ, встречаются: складные и иного вида кресты и иконки, выдѣланыя изъ золота, серебра и бронзы или вырѣзанные изъ камня и нерѣдко обложенныя золотыми пластинками и украшенныя зернью; золотые, серебряные и бронзовыя—колты, серьги, браслеты, шейная гривна и др. подѣлки изъ тѣхъ-же металловъ.

Изъ предметовъ вооруженія въ этихъ городищахъ чаще всего попадаются: желѣзные, иногда и костяные наконечники стрѣлъ, желѣзные наконечники копий, дротиковъ, боевые топорики, желѣзные мечи, кольчуги, желѣзные и бронзовыя кистени и въ очень рѣдкихъ случаяхъ желѣзные шлемы; нерѣдко на этихъ предметахъ замѣчаются слѣды инкрустаций, выложенной золотомъ или серебромъ. Отъ луковъ, колчановъ и щитовъ сохранились только отдѣльныя части несмотря на то, что эти предметы составляли необходимую принадлежность хорошаго вооруженія и были въ большомъ употребленіи.

Далѣе въ составъ инвентаря городищъ входятъ—глиняныя игрушки, изображающія лошадей, всадниковъ, пѣтуховъ, глиняныя погремушки, костяныя игральныя шашки, игральныя бабки, уховертки, костяные гребешки и др. предметы изъ кости.

Наиболѣе интересными находками въ описываемыхъ горо-
дицахъ являются—бронзовые штампы, служившіе для изго-
твленія украшеній, каменные формочки для отливки металли-
ческихъ предметовъ и куски эмали разныхъ цвѣтovъ.

Заканчивая перечень разнообразныхъ предметовъ, находи-
мыхъ въ городицахъ, надо упомянуть о большомъ количествѣ
поджаренныхъ зеренъ различныхъ хлѣбныхъ злаковъ и костей
животныхъ преимущественно домашнихъ, въ большомъ количе-
ствѣ встрѣчающихся въ культурныхъ слояхъ городищъ.

Другими не менѣе важными и многочисленными памятни-
ками славянской эпохи являются болѣе или менѣе обширные
могильники, въ изобиліи встрѣчающіеся въ Среднемъ Приднѣ-
провъї. Среди нихъ попадаются могильники, заключающіе въ
себѣ разновременныя погребенія, которая постепенно наслѣдава-
лись на болѣе древня. Такъ, напр., въ с. Ромашкахъ Василь-
ковскаго у. Кіевской губ. въ материковой земль подъ обши-
рной насыпью были обнаружены погребенія эпохи полей погре-
бальныхъ урнъ съ обрядомъ сожженія, надъ ними въ насыпи
находились славянскія языческія погребенія съ обрядомъ сож-
женія, начиная съ болѣе древнихъ и кончая болѣе поздними,
сверху которыхъ располагались погребенія христіанскаго вре-
мени.

Наиболѣе древніе могильники относятся къ языческому
періоду и находятся или внутри городища или возлѣ него, при
чемъ здѣсь встрѣчаются оба обряда погребенія. Погребальная
обстановка всѣхъ типовъ могиль этого времени весьма различна,
что часто зависѣло или отъ обычая той или иной мѣстности или
же отъ тѣхъ чужеземныхъ вліяній, подъ которыя въ различное
время подпадали Средне-Приднѣпровскіе обитатели.

Древнія погребенія языческаго времени съ обоими погре-
бальными обрядами въ большомъ количествѣ встрѣчаются въ
самомъ Кіевѣ, гдѣ они были обнаружены не только въ районѣ
Старого Города, но и почти на всѣхъ кіевскихъ возвышеностяхъ
и у ихъ подошвъ.

Разсмотримъ каждый погребальный обрядъ въ отдѣльности,
останавливаясь главнымъ образомъ на могильникахъ, обнару-
женныхъ въ самомъ Кіевѣ.

Отмѣтимъ здѣсь, что славянскія могилы языческаго періода
съ погребальными обрядомъ, при которомъ покойника не сожи-
гали, всегда имѣютъ невысокія курганныя насыпи. Какъ упо-
миналось выше, этотъ видъ погребеній часто встрѣчается въ

Киевъ. Въ особенномъ изобилії погребенія эти расположены близъ Кирилловской улицы въ мѣстности, примыкающей къ Іорданской церкви и далѣе по направлению къ Кирилловской больницѣ. Такъ, въ усадьбѣ братьевъ Зарембскихъ въ ея верхней части, примыкающей къ Лукьянинкѣ, находился могильникъ, состоявший изъ нѣсколькихъ сотъ могиль, надъ которыми въ большинствѣ случаевъ была возведена небольшая круглая земляная насыпь (1—2,5 м. высоты). Могилы эти состояли изъ ямы (длиной въ 1,5—2 м.), глубоко выкопанной въ материковой землѣ, на днѣ которой находился костякъ въ вытянутомъ положеніи, головой обращенный на западъ, съ различнымъ расположениемъ рукъ. При покойникахъ этихъ находились следующіе предметы: серебряные серьги, разновидныя бусы, украшенная филигранью или зернью, серебряные браслеты и стеклянные сосуды съ очень тонкими стѣнками и закругленнымъ дномъ, по всейѣ вѣроятности, арабского происхожденія.

Подобного рода погребенія съ такимъ-же инвентаремъ, въ составѣ которого нерѣдко попадались еще серебряные диргемы VIII в. по Р. Х., служившіе привѣсками, были обнаружены по той-же Кирилловской улицѣ въ усадьбахъ №№ 59—61.

Кромѣ описанныхъ погребеній въ тѣхъ-же усадьбахъ и въ усадьбѣ С. И. Свѣтославскаго, у края плато расположенныхъ тамъ возвышеностей, встрѣчались погребенія съ могильной ямой, вырытой также въ материковой глини. Инвентарь этихъ могилъ составляли—предметы украшенія въ видѣ разнообразныхъ бусъ, серебряныхъ височныхъ колецъ, серегъ, рѣже—брраслетовъ, а также желѣзные ножи съ костяными ручками, кресала, оселки иногда въ серебряной оправѣ, бронзовыя пряжки, деревянная ведерца, отъ которыхъ обыкновенно сохраняются только желѣзные обручи. Въ описываемыхъ могилахъ нѣкоторые покойники были окружены желѣзными гвоздями, воткнутыми въ землю на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого (всего числомъ отъ 5 до 9). Возможно, что этими гвоздями придерживалась рогожа или какое нибудь покрывало другого рода, накинутое на покойника. Подобный погребенія, при которыхъ костякъ окруженъ воткнутыми въ землю гвоздями, очень распространены въ Волынской губ. Разница заключается въ томъ, что въ волынскихъ погребеніяхъ покойникъ похороненъ на древнемъ уровнеѣ земли, тогда какъ въ кievскихъ, о чёмъ упоминалось выше, погребенъ въ ямѣ.

Обычай хоронить покойника на уровнеѣ земли, не выкапывая для него ямы, былъ извѣстенъ также и въ Киевѣ.

Здѣсь этотъ видъ погребеній обнаруженъ при раскопкахъ въ усадьбѣ М. М. Петровскаго и въ нижней части возвышенности возлѣ Кирилловской улицы. Мѣсто, на которомъ лежалъ покойникъ, было тщательно выровнено слоемъ утрамбованной и до красна обожженной глины, иногда вокругъ обложено нѣсколькими камнями; сверху покойникъ былъ засыпанъ желѣзнымъ шлакомъ и землей или одной землей, образующей небольшую насыпь.

Такого-же рода погребенія, при которыхъ иногда покойника хоронили и на самомъ незначительномъ разстояніи отъ поверхности земли, съ невысокими курганными насыпями (0,5—1,5 м. высоты) были обнаружены и въ другихъ мѣстахъ Средняго Приднѣпровья, именно—въ м. Трипольѣ, с. Витачевѣ, с. Стайкахъ, с. Шаркахъ, с. Конунчѣ Кіевской губ., при чёмъ они встрѣчались на ряду съ другими видами погребеній.

При покойникахъ въ этихъ погребеніяхъ обыкновенно находятся: парчевые повязки, тканые золотомъ и серебромъ, такія-же ленты и пояса, серебряные височные кольца, загнутыя на одномъ концѣ въ видѣ латинской буквы S, бронзовые бубенчики, серебряные пуговицы, разновидная бусы изъ янтаря, серебра, сердолика, горного хрусталя, морскія раковины, браслеты изъ серебра и бронзы, иногда и серебряные цѣпочки и полукольця, служившія головнымъ украшеніемъ, затѣмъ—деревянные ведерца съ желѣзовыми обручами, желѣзные ножи, кресала, куски кремня и сѣры и значительно рѣже желѣзные топорики, конъя, ножницы или серпы.

Въ с. Глинскѣ, с. Броваркахъ и нѣкоторыхъ другихъ могильникахъ Полтавской губ., расположенныхъ по р. Суль и р. Пелѣ при аналогичныхъ погребеніяхъ оказались: серебряные вѣнчики на красной сафьяновой подкладкѣ съ серебряными-же привѣсками въ видѣ колецъ съ однимъ концомъ изогнутымъ въ видѣ латинской буквы S и съ морскими раковинами, серебряные головные украшенія въ видѣ обручей съ прикрепленными къ нимъ широкими пластинками, свернутыми наподобіе цилиндра, головные уборы, состоящіе изъ ряда серебряныхъ цѣпочекъ съ висячими на концахъ различной величины бубенчиками, ожерелья изъ бусъ, бубенчиковъ, различныхъ металлическихъ привѣскъ, перстни, браслеты, костяные орнаментированные гребеники и т. д.

Здѣсь не будетъ лишнимъ отмѣтить тотъ фактъ, что почти во всѣхъ могилахъ съ разсмотрѣннымъ обрядомъ погребенія

находится небольшое количество угольковъ, высыпанныхъ въ могилу послѣ окуриванія тѣла покойника.

Переходя теперь къ обзору погребеній съ сожженiemъ слѣдуетъ замѣтить, что мѣстомъ наибольшаго распространенія этого погребального обряда была значительная часть територіи современной Черниговской губ.

Погребенія эти можно разбить на 2 категоріи; къ одной изъ нихъ относятся могилы съ курганными насыпями, къ другой могилы виѣшие ничѣмъ не отмѣченныя.

Погребенія 1-ой категоріи заключаютъ въ себѣ остатки кострища, на которомъ было сожжено тѣло покойника, при чемъ оставшійся прахъ или бытъ собранъ въ глиняномъ сосудѣ, поставленномъ тутъ-же, или оставался на кострищѣ нетронутымъ.

Ко 2-ой категоріи относятся погребенія, не имѣющія никакихъ слѣдовъ кострища и содержащія только сосудъ съ остатками пережженыхъ человѣческихъ костей; при этомъ видѣ погребеній сожженіе праха покойника производилось въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ.

Не останавливаясь на перечисленіи многихъ мѣсть Средняго Приднѣпровья, гдѣ были обнаружены обѣ категоріи погребеній съ сожженiemъ, укажемъ на разновременно сдѣланныя находки ихъ въ самомъ Кіевѣ.

Наиболѣе богатое погребеніе съ сожженiemъ было открыто на Софіевской площади при постройкѣ дома, принадлежащаго Софіевскому собору. Здѣсь при выемкѣ земли на глубинѣ 2-хъ м. отъ поверхности почвы на древнемъ уровнѣ земли было обнаружено обширное кострище, на которомъ на ряду съ обгорѣвшими человѣческими костями оказалось большое количество обугленной парчи съ затканнымъ золотомъ узоромъ, части расплавленныхъ металлическихъ предметовъ, литой бронзовый массивный сосудъ на трехъ ножкахъ съ полой ручкой для всаживания деревянной насадки и поджаренныя зерна пшеницы и проса, расположенные слоями.

Далѣе погребенія съ сожженiemъ были обнаружены при раскопкахъ, производящихся теперь въ усадьбѣ Десятинной церкви и раньше при раскопкахъ въ усадьбѣ М. М. Петровскаго. Обнаруженныя здѣсь погребенія заключали въ себѣ и одни кострища съ остатками пережженыхъ человѣческихъ костей и кострища съ сосудами, въ которыхъ были уложены остатки сожженаго тѣла покойника.

Наибольшее-же число погребений этого вида оказалось у подошвы возвышенности, находящейся вблизи Кирилловской улицы, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь расположено зданіе лѣчебницы въ усадьбѣ № 59. Погребенія эти находились подъ слоемъ намывной земли толщиною 0,5—1,2 м. и были расположены на разномъ разстояніи одно отъ другого; они представляли собой тщательно выровненный кострища различной величины (2—3 м. въ діаметрѣ), состоящія изъ слоя обожженной глины, прикрытаго золой и углеми, среди которыхъ находились остатки пережженнѣхъ человѣческихъ костей. Въ одномъ случаѣ на такомъ кострицѣ былъ обнаруженъ полу-обожженный человѣческій костякъ, возлѣ черепа котораго найдено желѣзное конѣ. Въ другомъ случаѣ на подобномъ кострицѣ при пережженнѣхъ человѣческихъ костяхъ оказались два раздавленныхъ глиняныхъ сосуда, какой-то полу-расплавленный серебрянаго ажурный предметъ, согнутый желѣзный ножикъ и каменный оселокъ съ просверленной дыркой.

Фрагменты глиняныхъ сосудовъ оказались и на нѣкоторыхъ другихъ кострицахъ съ пережжеными человѣческими костями и золой и только въ одномъ случаѣ былъ найденъ на кострицѣ уцѣльвшиі глиняный сосудъ небольшой величины безъ ушекъ, наполненный остатками пережженнаго праха покойника и золой.

Въ той-же усадьбѣ №№ 59-61 на плато находящейся тамъ возвышенности обнаружено два погребенія въ сосудахъ безъ кострицъ. Погребенія эти находились на разстояніи 10 м. одно отъ другого и каждое изъ нихъ состояло изъ отдельно зарытаго глиняного сосуда безъ ушекъ, наполненного остатками пережженныхъ человѣческихъ костей, уложенныхъ такимъ образомъ, что черепные кости находились сверху другихъ остатковъ; сосуды эти находились на глубинѣ 40-60 стм. отъ поверхности земли.

Такого-же рода погребеніе было открыто на плато возвышенности, находящейся на той-же Кирилловской улицѣ въ усадьбѣ С. И. Свѣтославскаго. Здѣсь также на незначительной глубинѣ отъ поверхности земли былъ выкопанъ глиняный сосудъ, наполненный пережжеными человѣческими костями, сверху которыхъ были положены желѣзный ножъ, 2 куска сѣры, бронзовая ажурная застежка и какой-то предметъ изъ массы сѣро-желтоватаго цвѣта.

Этимъ мы закончили краткій обзоръ различныхъ видовъ славянскихъ погребеній. Не трудно видѣть, что у Средне-При-

дніпровскихъ обитателей въ послѣдніе вѣка до принятія ими христіанства погребальный обрядъ былъ весьма различенъ не только по своей формѣ, но и по разнообразію погребальной обстановки. Съ принятіемъ христіанства, хотя многое въ этомъ погребальномъ обрядѣ и менѣется, напр., исчезаетъ обрядъ трупосожженія или обычай возводить курганныя насыпи на могилахъ, но кое-какія отголоски древнихъ обычаевъ удерживаются и до болѣе поздняго времени.

Теперь остается еще упомянуть о кладахъ, разновременно найденныхъ въ области Средняго Придніпровья. Наибольшее число находокъ ихъ выпало на долю Кіева, гдѣ въ районѣ Старого Города, главнымъ образомъ около Десятиной церкви и Михайловскаго монастыря, были найдены интересные клады. Кромѣ того, одинъ изъ наиболѣе цѣнныхъ кладовъ, состоявшій изъ многочисленныхъ золотыхъ предметовъ, украшенныхъ эмалью, былъ обнаруженъ на Дѣвичьей Горѣ вблизи с. Сахновки Кіевской губ. и нѣсколько менѣе богатыхъ оказались на Княжей Горѣ Кіевской губ. и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Кіевской, Полтавской и Черниговской губерніяхъ.

Большинство кладовъ встрѣчается на небольшой глубинѣ отъ древней поверхности земли, при чёмъ предметы находятся или въ сосудѣ глиняномъ или металлическомъ или же просто зарыты въ землю, будучи предварительно обернуты въ какуюнибудь матерію, отъ которой обыкновенно сохраняются лишь полуистлѣвшіе кусочки.

Въ составъ этихъ кладовъ входятъ преимущественно предметы украшенія, главнымъ образомъ относящіеся къ болѣе позднему христіанскому періоду—XI-XIII вв.

Здѣсь встрѣчаются: золотыя діадемы, украшенныя эмалью, золотые образки съ эмалевыми изображеніями Христа, Богородицы или святыхъ, украшенные жемчугомъ и драгоценными камнями, золотые кольца, орнаментированные эмалью, золотые браслеты, цѣпи, медальончики, подвески, бусы, шейная гривна, и др. предметы роскоши, нерѣдко украшенные эмалью. Кромѣ золотыхъ издѣлій въ кладахъ попадаются и серебряныя гривны, кольца, серьги, бусы, кольца, монетныя гривны (какъ исключеніе и половина золотой монетной гривны), а также и рѣзныя каменные иконки и каменные крестики въ золотой и серебряной оправѣ и золотыя и серебряныя монеты.

Отъ описанныхъ кладовъ по составу предметовъ нѣсколько отличается громадный кладъ, оцѣниваемый въ нѣсколько сотъ

тысячъ рублей, найденный лѣтомъ прошлаго 1912 г. при с. Малая Перещепина Константионградскаго у. Полтавской губ. Здѣсь помимо золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ и предметовъ другого рода, въ огромномъ количествѣ оказались украшенія конской сбруи, составлявшія главную часть этого клада.

Судя по цѣнности предметовъ, входящихъ въ составъ кладовъ, и самой обстановкѣ, сопровождающей ихъ, почти всѣ эти клады были зарыты въ землю второпяхъ, вѣроятно, во время какихъ нибудь смутъ или непріятельскихъ набѣговъ, жертвами которыхъ сдѣлались ихъ владѣльцы.

Что же касается чужеземныхъ культурныхъ вліяній, которыя коснулись въ описываемый періодъ Средне—Приднѣпровскихъ обитателей, то они сводятся къ слѣдующимъ наиболѣе важнымъ проявленіямъ. Въ VIII—X вв. чувствуется арабское вліяніе, затѣмъ замѣчается привнесеніе въ культуру Средняго Приднѣпровья скандинавскаго элемента, почти совпадающаго со временемъ арабскаго вліянія, но самымъ яркимъ по выраженности и продолжительности было византійское, начавшееся приблизительно съ X-го в. и принесшее съ собой мѣстному населенію христіанство.

Сопоставляя вмѣстѣ весь богатѣйший матеріалъ, доставляемый городищами и могильниками послѣднихъ вѣковъ язычества и начала христіанскаго періода, мы можемъ придти къ слѣдующимъ выводамъ относительно быта, формъ труда и степени культурнаго развитія обитателей Средняго Приднѣпровья въ славянскую эпоху.

Такъ, характеръ могильниковъ этого періода многочисленныя городища съ остатками жилищъ, представляющія собой намѣренно сооруженные укрѣпленія, несомнѣнно говорять объ осѣдломъ образѣ жизни мѣстнаго населенія.

Разнообразный инвентарь древнихъ памятниковъ описываемой эпохи свидѣтельствуетъ о томъ, что мѣстные обитатели хорошо знали различныя отрасли производства. Деревянныя жилища и другія хозяйственныя сооруженія говорятъ за близкое знакомство нашихъ предковъ славянской эпохи съ плотничіемъ и столярнымъ ремесломъ; для чего имѣлись всѣ необходимые инструменты.

Судя по численности находокъ, наиболѣе распространеннымъ видомъ производства было гончарное ремесло, достигшее извѣстнаго совершенства. Керамическая издѣлія такъ наз. типа городищъ весьма характерны для своего времени не только по

Формамъ и типичному орнаменту, но и по особому подбору и приготовленію материала, бравшагося для ихъ выдѣлки. Правда, при сравненіи болѣе древнихъ глиняныхъ сосудовъ (VII—IX вв.) съ болѣе поздними (XI—XII вв.) можно замѣтить нѣкоторую разницу, напр., въ орнаментѣ и обработкѣ глины—болѣе древніе сосуды, хотя сдѣланы также на кругѣ какъ и болѣе поздніе, но грубѣе ихъ и часто бывають украшены весьма примитивнымъ орнаментомъ, встрѣчавшимся въ нашемъ kraѣ на сосудахъ болѣе древнихъ эпохъ, но эта разница на столько мало ощущительна, что легко ускользаетъ при общемъ обзорѣ керамики всей описываемой эпохи.

Нѣсколько позже горнкообразныхъ сосудовъ, распространенныхъ среди керамики типа городищъ, появляются сосуды кievского типа, украшенные двумя заостренными вверху ушками съ незначительнымъ отверстиемъ въ нихъ. Кромѣ этихъ сосудовъ въ жилищахъ описываемаго времени встрѣчаются небольшіе глиняные чернички съ сильно вытянутой ручкой, разнообразной формы кружки, бочонкообразные и другого вида сосуды, украшенные преимущественно волнистымъ орнаментомъ, кружочками черточками, ямками, орнаментомъ въ видѣ запятыхъ, одной или цѣльныи рядомъ параллельныхъ линій, опоясывающихъ сосудъ. Начиная съ X-го в. на сосудахъ встрѣчается разноцвѣтная полива, а нѣсколько позже и роспись.

Изъ числа керамическихъ издѣлій иного характера въ жилищахъ очень часто попадаются—глиняные свѣтильники, всевозможныи игрушки, прядлицы и др. глиняныи издѣлія.

Не менѣе распространенной отраслью производства въ славянскую эпоху было также и кузнечное и слесарное ремесло на что указываетъ не только множество подѣлокъ изъ желѣза, но и находки отдѣльныхъ мѣстъ, покрытыхъ оставшимся отъ производства желѣзнымъ шлакомъ.

Обнаруженные раскопками остатки мастерскихъ съ разнообразными горнами, глиняными тигольками, служившими для плавленія благородныхъ металловъ, каменные формочки для отливки всевозможныхъ металлическихъ предметовъ, штампы для изготавленія украшений и, наконецъ, самыя украшения указываютъ на то, что у Средне—Приднѣпровскихъ обитателей описываемой эпохи не было недостатка въ лицахъ знакомыхъ съ производствомъ предметовъ роскоши, удовлетворявшихъ потребностямъ вкуса мѣстнаго населенія.

Обработка кости занимала далеко не последнее место среди различных отраслей производства, известных Средне-Приднепровскому населению данной эпохи, на что указывают находки костяных подблоков и существование специальных мастерских, открытых при раскопках въ усадьбе М. М. Петровского.

Наконецъ, наши предки славянской эпохи знали также и ткацкое и кожевенное ремесла, на это указываютъ многочисленныя находки остатковъ холщевой и шерстяной одежи и кожаной обуви, встречающихся въ жилищахъ и погребеніяхъ того времени.

Итакъ, мы видѣли, что обитатели Средняго—Приднепровья Славянской эпохи знали многія отрасли производства, но ремесла не составляли главной формы труда мѣстного населенія—первенствующая роль принадлежала всетаки земледѣлію и скотоводству. Это подтверждается весьма частыми находками различныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій—желѣзныхъ наральниковъ, мотыкъ, серновъ, косъ и др. орудій, находимыхъ въ городищахъ и могильникахъ этого времени, а также и находками огромнаго количества зеренъ хлѣбныхъ злаковъ, нерѣдко хранившихся въ особыхъ помѣщеніяхъ. Въ жилищахъ, какъ обнаружило изслѣдованіе древнихъ построекъ, уничтоженныхъ пожаромъ, въ отдѣленіи сосѣднемъ съ жилымъ помѣщеніемъ нерѣдко оказывались цѣлые слои поджаренныхъ хлѣбныхъ зеренъ—пшеницы, ячменя, ржи и проса; иногда они находились въ деревянныхъ обгорѣвшихъ кадкахъ или бочкахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., въ Шарковскомъ (Шаргородскомъ) городицѣ хлѣбная зерна были обнаружены въ специальныхъ зернохранилищахъ, устроенныхъ въ отдѣленіи находившемся пососѣдству съ жилымъ помѣщеніемъ. Зернохранилища эти представляли собой круглую выкопанную въ желтой материковой глини яму со сводчатымъ верхомъ, въ которомъ находилось отверстіе; стѣнки такой ямы были до красна обожжены.

О томъ насколько было распространено у Средне-Приднепровскихъ обитателей скотоводство живо свидѣтельствуетъ то безчисленное количество костей, зубовъ и роговъ домашнихъ животныхъ, которыми изобилуетъ культурный слой славянскихъ городищъ.

Частыя-же находки въ городищахъ и жилищахъ данного периода костей дикихъ животныхъ и цѣлые слои рыбьихъ костей и чешуи, а также всевозможныхъ рыболовныхъ принадлежностей—крючковъ, трезубцевъ, грузиль и т. д. указываютъ на

то, что охота и рыболовство были хорошо известны местному населению Средняго—Приднѣпровья.

Всѣ приведенные выше формы труда, известные обитателямъ Средняго—Приднѣпровья славянской эпохи, играли важную роль въ экономической жизни этой области—онъ не только способствовали культурному росту местного населения, но и порождали живыя торговыя сношения съ иностранцами, давая возможность избытокъ продуктовъ местного труда обращать въ предметъ вывоза.

Раскопки въ усадьбѣ М. М. Петровскаго въ Кіевѣ.

Усадьба М. М. Петровскаго, въ которой въ 1907—8 г.г. производились раскопки, занимаетъ съверо-западный уголъ древняго Кіева эпохи первыхъ Кіевскихъ князей.

Въ настоящее время усадьба эта находится на углу Владимиrской ул. и Андреевской спуска; съ юго-запада она граничитъ съ усадьбой Десятинной церкви, съ запада по направлению къ Десятинному переулку съ усадьбой г. Слюсаревскаго, съверную-же границу ея образуетъ обрывъ, надъ которымъ до нашихъ дней сохранился небольшой отрѣзокъ вала, иѣогда окружавшаго древній Кіевъ.

Все усадебное мѣсто за исключенiemъ его передней части, выходящей на Андреевской спускъ, отчасти занято хозяйственными постройками, отчасти-же находится подъ фруктовымъ садомъ и цвѣтникомъ, а мѣстами покрыто деревьями и кустами, образующими густыя аллеи, идущія вдоль разбитыхъ тамъ дорогъ.

Разрѣшеніе на производство раскопокъ въ этой усадьбѣ было получено отъ ея владѣльца М. М. Петровскаго подъ условіемъ, чтобы не причинять вреда растущимъ тамъ деревьямъ и другой растительности и при выемкѣ земли у границы усадьбы нѣсколько отступать отъ нея во избѣжаніе недоразумѣній съ сосѣдями.

Благодаря этимъ стѣснительнымъ условіямъ, съ которыми приходилось считаться на каждомъ шагу, осталось неизслѣдованнымъ значительное пространство этого въ высшей степени интереснаго въ археологическомъ отношеніи мѣста.

Какъ было уже известно раньше и еще подтвердилось раскопками, мѣсто, занимаемое упомянутой усадьбой, подвергалось

до этого разновременнымъ раскопкамъ, производившимся ея прежними владѣльцами.

Такъ, въ 30-хъ годахъ XIX ст. самую обширную раскопку ~~здесь~~ произвѣлъ Аниенковъ; онъ придерживался главнымъ образомъ территории, окружающей усадьбу современной Десятинной церкви; судьба выкопанныхъ имъ при этомъ очень цѣнныхъ предметовъ, впослѣдствіи перевезенныхъ въ Дымный Хуторъ Лубенского у. Полтавской губ., была очень печальна: изъ нихъ только 5—6 золотыхъ эмальерованныхъ образковъ случайно попали къ извѣстному собирателю эмалей покойному Звенигородскому, остальные предметы—золотые бляшки, образки, колты и др. предметы, украшенные эмалью, по незнанію были отданы дѣтямъ и ими растеряны, а нѣсколько серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ проданы золотыхъ дѣлъ мастеру, переплавившему ихъ на новыя издѣлія.

Другой владѣлецъ указанной усадьбы извѣстный путешест-
веникъ по Святымъ мѣстамъ А. Н. Муравьевъ при своихъ рас-
копкахъ ~~придерживался~~ мѣсть, примыкающихъ къ валу, быв-
шихъ до того времени нетронутыми. При этомъ, какъ показали
послѣднія ~~изслѣдованія~~ изслѣдований этой части усадьбы, было уничтожено
значительное количество древнихъ погребений.

Наконецъ, около 20-ти лѣтъ тому назадъ предшествующій владѣлецъ этой усадьбы, отыскивая будто-бы зарытый въ ней кладъ, сравнялъ съ землей на протяженіи 80—100 м. древній валъ, при чёмъ земляная насыпь этого вала частью была сброшена въ глубокій яръ, окружающей усадьбу, частью употреблена на подсыпку и планировку сада. Несмотря на все это послѣднія раскопки, произведенныя съ разрѣшеніемъ теперешняго владѣльца этой усадьбы М. М. Петровскаго, дали богатый матеріалъ, имѣющій не только глубокій интересъ для науки вообще, но и въ частности нѣсколько проясняющей туманное прошлое нашего Киева.

Раскопки эти обнаружили нѣсколько культурныхъ наслоеній, изъ которыхъ древнійшія относятся къ неолиту, а позднійшія къ велиокняжескому періоду.

Разсмотримъ ихъ въ хронологическомъ порядке.

Самыми древними памятниками, открытыми въ усадьбѣ М. М. Петровскаго, являются остатки нѣсколькихъ неолитическихъ землянокъ, изъ которыхъ лучшей сохранностью отличалась землянка, расположенная въ сѣверо-западной сторонѣ этой усадьбы. Землянка эта состояла изъ четырехугольного углубленія

(30 стм. глубины), занимающего пространство въ 4, 3×3 м., съ трехъ сторонъ окруженнаго рядомъ обгорѣвшихъ деревянныхъ кольевъ, представляющихъ собой остатки стѣнъ. Внутри углубленія находилась вырытая въ желтой материковой глине яма, имѣвшая въ длину 2,8 м., въ ширину 1,6 м. и въ глубину 0,75 м., до половины наполненная плотно слежавшимися кухонными отбросами, состоявшими по большей части изъ двустворчатыхъ раковинъ, костей разныхъ животныхъ и рыбьей чешуи, а также и большимъ количествомъ древнихъ черепковъ глиняныхъ сосудовъ.

Между этимъ соромъ у боковыхъ стѣнъ ямы на разныхъ горизонтахъ были открыты 3 очага круглой формы; вылѣпленные изъ толстаго слоя впослѣдствіи обожжённой глины, въ диаметрѣ имѣющіе 0,7, 0,75 и 0,9 м. Здѣсь же было найдено—2 торника, выдѣланные изъ рога лося, и нѣсколько обломковъ роговъ оленя и лося.

Кромѣ упомянутыхъ землянокъ изъ предметовъ, также относящихся къ Трипольской культурѣ, въ различныхъ мѣстахъ этой усадьбы было найдено нѣсколько фрагментовъ глиняныхъ статuetокъ и черепковъ глиняныхъ расписныхъ сосудовъ.

Къ послѣдующимъ эпохамъ надо отнести—погребеніе съ сожженiemъ съ 5-ю глиняными сосудами, изъ которыхъ больший былъ наполненъ остатками сожженаго праха покойника. Погребеніе это относится къ эпохѣ бронзоваго вѣка. Затѣмъ на различной глубинѣ въ разныхъ мѣстахъ усадьбы были найдены фрагменты сосудовъ и часть орнаментированной миски, характерные для болѣе древняго періода скійской эпохи. Найденный тамъ же небольшой глиняный сосудъ съ лоснящейся поверхностью оказался вполнѣ сходнымъ съ погребальными сосудами ла-тэнского типа могильниковъ (сожженіе) с. Зарубинцы Киевскаго у., м. Межирѣчье Черкасскаго у. и м. Ржищева Киевскаго у. Киевской губ.

Кромѣ перечисленныхъ предметовъ разныхъ эпохъ въ усадьбѣ М. М. Петровскаго была найдена и поврежденная бронзовая фибула римскаго провинціального типа.

Приведенные выше находки указываютъ на смѣнну многихъ поколѣній, разновременно населявшихъ данную территорію, но всѣ они слишкомъ малочисленны сравнительно съ тѣмъ количествомъ болѣе позднихъ памятниковъ, открытыхъ здѣсь и относящихся къ славянской эпохѣ, особенно къ великокняжескому времени.

Важнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе: остатки различныхъ сооруженій, многочисленныя погребенія и предметы, сопровождавшие ихъ.

Среди остатковъ различныхъ сооруженій, повидимому, самыми древними являются остатки каменного фундамента какого-то загадочного сооруженія. Фундаментъ этотъ состоялъ изъ различныхъ по величинѣ камней сѣраго песчаника, принимавшихъ иногда причудливыя очертанія, а иногда имѣвшихъ сквозные отверстія.

Камни эти были сложены на глину, образуя эллиптическую фигуру (4,2 м. въ длину и 3,5 м. въ ширину), имѣвшую съ 4-хъ сторонъ по одному четырехугольному выступу (0,7—0,8 м. въ длину), которые были обращены по странамъ свѣта. Вокругъ сооруженія находился мѣстами хорошо уцѣлѣвшій полъ, вытѣненный изъ толстаго слоя бѣловатой глины съ тщательно сглаженной поверхностью. Съ западной стороны этого фундамента быть обнаруженъ массивный столбъ, въ которомъ слои сильно обожженной глины чередовались съ прослойками золы и угля; вокругъ него находилось большое количество костей и череповъ животныхъ главнымъ образомъ домашнихъ.

Совокупность всѣхъ данныхъ, добытыхъ при раскопкахъ этого фундамента, позволяетъ отнести время постройки бывшаго здѣсь сооруженія къ языческому періоду и указываетъ на ритуальный характеръ его. Весьма вѣроятно, что остатки эти принадлежать славянскому языческому камишу, а столбъ представлять собой жертвеникъ, на которомъ въ теченіи продолжительнаго времени совершились жертвоприношенія, на что указываютъ многочисленныя кости животныхъ и слои глины, чередующіеся съ прослойками золы и угля. Послѣднѣе можно объяснить тѣмъ что временами жертвеникъ выравнивался и на него накладывался новый слой глины, почему въ концѣ концовъ и образовался высокій массивный столбъ.

Не лишень интереса также памятникъ, представляющій собой часть каменного фундамента обширной гражданской постройки нѣсколько болѣе позднаго времени. Къ сожалѣнію, какъ обнаружили раскопки, отъ этого зданія сохранился только небольшой отрѣзокъ. Именно—часть фундамента царской западной стѣны, граничащаго съ усадьбой Десятинной церкви, можно было прослѣдить на протяженіи 21-го м.; фундаменты—же 3-хъ попеченныхъ стѣнъ, примыкавшихъ къ наружной, сохранились

только на протяжениі 5—10 м., остальныя ихъ части были разновременно срѣзаны при съемкѣ земли въ этомъ мѣстѣ.

Изслѣдованіе этихъ фундаментовъ обнаружило, что они уцѣлѣли только мѣстами, гдѣ стѣны ихъ имѣли отъ 0,2—1 м. глубины, а въ одномъ изъ поперечныхъ фундаментовъ и—2 м., въ остальныхъ мѣстахъ они оказались совершенно разобранными, при чёмъ здѣсь сохранилась лишь подстилка подъ фундаменты въ видѣ непронутаго слоя известковой массы съ отпечатками дерева. Мало того, фундаменты эти оказались прорѣзанными ниже ихъ основы мѣстами одной, а мѣстами двумя широкими траншеями, проложенными здѣсь въ свое время Апненковымъ.

Зданіе это, повидимому, состояло изъ двухъ этажей, изъ которыхъ нижній—подвальный этажъ былъ сооруженъ исключительно изъ краснаго кварцита, доставлявшагося съ Волыни, и скрѣпленаго известковой массой, а стѣны верхняго этажа, начиная отъ уровня земли, были сложены изъ тонкаго кирпича особой формы, ряды котораго чередовались съ толстыми слоями цемянки, т. е. растворомъ извести, смѣшанной съ толченымъ кирничемъ и каменками, и съ рядами краснаго мелко-зернистаго песчаника.

О вѣнчинѣ убранствѣ этого зданія можно судить по составу строительного мусора, прикрывавшаго собой его фундаменты; здѣсь было найдено множество фрагментовъ тонкихъ кирпичныхъ плитокъ со сконченными боковыми стѣнками и лицевой стороной, носящіей на себѣ слѣды краски свѣтло-коричневаго цвѣта, куски карнизовъ, плитъ и большія части дверныхъ наличниковъ, выдѣланные изъ мрамора, краснаго шифера и другихъ породъ камня. Все это служило какъ облицовкой, такъ и украшеніемъ наружныхъ стѣнъ: Внутреннее убранство стѣнъ составляли фресковая роспись и мозаичныя украшенія, что вполнѣ подтверждается находкой среди строительного мусора кусковъ фресковой росписи и разноцвѣтныхъ мозаичныхъ камешковъ.

Имѣя въ виду, что на цементномъ полу подвального этажа мѣстами сплошнымъ слоемъ лежали обгорѣвшія бревна и доски, можно предположить, что потолокъ и полъ этого зданія были деревянные, хотя и весьма возможно, что полъ, напр., въ коридорѣ или въ другомъ мѣстѣ верхняго этажа, могъ быть выложенъ и каменными плитками, такъ какъ нѣсколько такихъ плитокъ было найдено въ строительномъ мусорѣ.

Вообще это зданіе было выстроено прочно и, повидимому, богато разукрашено.

Даже наличники наружныхъ боковыхъ дверей, найденные у съверной стѣны зданія, были составлены изъ отдельныхъ частей, выдѣланныхъ изъ краснаго шифера. Части эти, расположенные одна на другой, скрѣплялись короткими толстыми желѣзными стержнями, которые заходили въ углубленія, высѣченныя въ соприкасающихся поверхностяхъ упомянутыхъ частей наличниковъ; для большей устойчивости углубленія эти заливались свинцомъ.

Окна состояли изъ опредѣленного числа (соответствующаго величинѣ оконъ) небольшихъ отлитыхъ стеколь круглой формы, фрагменты и цѣлыя стекла были найдены въ слоѣ упомянутаго выше строительного мусора.

Матеріаль и пріемы строительной техники говорять о томъ, что главная часть этого зданія была выстроена гораздо раньше древней Десятинной церкви, нѣкоторыи же пристройки къ этому зданію или обновленіе его могло быть сдѣлано при великому князѣ Владіміре; на это указываетъ также и найденная у съверной стѣнки фундамента глиняная плитка съ рельефнымъ изображеніемъ, вполнѣ сходнымъ съ геральдическимъ знакомъ встрѣчающимся на монетахъ Владіміра Святого.

И такъ какъ всѣ имѣющіяся данныя указываютъ на гражданскій характеръ этого богатаго зданія, то вполнѣ допустимо признать его древнимъ княжескимъ дворцомъ времени Ольги—Владіміра.

Предположеніе это подтверждается слѣдующими фактами и соображеніями:

1) Неприступностью и доминирующими положеніемъ мѣстности, на которой находилось это зданіе (43 саж. надъ уровнемъ р. Днѣпра).

2) Расположеніемъ и планомъ описанной постройки, которые исключаютъ всякую мысль о томъ, что это зданіе могло быть церковью.

3) Древностью и своеобразнымъ характеромъ постройки, а также и богатствомъ и качествомъ строительного матеріала.

4) Находкой въ развалинахъ этого зданія глиняной плитки съ изображеніемъ знака, встрѣчающагося на монетахъ Владіміра Святого.

5) Лѣтописнымъ указаніемъ на то, что за Десятинной церковью стояли двѣ статуи и четыре бронзовыя коня, привезенные Владіміромъ изъ Корсуни: „Взяша же, идя, мѣдянѣ двѣ капищи и 4 конѣ мѣдяны иже и нынѣ стоять за Св. Богородицею“, т. е.

по всей въроятности, Владіміръ украсилъ ими мѣсто, находившееся между упомянутымъ зданіемъ и древней Десятинной церковью. (Ко времени этого лѣтописнаго указанія само зданіе уже не существовало) и, наконецъ,

6) Непосредственной близостью этого зданія къ древней Десятинной церкви, бывшей придворной церковью.

Какая-же судьба постигла это зданіе?

Обнаруженныя раскопкой части обгорѣвшихъ досокъ и бревенъ, законченные и поврежденные огнемъ куски штукатурки съ фресковой росписью и части расплавленныхъ оконныхъ стеколъ живо свидѣтельствуютъ о томъ, что зданіе это было уничтожено пожаромъ. Есть основаніе предполагать, что пожаръ этотъ произошелъ вскорѣ послѣ смерти Владіміра Святого, т. е. въ 1017 г., когда, какъ извѣстно, сгорѣла значительная часть Кіева и сильно пострадала Десятинная церковь. Возможно, что послѣ этой катастрофы годный строительный материалъ бытъ выбранъ, а все остальное засыпано и сравнено съ землей.

Повидимому, не менѣе важное значеніе имѣютъ остатки другого богатаго сооруженія, относящагося къ нѣсколько болѣе позднему времени, открытые въ западномъ углу усадьбы (при выходѣ изъ нея). Здѣсь были обнаружены фундаменты какой-то гражданской постройки, прикрыты сверху двумя сплошными повалившимися одинъ на другой слоями штукатурки, обрушившейся вмѣстѣ со стѣнами зданія. Лицевая сторона этой штукатурки оказалась украшенной богатой фресковой росписью. Принимая во вниманіе даннаго лѣтописи, можно предположить, что остатки эти принадлежать дворцу кіевскаго князя Мстислава Изяславовича.

Затѣмъ безспорно весьма цѣнныи въ научномъ отношеніи материалъ представляютъ собой остатки цѣлаго ряда древнихъ мастерскихъ, открытые въ той-же западной части усадьбы М. М. Петровскаго.

Они служатъ нагляднымъ показателемъ не только того, что Кіеву великокняжескаго времени были извѣстны всевозможныи отрасли производства, но и того также, что онъ имѣлъ особыи классъ ремесленниковъ, занимавшихъ выдѣлкой различныхъ издѣлій, часто въ высшей степени художественныхъ.

Остановимся теперь на описаніи этихъ интересныхъ памятниковъ. Одна изъ упомянутыхъ выше мастерскихъ, служила для выдѣлки всевозможныхъ издѣлій изъ камня—здѣсь выдѣльвались мраморные, шиферные, гранитные и изготовленные изъ

другихъ породъ камня карнизы, плиты и т. д., иногда украшенные орнаментомъ. Весьма вѣроятно, что мастерская эта была основана во время постройки Десятинной церкви и въ ней изготавливались преимущественно украшения для этого храма. Это подтверждается, какъ показали изслѣдованія, производившіяся на мѣстѣ древней Десятинной церкви, полнымъ сходствомъ не только породъ камня, употребленного на украшение этого храма, но и самымъ характеромъ обработки его, съ тѣми законченными и только начатыми издѣліями, которыя были открыты въ описанной мастерской.

Въ другой мастерской изготавливались превосходные изразцы, покрытые толстымъ слоемъ плотной массы въ видѣ эмалевой поливы. Вмѣстѣ съ этими издѣліями были также найдены и куски разноцвѣтной эмалевой массы и особаго вида глиняные тигольки, въ которыхъ ее расплавляли. Тигольки были изготовлены изъ огнеупорной глины и нѣкоторые изъ нихъ состояли изъ 2-хъ частей, въ которыхъ одновременно расплавлялась эмалевая масса разныхъ цвѣтовъ.

Заслуживаетъ особаго вниманія то обстоятельство, что наведеніе эмалевой массы на древнихъ изразцахъ производилось совершенно иначе, чѣмъ это практикуется въ наше время при изготовлѣніи поливенныхъ издѣлій. Современные мастера наносятъ на предметъ поливу въ видѣ разжиженаго порошка и уже на немъ расплавляютъ ее въ специальнѣ для этого приспособленныхъ печахъ. Способъ производства древнихъ изразцовъ былъ иной—здѣсь эмалевая масса расплавлялась въ тиголькахъ, затѣмъ ею поливались опредѣленныя мѣста на приготовленныхъ изъ огнеупорной глины плиткахъ. Этотъ своеобразный приемъ въ тѣхникѣ изготовлѣнія изразцевъ былъ болѣе труденъ, но примѣненіе его имѣло то преимущество, что имъ достигалась не только необыкновенная прочность эмалевой поливы, но и особенная красота и сочность красокъ.

Мы будемъ имѣть случай еще разъ вернуться къ этому вопросу при описаніи Бѣлгородскихъ раскопокъ, гдѣ болѣе подробно разсмотримъ техническіе приемы, примѣнявшіеся въ этой отрасли производства.

Изразцы, сходные съ обнаруженными въ описанной мастерской, были найдены при раскопкѣ мѣста, на которомъ находился предполагаемый дворецъ времени Ольги—Владимира, затѣмъ при раскопкѣ фундамента древней Десятинной церкви и, нако-

нець, они сохранились въ небольшомъ количествѣ въ алтарной стѣнѣ Кіевскаго Софіевскаго собора; кромѣ Кіева за исключеніемъ нѣсколькихъ фрагментовъ, найденныхъ въ с. Бѣлгородкѣ Кіевской губ., отмѣченный видъ эмалевыхъ изразцовъ до сихъ поръ еще нигдѣ не встрѣчался. Въ виду этого можно предположить, что упомянутые изразцы выдѣливались единственно въ описанной мастерской и такъ какъ изразцы этого вида совершенно не встречаются позже времени сооруженія Кіевскаго Софіевскаго собора, а мастерская была уничтожена пожаромъ, то, вполнѣ возможно, что эта мастерская просуществовала только время княженія Владимира Святого и Ярослава Мудраго.

Не менѣе интересными являются остатки мастерскихъ ювелирныхъ издѣлій и дорогихъ предметовъ эмальерного производства. Здѣсь были обнаружены уцѣлѣвшіе горны и печи специального устройства, а также каменные формочки, служившія для отливки колтовъ, кольца, браслетовъ, металлическихъ бусъ, складныхъ крестовъ и т. д., штампы для выбиванія орнамента на металлическихъ украшеніяхъ и множество кусковъ разноцвѣтной эмали двухъ видовъ—легковѣсной и тяжеловѣсной.

Такія-же каменные формочки съ изображеніями грифоновъ, птицъ и другого рода орнамента и также найденные вмѣстѣ съ ними куски эмалевой массы были открыты въ 1894 г. въ остаткахъ древней мастерской въ Кіевѣ на Флоровской горѣ.

Далѣе въ остаткахъ другой обширной мастерской съ цѣльнымъ рядомъ глиняныхъ горновъ и печей особаго устройства было найдено большое количество сломанныхъ, поврежденныхъ огнемъ и отчасти расплавленныхъ стеклянныхъ браслетовъ и такихъ-же кольца, большиіе куски расплавленной и въ такомъ видѣ застывшей разноцвѣтной эмалевой массы, а также и штампы, съ отдельной бронзовой пластинкой съ прорѣзаннымъ изображеніемъ двухъ птицъ, очевидно, служившій для выдѣлки колтовъ.

Эти остатки свидѣтельствуютъ о существованіи въ Кіевѣ великокняжескаго времени специальной мастерской стеклянныхъ браслетовъ и кольца, въ которой изготавливались также и эмалевые издѣлія.

Наконецъ, остается еще указать на остатки двухъ мастерскихъ, въ которыхъ выдѣливались различные предметы изъ кости и рога—рукоятки и ручки къ мечамъ и ножамъ, гребешки, пуговки, уховертки, шпильки, всевозможныя игрушки и др. костяные и роговые издѣлія.

Собранный здѣсь матеріа́ль позволяет возстановить весь процессъ производства. Мы видимъ послѣдовательные фазы обработки кости и рога, напр., можно прослѣдить постепенную обработку пуговокъ и застежекъ, начиная отъ первичной стадіи и кончая полной издѣлкой.

Обнаруженія этихъ двухъ мастерскихъ интересно въ томъ отношеніи, что указываетъ на существованіе въ древнемъ Кieвѣ мѣстнаго, такъ сказать народнаго, производства, потому что изгото́вленіе предметовъ изъ кости и рога, какъ упоминалось уже и раньше, было съ самой глубокой древности излюбленнымъ ремесломъ мѣстнаго Средне-Приднѣпровскаго населенія.

Къ продуктамъ мѣстнаго же производства относятся также и керамическія издѣлія, обнаруженныя въ остаткахъ жилищъ, открытыхъ въ усадьбѣ М. М. Петровскаго. Большую часть этихъ керамическихъ издѣлій составляютъ глиняные сосуды разной величины и формы, сдѣланные на кругѣ и въ большинствѣ случаевъ украшенныя ниже вѣнчика разновиднымъ орнаментомъ, типичнымъ для славянской эпохи. Значительно рѣже встрѣчаются сосуды съ росписнымъ орнаментомъ, произведеннымъ краской коричневаго или красноватаго цвѣта и еще рѣже сосуды, украшенныя поливой. За большинствомъ послѣднихъ сосудовъ слѣдуетъ признать мѣстное происхожденіе, на что указываетъ глина, изъ которой они были вытѣплены, значительное же меньшинство поливенныхъ сосудовъ, судя по матеріалу и характеру орнамента, было доставлено изъ Херсонеса. Необходимо замѣтить, что сосуды поливенные и росписные мѣстнаго происхождѣнія относятся къ болѣе позднему времени, вѣроятнѣе всего не ранье конца XI в. по Р. Х., между тѣмъ какъ привозные древнѣе X-XI вв.

Стеклянные сосуды, въ видѣ небольшихъ флакончиковъ, встрѣчаются не только при раскопкахъ въ усадьбѣ М. М. Петровскаго, но и въ другихъ мѣстахъ Кieва, обыкновенно при языческихъ погребеніяхъ VIII-X вв.; къ сожалѣнію, ихъ стѣнки настолько тонки и хрупки, что при малѣйшемъ прикосновеніи сосуды эти распадаются на мелкія части. Такого-же рода стеклянные сосуды, иногда со слѣдами росписи, но всегда уже въ разбитомъ видѣ, попадаются въ остаткахъ жилищъ X-XII вв. Несомнѣнно, что всѣ эти издѣлія были привозными. Только въ болѣе позднее время, можетъ быть не ранье конца XII-го в., появляются стеклянные предметы болѣе грубой выдѣлки, которые могли быть и мѣстнаго происхождѣнія.

Первое мѣсто среди предметовъ домашняго обихода, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ усадьбы М. М. Петровскаго, занимаютъ желѣзные ножи съ костяными ручками, украшенными орнаментомъ изъ волнистыхъ линий или концентрическихъ круговъ. Второе мѣсто по численности находокъ принадлежитъ желѣзнымъ ключамъ и разнообразнымъ по формѣ и величинѣ желѣзнымъ-же замкамъ, иногда украшеннымъ разными вставками въ видѣ мѣдныхъ пластинокъ или мѣдныхъ разнообразно изогнутыхъ проволокъ. Къ желѣзнымъ предметамъ другого рода, найденнымъ едѣсь-же, принадлежать слѣдующіе: топоры, молотки, долота, ножницы и проч., а находки иѣсколькихъ желѣзныхъ серповъ и лемеховъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что часть городскаго населенія занималась огородничествомъ и земледѣльемъ. На это указываютъ также не только многочисленныя находки каменныхъ мельничныхъ жернововъ съ очень шероховатой поверхностью, но и цѣлые слои поджаренныхъ зеренъ пшеницы, ржи, ячменя и проса, находимыхъ при описываемыхъ раскопкахъ въ остаткахъ деревянныхъ построекъ, уничтоженныхыхъ пожаромъ.

Постройки эти возводились въ четырехугольномъ углубленіи, доведенномъ до желтой материковой глины, служившей поломъ жилыхъ помѣщений и помѣщений иного назначенія. Судя по остаткамъ, жилища эти сооружались изъ сосноваго материала, стѣны ихъ, иѣсколько возвышавшіяся надъ поверхностью земли, были сложены изъ толстыхъ бревенъ, но особенной прочностью отличались подвалины, представлявшія собой основу стѣнъ и всегда заложенные въ намѣренно вырытой для этой цѣли канавкѣ. Внутреннія стѣнки, служившія перегородками, были сложены или изъ ряда стоймя поставленныхъ брусьевъ или изъ бревенъ горизонтально положенныхъ одно на другомъ, иногда обтесанныхъ съ обѣихъ сторонъ, или-же изъ досокъ разной толщины. Постройки эти имѣли форму правильнаго продолговатаго четырехугольника, но иногда въ одномъ концѣ ихъ находилась пристройка въ видѣ бокового выступа, представляющая собой родъ сѣнѣцъ.

Въ одномъ изъ внутреннихъ помѣщений этихъ жилищъ находилась печь, устроенная или при посредствѣ деревянныхъ столбовъ или-же состоявшая изъ деревянныхъ стѣнокъ, обмазанныхъ съ обѣихъ сторонъ толстымъ слоемъ глины; снаружи такая печь была тщательно слажена и часто расписана двухъ—трехцвѣтнымъ узоромъ. На иѣкоторомъ разстояніи отъ печи, въ сторонѣ отъ нея, обыкновенно находится круглая котлообразная яма, выкопанная въ полу, т. е. въ желтой материковой глине;

иногда стѣнки такой ямы бывають обмазаны бѣловатой весьма компактной глиной и тщательно слажены. Ямы эти, глубина которыхъ доходитъ до 1—1,5 м., въ большинствѣ случаевъ бываютъ наполнены всякими отбросами—костями животныхъ, рыбьей чешуей, черепками глиняныхъ сосудовъ, золой, углемъ и т. д.; только въ двухъ случаяхъ они оказались наполненными почти до самыхъ краевъ бѣлымъ пескомъ. Точно определить ихъ назначеніе довольно трудно, повидимому, они иногда служили сорными ямами, иногда же въ нихъ сохранялся песокъ, которымъ, весьма возможно, въ случаѣ надобности, напр., въ сырую погоду присыпался глиняный поль. Какъ упоминалось выше, при раскопкахъ въ усадьбѣ М. М. Петровскаго часто попадались разновременные погребенія; изъ нихъ наибольшее число погребеній, принадлежавшихъ къ болѣе позднему времени, было открыто въ сѣверо-западной части упомянутой усадьбы, гдѣ они образовали обширное кладбище. Погребенія эти указываютъ на то, что съ принятіемъ христіанства удерживается исключительно одинъ погребальный обрядъ съ положеніемъ покойника въ землю.

При раскопкахъ этого мѣста встрѣчались погребенія въ видѣ отдельныхъ площадокъ изъ обожженої глины со слаженной поверхностью, на которыхъ лежалъ человѣческий костякъ въ вытянутомъ положеніи, со сложенными на груди руками, обращенный головой на западъ, на груди или около шеи которого находился крестикъ. Такая площадка обыкновенно была окружена камнями или древними кирничками. Этотъ видъ христіанскихъ погребеній сохранилъ въ качествѣ пережитковъ следы погребального обряда съ сожженіемъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что христіанская погребенія, хотя и находятся на разной глубинѣ, но почти всегда встречаются въ культурныхъ наслойеніяхъ, тогда какъ языческая погребенія въ ямахъ бывають расположены исключительно въ чистой материковой глины.

Предметы, найденные при описанныхъ выше погребеніяхъ, состояли изъ различныхъ крестиковъ, иногда и складныхъ, перстней, височныхъ колецъ, серегъ, бубенчиковъ) разновидныхъ бусъ головныхъ повязокъ, обуви, частей одежды въ видѣ кусочковъ парчи или какой нибудь другой матеріи.

Интересной находкой является могила съ 12-ю покойниками, при которыхъ находились крестики, на костяхъ руки стеклянные браслеты и возлѣ которыхъ—2 желѣзныхъ серна и тоцпоръ съ отчасти сохранившейся деревянной ручкой. Въ западной

стѣнъ этой коллективной могилы въ материковой глине оказалась вырытой пещера, въ которой было похоронено еще 3 покойника; на днѣ этой пещеры находились складная иконка, каменная иконка съ серебрянымъ футляромъ и два перламутровыхъ крестика.

Большая братская могила была обнаружена въ той части усадьбы М. М. Петровского, которая примыкаетъ съ одной стороны къ Владимирской ул., а съ другой къ усадьбѣ Десятинной церкви, т. е. на томъ мѣстѣ, где были открыты древніе остатки предполагаемаго княжескаго дворца. Здѣсь было обнаружено огромное количество человѣческихъ костяковъ обоихъ половъ и разныхъ возрастовъ, начиная съ младенческаго. Нѣкоторые черепа были разбѣчены и разломаны; при нѣкоторыхъ покойникахъ у шеи оказались кресты, а на рукахъ нѣсколькихъ дѣтскихъ костяковъ были надѣты стеклянные браслеты. Надъ этой грудой костяковъ на небольшомъ разстояніи отъ поверхности земли лежалъ скелетъ татарина, характерный монгольский черепъ, кото-
рого оказался разбѣченнымъ боевымъ топоромъ. На днѣ братской могилы, подъ костяками, на остаткахъ древнихъ фундаментовъ нѣкогда стоявшаго здѣсь зданія, былъ обнаруженъ въ высшей степени интересный крестъ греческой работы; длина его въ продольномъ измѣреніи равняется 62 стм., въ поперечномъ - 40 стм., а длина части желѣзного стержня внизу креста - 10 стм. Крестъ покрытъ серебряной пластинкой и, какъ можно заключить по остаткамъ металлическихъ ячеекъ, былъ украшенъ по краямъ дорогими камнями и разноцвѣтной эмалью. На средней части креста находится медальонъ съ изображеніемъ святого и греческой надписью „Св.-Феодоръ“. По опредѣленію пр. Кондакова и другихъ специалистовъ въ области искусства крестъ этотъ относится къ X в. Лѣтопись передаетъ преданіе, по которому древняя Десятинная церковь была построена на мѣстѣ мученической кончины христіанина-варяга Феодора и его сына, поэтому невольно напрашивается вопросъ не былъ ли этотъ византійскій крестъ X в. съ изображеніемъ одноименного святого запрестольнымъ крестомъ придворной церкви великаго князя, насадившаго на Руси христіанство? Въ такомъ случаѣ онъ могъ быть современникомъ принятия Русью христіанства.

Весьма вѣроятно, что послѣдніе защитники Киева, сражаясь съ татарами возлѣ Десятинной церкви и боясь, чтобы почитаемая ими святыня не попала въ руки невѣрныхъ, положили этотъ цѣнный крестъ на дно могилы и прикрыли его тѣлами убитыхъ здѣсь гонновъ, женщины и дѣтей.

Раскопки въ с. Бѣлгородкѣ Киевскаго у.

Село Бѣлгородка находится въ 23-хъ верстахъ къ западу оть г. Киева и расположено на правомъ высокомъ берегу р. Ирпеня, возвышающемся на 40—45 м. надъ уровнемъ рѣки и изрѣзанномъ глубокими оврагами. Со всѣхъ сторонъ, кромѣ западной, примыкающей къ рѣкѣ, село это окружено высокимъ землянымъ валомъ, который мѣстами достигаетъ 10—12 м. высоты и окаймляетъ собою площадь въ 85 десятинъ.

Кромѣ того юго-западная часть этого села, занимающая немнога больше 10-и десятинъ (древній дѣтинецъ), окружена еще 2 мъ внутреннимъ валомъ, хорошо сохранившимся съ юго-восточной стороны и уничтоженнымъ съ сѣверо-востока, благодаря сползанию образовавшагося здѣсь оврага, въ которомъ проходитъ дорога въ м. Игнатовку и далѣе на западъ. Лишь незначительная часть вала сохранилась со стороны рѣки и то въ полуразрушенномъ видѣ.

Въ настоящее время все указанное пространство, окруженное какъ наружнымъ, такъ и внутреннимъ валомъ за исключениемъ мѣста, принадлежащаго церкви, застроено усадебными постройками и отведено подъ крестьянскіе огорода. Поэтому не удивительно, если производство раскопокъ, предпринятыхъ здѣсь съ разрѣшеніемъ Императорской Археологической Комиссии, вслѣдствіе отсутствія свободной земли, было сопряжено со значительными затрудненіями, а подчасъ и съ непріятными препятствіями. Но несмотря на всѣ эти неудобства, стѣнявшія иногда въ самыхъ интересныхъ мѣстахъ производство раскопокъ, изслѣдованіе этой мѣстности дало хорошие результаты.

Такъ, благодаря содѣйствію Императорскаго Военно-Историческаго Общества, было произведено изслѣдованіе наружнаго и

внутренняго Бѣлгородскаго вала, при чёмъ раскопки, вскрывшія валъ на протяженіи около 100 м., не только познакомили съ его въ высшей степени интересной конструкціей, но и дали возможность определить время его сооруженія.

Въ настоящее время высота указаннаго вала въ тѣхъ мѣстахъ, где онъ лучше сохранился, достигаетъ—съ наружной стороны, съ которой его окружаетъ широкій ровъ, 10-и—12-и м., а съ внутренней—6—7 м.

Теперь отмѣтимъ, что материалами для такого прочнаго и сложнаго по конструкціи укрѣпленія, какимъ быть Бѣлгородскій валъ, служили—необожженній кирпичъ, такъ наз. сырецъ, дерево и глина, а затѣмъ перейдемъ къ описанію его устройства.

Валъ былъ сооруженъ на древнемъ уровне земли, поверхность которой оказалась выровненной слоемъ желтой глины (0,2 м. толщины), подстилавшей валъ на всемъ его протяженіи. На этой подстилкѣ изъ желтой глины во всю длину вала была возведена продольная стѣна (4,05 м. высоты), сложенная изъ дубовыхъ брусьевъ имѣвшихъ 4,5 м. длины и 20—25 см. ширины. Къ этой продольной стѣнѣ со стороны городища (съ внутренней стороны вала) въ видѣ сруба (въ лапу) примыкали поперечныя стѣны (4,05 м. высоты), находившіяся на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой и сложенные изъ дубовыхъ брусьевъ одинаковыхъ по длине съ брусьями продольной стѣны.

Мѣста соединенія этихъ стѣнъ находились на разстояніи 50—70 см. отъ концовъ брусьевъ продольной стѣны, а концы поперечныхъ стѣнъ выдавались наружу на 40—50 см.

Получившееся между поперечными стѣнами пустое пространство было заполнено передующимися слоями глеистой глины разнаго вида, настолько хорошо утрамбованной, что она образовала крѣпкую компактную массу.

Болѣе сложнымъ устройствомъ отличалась противоположная наружная сторона вала. Здѣсь на слоѣ желтой глины, отступая на 2,5 м. отъ центральной продольной стѣны, параллельно ей были положены одинъ на другомъ два дубовыхъ лежня, соединенныхъ въ видѣ рамы съ продольной стѣной поперечными лежнями, мѣстамиложенными по два одинъ на другомъ. На эти лежни устанавливались вертикальныя стойки высотою въ 1 м., вверху перекрытыя продольными и поперечными брусьями. Надъ ними, отступая на 60 см. отъ продольнаго ряда стоекъ, были положены въ видѣ рамы горизонтальные брусья, служив-

шіе основой для 2-го яруса стоеckъ, также перекрытыхъ у верха горизонтальными брусьями. Наконецъ, 3-ій и последний ярусъ стоеckъ, установленный точно также какъ и два нижнихъ, примыкалъ къ продольной стѣнѣ, отступя отъ края нижележащаго яруса на 70 стм.

Такимъ образомъ получалось три яруса пустыхъ клѣтокъ; последній для большей прочности были соединены съ продольной стѣнной опорными брусьями, разставленными на некоторомъ разстояніи одинъ отъ другого. Клѣтки эти были заполнены необожженнымъ кирпичемъ, такъ наз. сырцомъ, длиною въ 40 стм., а шириной въ 25 стм. при толщинѣ въ 5—6 стм. Кирпичъ этотъ былъ положенъ на глинѣ специального приготовленія. Такъ получалось прочное сооруженіе въ видѣ массивной уступообразной стѣны. На самомъ нижнемъ уступѣ его, расположенному у рва, былъ укрѣпленъ рядъ наклонныхъ деревянныхъ стоеckъ, тянувшихся на всемъ протяженіи вала и заполненныхъ хворостомъ.

Стойки эти предохраняли валъ отъ возможныхъ сползывъ верхней части его склона.

Все это сложное сооруженіе было засыпано землей и сверху обложено дерномъ. На гребиѣ вала были поставлены частоколь изъ дубовыхъ кольевъ. На это указывали полуистлѣвшіе концы кольевъ, обнаруженные на гребиѣ вала.

Такая остроумная конструкція Бѣлогородскаго вала и удачно подобранный для этой цѣли матеріалъ, разумѣется, имѣли большія преимущества передъ простымъ устройствомъ валовъ, насыпанныхъ изъ одной земли, во 1-ыхъ, потому что сложное устройство внутри Бѣлогородскаго вала само—собой являлось уже внушительнымъ укрѣпленіемъ и во 2-хъ, это устройство позволяло не только увеличить высоту вала и крутизну его склоновъ, но также предохраняло его отъ всякаго случайного разрушенія.

О томъ кто и когда былъ строителемъ этого удивительного сооруженія вполнѣ точныхъ свѣдѣній не сохранилось. Лѣтопись указываетъ на то, что въ XI—XII в.в. Бѣлгородъ былъ сильно укрѣпленнымъ пунктомъ, такъ какъ черезъ него шла дорога изъ Киева на Волынь и Галицію, а, говоря о болѣе раннемъ времени, Ипатская лѣтопись подъ годомъ 992 отмѣчаетъ, что князь Владиміръ „заложи градъ Бѣль и наруби вонъ отъ инѣхъ градъ и много людии сведе въ онъ и бѣ бо любя городъ ось“. Вероятнѣе всего, что Владиміръ Святой только укрѣпилъ его

вышеописаннымъ валомъ, потому, что имъются лѣтописныя указанія, позволяющія пріурочить основаніе этого города къ болѣе раннему времени.

Сказанное подтверждается слѣдующими данными:

1) Полнымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было слѣдовъ другихъ укрѣплений великокняжескаго времени, кромъ вышеописанного вала.

2) Расположеніемъ этого вала, какъ показали раскопки, на древнемъ уровне земли, а не на остаткахъ предшествовавшаго ему укрѣпленія.

3) Характернымъ для великокняжескаго времени кирпичемъ, который быль употребленъ на внутреннее устройство вала.

4) Полнымъ сходствомъ въ устройствѣ внутренняго и наружнаго вала, окружавшаго дѣтинецъ и, наконецъ,

5) Полнымъ отсутствіемъ подъ остатками вала находокъ, которая можно было бы датировать временемъ позже X в.

И дѣйствительно, Бѣлгородъ великокняжескаго времени, какъ пограничный городъ Кіевской земли, не могъ не имѣть важнаго стратегическаго значенія и не могъ не служить серьезнымъ укрѣпленіемъ, защищавшимъ путь къ Кіеву, это вполнѣ понималъ Владіміръ Святой и этимъ отчасти объясняется особенная заботливость, которую онъ проявлялъ по отношенію къ Бѣлгороду, укрѣпивъ его и выстроивъ здѣсь, какъ отмѣчаетъ лѣтопись, дворецъ; здѣсь-же находилась епископская каѳедра. Вообще великокняжескій періодъ былъ временемъ полнаго расцвѣта древняго Бѣлгорода.

Съ его прошлымъ не только во времена расцвѣта, но и въ послѣдующіе періоды упадка, знакомять настъ раскопки, производившіяся въ теченіи послѣднихъ 3-хъ лѣтъ въ с. Бѣлгородѣ. До сихъ поръ изслѣдованія эти велись въ небольшихъ размѣрахъ и не выходили за предѣлы древняго дѣтина, на территоріи котораго нѣкогда сосредоточивались важнѣйшія зданія.

Первымъ изъ нихъ былъ обнаруженъ подъ кучей строительнаго мусора фундаментъ трехапсиднаго храма, западная часть котораго находилась въ огородѣ крестьянина Давиденко, а восточная—во дворѣ наслѣдниковъ Бернадскихъ. Къ сожалѣнію, открыть весь фундаментъ этой церкви не удалось, такъ какъ часть сѣверной стѣны ея скрывается подъ клуней, а фундаментъ средней апсиды прикрыть деревяннымъ сараемъ.

Какъ показали сохранившіяся части стѣнъ, храмъ этотъ былъ выстроенъ изъ кирпича (длиною въ 28-30 стм., шириной въ 18-20 стм. и толщиною—3-6 стм.), фундаментъ его до поверхности земли былъ сложенъ изъ кирпича, положенного на глину специального приготовленія, въ стѣнахъ-же ряды кирпичей чередовались съ толстыми слоями (5-6 стм.) известковой массы, смѣшанной съ толченымъ кирпичемъ. Мѣстами стѣны храма сохранились на 1 метръ высоты, мѣстами-же на 1,5 м., при чёмъ ширина ихъ была 1,7—1,8 м. Боковая сѣверная и южная стѣны съ вѣнцѣй стороны имѣли по 4 выступа (пилястры), а при соединеніи съ западной, имѣвшей двѣ пилястры, образовывали по угламъ сильно выдающіяся полукружія. Съ восточной стороны стѣны эти непосредственно соединялись съ тремя апсидами, изъ которыхъ средняя была больше боковыхъ. Стѣны апсидъ выдавались внутрь храма на 5 м. отъ мѣста ихъ соединенія. Внутри храмъ былъ раздѣленъ бѣю столбами, квадратными въ планѣ со стѣнами шириной въ 1,7—1,8 м. Кладка этихъ столбовъ имѣла ту особенность, что фундаменты ихъ, заложенные въ ямахъ квадратной формы, состояли изъ кирпича, положенного слоями песка (6 стм. толщины), смѣшанного съ известковыми камешками, самые-же столбы были построены также какъ и стѣны храма. Столбы эти размѣщались такимъ образомъ, что, находясь на одной линіи съ выступами стѣнъ апсидъ, были разставлены по три въ рядъ, отъ боковыхъ стѣнъ—южной и сѣверной они отстояли на разстояніи 3,2 м., отъ западной—на на 2 м., между собою были раздѣлены пространствомъ въ 5,9 м. длины.

Подъ строительнымъ мусоромъ, покрывавшимъ развалины этого храма, оказался мѣстами хорошо сохранившійся полъ. Онъ состоялъ изъ слоя желтой глины толщиною въ 15-20 стм., расположеннаго на древнемъ уровнѣ земли и хорошо утрамбованнаго, на которомъ были уложены глиняныя плитки квадратной формы (26×26 стм. при толщинѣ 3 стм.), украшенныя эмалевою поливой разныхъ цвѣтовъ; среди нихъ по красотѣ выдѣлялись плитки, покрытыя нѣсколькими цвѣтами эмалевої поливы, производившія впечатлѣніе посыпаныхъ мелкими лепестками цвѣтовъ.

Подъ купольной частью храма было обнаружено 5 вѣланыхъ въ полъ шиферныхъ плитъ, уложенныхъ въ два ряда. Всѣ плиты оказались разбитыми повалившимися на нихъ стѣнами храма. Поперекъ всего храма на нѣкоторомъ разстояніи

отъ этихъ плить шла широкая (40 сант.) и глубокая (45 сант.) канавка съ остатками заложенныхъ въ ней деревянныхъ подвалинъ, повидимому, служившихъ основой нѣкогда находившагося здѣсь иконостаса. Между стѣнами средней апсиды въ полу было обнаружено мѣсто престола, отмѣченное двумя рядами уложенныхъ здѣсь кирпичей.

Стѣны внутри храма, своды и столбы, какъ показали куски штукатурки, извлеченной изъ строительного мусора, были покрыты изображеніями святыхъ и разнообразнымъ орнаментомъ, исполненнымъ великолѣпной фресковой росписью, мѣстами украшенной золотою фреской, которая состояла изъ тончайшихъ листиковъ золота, наложенныхъ на штукатурку. Наибольшее количество кусковъ штукатурки съ золотой фреской было найдено въ строительномъ мусорѣ на срединѣ храма и въ алтарѣ у стѣнъ средней апсиды. Въ остаткахъ же діаконника были найдены куски стѣнной штукатурки съ графическими изображеніями святыхъ, съ различными надписями и изображеніями свѣтскаго характера.

Почти ёа срединѣ храма находились два толстыхъ свинцовыхъ листа, сильно помятыхъ съ сохранившимися по краямъ желѣзными гвоздями.

Оба листа были одинаковой величины—въ длину имѣли 2 м. и въ ширину 0,7 м. и, повидимому, раньше покрывали купола.

Изслѣдованіе развалинъ этого храма показало, что стѣны его упали на сѣверную сторону почему на всемъ протяженіи фундамента сѣверной стѣны, были обнаружены значительныя части уцѣлѣвшихъ стѣнъ и столбовъ, украшенныя фресковой росписью. Нѣкоторая изъ этихъ частей стѣнъ и въ особенности столбовъ вслѣдствіе своей тяжести или другихъ какихъ либо причинъ ушли въ землю, больше чѣмъ на 1 м.

Судя по матеріалу и приемамъ строительной техники, храмъ этотъ относится къ XII в.

На глубинѣ 20-30 стм. подъ развалинами храма, подъ всей занимаемой имъ площадью, былъ обнаруженъ толстый слой угля, въ которомъ попадались части обгорѣвшихъ досокъ и бревенъ.

Этотъ слой угля былъ прорѣзанъ сѣвернымъ фундаментомъ, описанного выше храма.

Если теперь обратиться къ лѣтописнымъ даннымъ, то мы найдемъ указаніе на то, что въ 1187 году Рюрикъ Ростисла-

вичъ построилъ въ Бѣлгородѣ великолѣпный храмъ св. Апостолъ на мѣстѣ сгорѣвшей деревянной церкви.

Свѣдѣнія эти позволяютъ точно опредѣлить время сооруженія богатаго храма, развалины котораго были обнаружены раскопками, а слой угля и части обгорѣвшихъ бревенъ, находившихся ниже его, признать за остатки сгорѣвшей церкви времени Владимира Святого. Определить точно величину этого сгорѣвшаго храма не было возможнымъ, но основываясь на всѣхъ имѣющихся для этого данныхъ, можно предположить, что онъ былъ немногимъ меныше выстроенаго на его развалинахъ каменного храма, имѣвшаго въ длину около $27\frac{1}{2}$ м. и въ ширину —20 метр.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ будущемъ, когда осуществится проектъ сооруженія храма на этомъ мѣстѣ и будутъ снесены находящіяся здѣсь постройки, явится возможность произвести болѣе точныя изысканія, которыя значительно пополнятъ свѣдѣнія, добытыя послѣдними раскопками.

Не менѣе интереснымъ оказалось другое мѣсто, представляющее собой небольшой холмикъ въ видѣ курганной насыпи, на которомъ расположена ветхая Бѣлгородская церковка. Мѣсто это почти на всемъ своемъ протяженіи было покрыто сплошнымъ слоемъ строительного мусора, въ которомъ находилось безчисленное количество погребеній, относящихся преимущественно къ XV—XVI вв., по Р. Х. Погребенія эти оказались настолько тѣсно расположены, что, прикасаясь одно къ другому, составляли отъ 2-хъ до 4-хъ ярусовъ.

Покойники были похоронены главнымъ образомъ въ деревянныхъ гробахъ, ориентированы на западъ, ихъ руки были скрещены на груди. На многихъ изъ нихъ сохранились—на головахъ войлочные шапки, вокругъ поясницъ пояса, связанные на боку, плахты и другія части одеждъ. Изъ предметовъ при нихъ находились—серебряные польскія монеты XV—XVI вв., иногда серебряныя или бронзовыя кольца и изрѣдка на груди металлическій крестикъ.

Такого-же рода погребенія и въ такомъ-же количествѣ были открыты надъ развалинами описанного выше храма св. Апостоловъ.

Гораздо интереснѣе этихъ погребеній оказались погребенія, относящіяся къ великокняжескому періоду, обнаруженныя въ материковой глине и попадавшіяся только съ сѣверной стороны современной церкви.

Вскрытие этихъ погребеній показало, что покойники были похоронены безъ гробовъ на деревянной доскѣ, направлениe ихъ было съ запада на востокъ. При нихъ въ полуистлѣвшемъ видѣ находились—на головахъ парчевые повязки тканныя золотомъ и серебромъ, съ такими-же лентами, вокругъ шеи и на груди кружево со звѣринымъ орнаментомъ, затканное золотыми или серебряными нитками, металлическія пуговки обыкновенно съ позолотой или замѣнявшіе ихъ бубенчики разной величины, вокругъ поясницы парчевые пояса разной ширины съ византійскимъ орнаментомъ и съ металлическими пуговками или застежками на одномъ концѣ, тканные золотомъ или серебромъ; только при одномъ покойнике на шеѣ оказался серебряный крестикъ XI-XII в., а при другомъ—возлѣ головы серьга изъ серебряной проволоки и у шеи саребряный диргемъ, служившій при вѣской. Кромѣ этихъ погребеній было замѣчено три погребенія въ шиферныхъ саркофагахъ, которыхъ, къ сожалѣнію, оказались давно уже разграбленными, при чемъ кости часто съ металлической окисью, въ особенности на черепахъ, выброшены, а доски саркофаговъ, за исключеніемъ одной, оставленной на мѣстѣ, разбиты и нѣкоторыя изъ нихъ и вынуты.

Однако болѣе интересными оказались остатки каменного фундамента одноапсидного храма великокняжескаго періода, открытые при изслѣдованіи этого мѣста.

Фундаменты эти, обнаруженные подъ слоемъ строительного мусора и многочисленными погребеніями, уцѣлѣли только въ немногихъ мѣстахъ, большею-же частью отъ нихъ сохранился ровъ, вырытый въ желтой глине (шириною въ 1,8 м.), заполненный древнимъ беспорядочно лежащимъ кирпичемъ. Значительная часть этихъ фундаментовъ уходила подъ современную Бѣлгородскую церковь, почему излѣдованіе ихъ не могло быть произведено полностью. Однако, согласно добытымъ при раскопкахъ этого мѣста даннымъ, можно сказать, что этотъ 2 ой храмъ великокняжескаго времени былъ весьма незначительныхъ размѣровъ, такъ какъ занималъ площадь около 20 и м. въ длину и 14 м. въ ширину. Затѣмъ можно установить, что онъ былъ построенъ на мѣстѣ сгорѣвшаго деревяннаго зданія, повидимому, также храма, сооруженнаго въ болѣе раннюю пору великокняжескаго періода.

Изслѣдованіе этого мѣста показало, что подъ описанными фундаментами одноапсидного каменного храма на древнемъ уровнѣ земли находился слой желтой глины толщиной отъ 1,8 м. до 1,2 м., выстилавшій не только мѣсто, на которомъ нѣкогда

были выстроены одинъ послѣ другого оба храма, а затѣмъ и современная деревянная церковка, но занимавшій также значительную площадь въ окружности. Непосредственно на этомъ слоѣ глины находился слой угля съ остатками обгорѣвшихъ брусьевъ, служившихъ основой для деревянныхъ стѣнъ сгорѣвшаго храма. Этотъ слой угля и находившійся подъ нимъ слой желтой глины были прорѣзаны рвомъ съ фундаментами каменнаго храма и прикрыты строительнымъ мусоромъ, оставшимся послѣ его разрушенія.

Итакъ, сообразя всѣ эти данныя можно установить, что строители 1 го храма прежде чѣмъ приступать къ его постройкѣ выровнили выбранную для этого площадь слоемъ нарочно привезенной желтой глины и на немъ соорудили деревянный храмъ. Послѣ того какъ этотъ храмъ былъ уничтоженъ пожаромъ, лица, строившія каменную церковь сравняли съ землей его остатки и воспользовались подстилавшей ихъ глиной для прокладыванія рвовъ подъ фундаменты, возможно, принявъ ее за материцъ или же преслѣдуя какія нибудь техническія цѣли.

Въ строительномъ мусорѣ попадались кирпичи и ихъ щебень, куски штукатурки съ фресковой росписью, нѣсколько частей круглыхъ оконныхъ стеколъ и небольшое количество глиняныхъ плитокъ; здѣсь-же были найдены части паникадила въ видѣ подсѣчниковъ со звѣринымъ орнаментомъ. Большинство-же плитокъ находилось ниже строительного мусора въ слоѣ угля и въ подстилавшемъ его слоѣ желтой глины. Плитки эти разныя по величинѣ и формѣ были покрыты однимъ цвѣтомъ эмалевой поливы или украшены орнаментомъ изъ нѣсколькихъ цвѣтовъ эмали; однако преобладающими цвѣтами являлись—желтый, зеленый, черный, коричневый и бѣлый. Всѣ онѣ были изготовлены изъ огнеупорной глины, но въ составѣ глины плитокъ, большаго формата и большей толщины входила значительная примѣсь крупныхъ зеренъ кварцита, а нижня и боковая стороны этихъ плитокъ сохранили плотно приставшіе къ нимъ куски цемянки, т. е. извести съ кварцитовыми зернами и толченымъ кирпичемъ; остальная виды плитокъ не имѣли примѣси и скрѣплялись глиной особаго состава.

Не трудно видѣть, что плитки, найденыя въ этомъ мѣстѣ относятся къ разному времени и могутъ быть пріурочены по крайней мѣрѣ къ 2—3 различнымъ periodамъ. На это указываетъ какъ разница въ ихъ материалѣ, въ способѣ наведенія на

нихъ эмалевой поливы и въ характерѣ украшавшаго ихъ орнамента, такъ и нахожденіе ихъ на разныхъ горизонтахъ.

Изъ всего сказанаго ясно, что плитки эти устилали полъ не только каменнаго храма, но также украшали стѣны и полъ болѣе древней предшествовавшей ему деревянной церкви. И такъ какъ болѣе древнія плитки можно отнести къ началу XI в., а позднѣйшія къ первой половинѣ XII в., то къ этимъ periodамъ и слѣдуетъ пріурочить упомянутые выше храмы.

Теперь перейдемъ къ обзору построекъ гражданскаго характера, открытыхъ при Бѣлгородскихъ раскопкахъ и представлявшихъ собой славянскія жилища. Остатки ихъ были обнаружены въ нѣсколькихъ мѣстахъ с. Бѣлгородки, но главнымъ образомъ онѣ встрѣчались въ восточной части дѣтинца.

Наибольшими размѣрами отличалась постройка, уничтоженная пожаромъ, остатки которой были открыты въ усадьбѣ крестьянина Бернадского, расположенной надъ глубокимъ оврагомъ, внизу которого пролегаетъ дорога изъ г. Киева въ м. Игнатовку и далѣе на западъ. Это мѣсто находится въ 20 м. къ востоку отъ развалинъ храма св. Апостоловъ и непосредственно примыкаетъ къ лунѣ. Постройка эта, какъ и всѣ жилища славянской эпохи, о которыхъ не разъ намъ приходилось говорить раньше, состояла изъ четырехугольного углубленія, вырытаго въ желтой материальной глины. Длина его равнялась 7,8 м., ширина—4 м., а глубина—1,7 м., считая отъ древней поверхности земли (отъ современной—2,65 м.). По 4-мъ сторонамъ углубленія находились деревянныя стѣны, основа которыхъ въ видѣ полуистертѣвшихъ подвалинъ, заложенныхъ въ намѣреніо выкопанныхъ канавокъ, была обнаружена при раскопкахъ этого мѣста. Внутри эта постройка раздѣлялась на два жилыхъ помѣщенія деревянной стѣной, съ обѣихъ сторонъ обмазанной толстымъ слоемъ (6 см.) глины особаго состава. Въ противоположныхъ концахъ обоихъ помѣщеній находилось по печи. Печь 1-аго помѣщенія имѣла форму усѣченного конуса, диаметръ верхняго основанія котораго равнялся—1,05 м. нижняго—1,25 м. при высотѣ стѣнъ печи въ 0,5 м. Кромѣ того здѣсь же находился очагъ, вылѣпленный изъ глины и фрагменты привозныхъ глиняныхъ сосудовъ, украшенныхъ поливой и тисненнымъ орнаментомъ. Нѣсколько иного устройства была печь 2-го помѣщенія. Не останавливаясь на ея описаніи, замѣтимъ, что въ этомъ помѣщеніи были найдены части трехъ разбитыхъ амфоръ разной величины.

Кромъ описанныхъ помѣщеній, жилище это имѣло пристройку съ сѣверной стороны, ширина которой была равна ширинѣ 2-го помѣщенія, къ которому она и примыкала. Уровень ея пола былъ нѣсколько выше (1,4 м. отъ древней поверхности земли) уровня пола жилыхъ помѣщеній.

Пристройка эта соединялась съ внутреннимъ помѣщеніемъ тремя спускающими внизъ ступеньками (2,4 м. шириной) со стѣдами частью обгорѣвшаго, частью же истлѣвшаго дерева. Полъ жилыхъ помѣщеній, состоявшій изъ материковой глины, мѣстами до красна обожженной былъ покрытъ толстымъ слоемъ земли и угля. На всемъ протяженіи восточной подвальнины внутри жилища лежало множество глиняныхъ плитокъ, засыпанныхъ обломками обожженной до красна глиняной обмазки, отвалившейся во время пожара отъ деревянныхъ стѣнъ жилища.

Плитки эти, украшенныя толстымъ слоемъ эмалевой поливы желтаго, коричневаго, чернаго или зеленаго цвѣтовъ, отличались разнообразной формой, представляя собой косоугольники треугольники, четырехугольники и многоугольники. Многія изъ нихъ были сильно повреждены пожаромъ. Изъ предметовъ на полу жилища было найдено: два ножа, одинъ съ костяной ручкой и двѣ вставки отъ какого-то цѣннаго украшенія изъ двуцвѣтной эмалевой массы съ изображеніями человѣческихъ фигуръ.

Открыть вполнѣ эту постройку помѣшили двѣ большія ямы (одна—въ діаметрѣ 2,3 м., другая—1,5 м. при глубинѣ обѣихъ въ 2,2 м.), прокопанныя въ этомъ мѣстѣ вѣрище всего въ XVI в. Судя по остаткамъ, жилище это принадлежало какому-то знатному лицу, жившему въ велиокняжескій періодъ.

Другія остатки деревянной постройки великокняжескаго времени, не менѣе значительныхъ размѣровъ, были обнаружены съ сѣверной стороны развалинъ храма св. Апостоловъ. Постройка эта подобно почти всѣмъ древнимъ жилищамъ, открытымъ въ с. Бѣлгородкѣ, оказалась уничтоженной пожаромъ. Отъ нея остались только мощные слои угля и золы, расположенные на разныхъ горизонтахъ, а на глубинѣ 2,8 м. отъ поверхности земли—части обгорѣвшихъ столбовъ, остатки стѣнъ и обгорѣвшія доски отъ пола и потолка. Здѣсь же находился разный мусоръ, многочисленные обломки обожженной глиняной обмазки со стѣнъ и глиняныя въ большинствѣ случаевъ сильно поврежденныя огнемъ плитки, украшенныя орнаментомъ изъ эмалевой поливы нѣсколькихъ цвѣтовъ.

Лучше сохранилась постройка, открытая въ 40-а м. оть 2-го описанного жилища, расположенная къ западу оть развалинъ храма Св. Апостоловъ. Постройка эта занимавшая площадь въ 7,1 м. длины и 4,2 м. ширины, состояла изъ двухъ помѣщений, отдѣленныхъ одно оть другого деревянной перегородкой. На полу одного помѣщенія, площадь которого равнялась $4,2 \times 3,3$ м. и которое составляло восточную часть этой постройки, подъ слоемъ угля, золы и обгорѣвшихъ досокъ оказался толстый слой перегорѣвшаго вещества, оставшагося оть сгорѣвшихъ шерстяныхъ одѣяль или ковровъ, сложенныхъ въ этомъ мѣстѣ. Въ полу этого-же помѣщенія была открыта четырехугольная яма (2,8 м. длины, 1,4 м. ширины и глубины), выкопанная въ желтой материковой глинѣ и наполненная оставшимся оть пожара мусоромъ. Возлѣ этой ямы съ ея восточной стороны лежали двѣ желѣзныя кольчуги, сильно пострадавшія оть пожара и ржавчины. Тутъ-же было найдено желѣзное копье, два желѣзныхъ ножа, желѣзный замокъ и части глинянаго сосуда велиокняжескаго времени. Въ сособѣднемъ помѣщеніи у южной стѣны находился круглый очагъ, выложеный изъ глины, на которомъ подъ углемъ и золой оказалось три полураспавшихся глиняныхъ сосуда. Площадь, занимаемая этимъ помѣщеніемъ, равнялась $4,2 \times 3,8$ м.

Такого-же рода сгорѣвшія жилища были открыты возлѣ воротъ современной церковной ограды. Изъ нихъ остатки жилища, обнаруженного къ югу оть воротъ, были открыты на глубинѣ 2,1 м. оть поверхности земли. Постройка эта имѣла два отдѣленія—жилое и примыкавшія къ нему въ видѣ коридора сѣнцы. Жилое помѣщеніе состояло изъ четырехугольной ямы, вырытой въ материковой глинѣ, имѣвшей площадь $3,55 \times 2,8$ м. при глубинѣ въ 2,1 м. У боковыхъ стѣнъ жилища находились по 3 обгорѣвшихъ столба, обгорѣвшія бревна и части сохранившейся стѣнной обмазки. Въ сѣверо-восточномъ углѣ жилого помѣщенія подъ толстымъ слоемъ угля и частями обгорѣвшихъ бревенъ и досокъ была обнаружена выложенная изъ глины печь, отчасти завалившаяся, шириной въ 1,85 м. и высотой въ 1,25 м. при глубинѣ ея внутреннихъ стѣнокъ въ 0,7 м. Въ печи находились три распавшихся глиняныхъ сосуда. На полу были найдены каменные оселки, фрагменты стеклянныхъ браслетовъ, два желѣзныхъ ножа, три глиняные застежки и фрагменты глиняныхъ сосудовъ славянской эпохи. Сѣнцы, оть которыхъ въ жилое помѣщеніе спускались три земляные ступени, имѣли въ длину 2,6 м. и въ ширину 1,6 м.

Подобная-же постройка была обнаружена съ съверной стороны церковной ограды, но открыть ее полностью не удалось, такъ какъ продолженіе ея скрывалось подъ стѣнной ограды. Вскрытая часть этого жилища занимала площадь въ $4,7 \times 3,1$ м. при глубинѣ 1,65 м. На полу подъ обгорѣвшими бревнами въ слоѣ угля и золы оказался очагъ, выложеный изъ глины съ вмазанными въ нее частями кирпича Владімірского времени; вблизи него находились небольшие камни, сверху смазанные глиной.

Гораздо рѣже при Бѣлгородскихъ раскопкахъ попадались остатки древнихъ жилищъ, не уничтоженныхъ пожаромъ.

Какъ на болѣе уцѣлѣвшіе остатки^{*} такого рода можно указать на остатки деревянной постройки, открытой въ съверной сторонѣ огорода крестьянина Давиденко. Четырехугольное углубленіе жилища, доведенное до материка, имѣло здѣсь 6,75 м. въ длину, 4,45 м. въ ширину и 1,5 м. въ глубину. По 4-мъ сторонамъ его замѣчались остатки истлѣвшихъ столбовъ, а кое-гдѣ и сохранившіяся части истлѣвшихъ бревенъ отъ деревянныхъ стѣнъ и стѣды деревянной перегородки, раздѣлявшей жилище на двѣ почти равныя части. Въ одномъ изъ этихъ отдѣленій были обнаружены остатки развалившейся печи длиной въ 1,5 м. и шириной 0,8 м., у юго-восточного угла ея находилась четырехугольная яма (длиной въ 0,9 м., шириной 0,55 и глубиной—0,6 м.), наполненная кухонными отбросами. Съ западной стороны, постройка эта имѣла сѣница, занимавшія площадь въ $3,35 \times 1,4$ м. Отъ ихъ пола, находившагося на глубинѣ 0,6 м., въ жилое помѣщеніе спускались 4 земляные ступени, каждая въ 1,05 м. шириной. По 4-мъ угламъ сънечъ находились ямки съ остатками сильно истлѣвшихъ деревянныхъ столбовъ.

Добытые Бѣлгородскими раскопками данные знакомить съ жилищами Бѣлгородского населенія въ велиокняжескій періодъ. Жилища эти представляли собой полуzemлянки, езначительно возвышавшіяся надъ поверхностью земли.

Полъ и большая часть ихъ деревянныхъ стѣнъ находились въ четырехугольномъ углубленіи, всегда вырытомъ въ материевой глиѣ. Эти полуzemлянки были небольшихъ размѣровъ; нутри они состояли изъ одного или двухъ помѣщений и въ ослѣдствіемъ случаѣ раздѣлялись деревянной стѣнной-перегородкой; въ одномъ изъ помѣщений находилась печь или очагъ.

Нерѣдко постройки эти имѣли крытыя сѣница, расположенные выше жилыхъ помѣщений и соединявшияся съ ними земляными ступенями.

Не менѣе интересными сооруженіями великокняжескаго времени являются—грандіозный колодезь и земляное сооруженіе не вполнѣ опредѣленнаго назначенія, остатки которыхъ открыты въ нѣсколькихъ шагахъ къ западу отъ развалинъ храма св. Апостоловъ.

Колодезь до' глубины 15 м. представлялъ въ планѣ правильный кругъ, имѣвшій въ діаметрѣ 9 метровъ, но уже начиная съ глубины 8-ми м. въ него былъ включенъ срубъ квадратной формы ($3,1 \times 3,1$ м.), прочно сложенный изъ толстыхъ дубовыхъ брусьевъ, помѣщенный въ центрѣ колодца и уходившій въ глубь земли. Сверху колодезь былъ прикрытъ навѣсомъ подъ которымъ въ уровень съ землей на балкахъ былъ положенъ досчатый настиль, накрывавший собой колодезь и имѣвшій посерединѣ отверстіе съ наружнымъ срубомъ, соотвѣтствовавшимъ внутреннему срубу колодца. На это указывали обгорѣвшія части бревенъ и досокъ провалившіяся внутрь колодца.

Другое сооруженіе, назначеніе котораго до сихъ поръ еще не вполнѣ выяснено, находилось вблизи колодца къ югу и было отдалено отъ неготолще земли въ 2 м. Начиная отъ поверхности земли и до глубины 9,6 м. поперечному сѣченію этого сооруженія была дана четырехугольная форма (6 м. въ длину, 5 м. въ ширину), но на указанной глубинѣ форма эта измѣнялась въ квадратную, стороны которой были сокращены до трехъ м. длины, а затѣмъ постепенно доведены до 2-хъ м. длины, которой онѣ достигали на глубинѣ 15 м., гдѣ слой желтой глины смѣнялся слоемъ песка. Далѣе до глубины около 23 м., до которой удалось довести изслѣдованіе этого сооруженія, длина его стѣнокъ оставалась почти такой-же съ едва замѣтнымъ укорачиваніемъ. На глубинѣ 21 м. были замѣчены вокругъ всѣхъ четырехъ стѣнъ этого сооруженія слѣды стоймъ поставленныхъ почти совершенно истлевшихъ досокъ съ вбитыми въ нихъ желѣзными гвоздями, концы которыхъ были загнуты.

Необходимо отмѣтить, что оба описанныя сооруженія оказались заполненными разными материалами. Такъ, колодезь до сруба былъ наполненъ разнымъ соромъ и землей, преимущественно же мелкимъ строительнымъ мусоромъ, занесеннымъ сюда съ развалинъ храма св. Апостоловъ, въ верхней части котораго находилось нѣсколько погребеній должно быть XVI—XVII в. Внутренній же срубъ колодца оказался сверху заваленнымъ обгорѣвшими бревнами и досками, а дальше былъ наполненъ влажнымъ черноземомъ, остатками перегнившей соломы и ча-

стицами другихъ органическихъ веществъ, перемѣшанныхъ съ разнымъ мусоромъ. По мѣрѣ углубленія въ землю матеріаль, наполняющій срубъ, становился болѣе мокрымъ. Пространство же, образовавшееся между срубомъ и земляными стѣнами колодца, было заполнено тѣми видами почвъ, слои которыхъ пришлось проходить при дальнѣйшемъ углубленіи колодца, пока не было достигнутъ слой водоупорной глины; вынутая при этомъ земля сваливалась за срубъ и такимъ образомъ заполнила все это пространство. Другое сооруженіе изслѣдованное до глубины 23 м., за исключеніемъ верхней части, которая до глубины 4 м. состояла изъ смѣси чернозема съ разнымъ мусоромъ, было заполнено болѣе или менѣе чистой песчаной почвой сравнительно сухой, въ которой часто попадались куски характерныхъ для Владимира времени кирпичей и глиняныхъ плитокъ съ разноцвѣтной эмалевой поливой, къ обратной сторонѣ которыхъ плотно пристала известковая масса.

Къ сожалѣнію, дальнѣйшія раскопки этого интереснаго сооруженія пришлось прекратить, благодаря удушившимъ газамъ, появившимся на глубинѣ 21—23 м.

Изслѣдованіе колодца также не удавалось довести до конца въ виду необыкновенно дождливаго лѣта, благодаря которому высокія сильно отсыревшія стѣны вскрытаго колодца, къ тому-же имѣвшія ненадежную основу въ видѣ слоя песка, угрожали обвалами.

Здѣсь будетъ умѣстно передать преданіе существующее въ наши дни у Бѣлгородскихъ сельчанъ. Оно разсказывается, что во время осады Бѣлгорода татарами, когда уже были взяты непріятелемъ крѣпкія стѣны наружнаго вала и городъ запыталъ въ огнѣ, часть населенія, укрывавшаяся за внутреннимъ валомъ, видя свою неминуемую гибель, опустила въ глубокій колодезь всю церковную утварь, колокола и свои драгоцѣнности. На сколько это преданіе согласуется съ дѣйствительностью трудно рѣшить, но въ немъ во всякомъ случаѣ ничего невѣроятнаго нѣть. Мысль эта подсказываетя тѣми соображеніями, что въ с. Бѣлгородкѣ до сихъ поръ не было найдено не только клада, но и почти ни одного цѣннаго предмета, относящагося ко времени расцвѣта древняго Бѣлгорода, кромѣ того въ развалинахъ храма совершенно отсутствовали обломки колоколовъ, находженіе которыхъ среди строительного мусора было бы неизбѣжнымъ, если-бы ихъ заранѣе не сняли.

Какъ на сооруженія иного характера, обнаруженныя при Бѣлгородскихъ раскопкахъ, слѣдуетъ указать на гончарную печь велиокняжескаго времени, открытую на свободной землѣ при вѣзѣдѣ въ дѣтинецъ. Печь эта съ особымъ внутреннимъ устройствомъ имѣла грушевидную форму; оба ея отверстія одно для дымовода, а другое для топки оказались замазанными глиной изъ чего видно, что процессъ производства по какимъ-то причинамъ не былъ доведенъ до конца. Вскрытіе печи показало, что внутри она была заполнена пережженными и потрескавшимися отъ сильнаго огня сосудами количествомъ около $1\frac{1}{2}$ десятка. Печь эта въ длину имѣла 3,25 м. (считая съ выступомъ), а въ ширину отъ 0,8 до 2 м., высота ея стѣнъ равнялась 0,8 м.

Другая печь, открытая при данныхъ раскопкахъ, относилась къ XVII в. и служила для обжиганія изразцовъ. Вокругъ нея находилось множество не бывшихъ еще въ употребленіи изразцовъ и фрагментовъ ихъ, украшенныхъ рельефными орнаментами и надписями. Печь эта отличалась прекрасной сохранностью и была сложена изъ кирпича на глине; внутри она раздѣлялась на двѣ части продольной глиняной перегородкой и имѣла два отверстія для дыма; площадь ея равнялась $2,4 \times 1,9$ м. при высотѣ ея стѣнъ въ 1 м. Затѣмъ, не останавливаясь на описаніи остатковъ различныхъ сооруженій и перечисленіи находокъ единичныхъ предметовъ болѣе поздняго времени, замѣтимъ, что во многихъ мѣстахъ с. Бѣлгородки раскопками были открыты слѣды Трипольской культуры. Больше всего они встрѣчались вокругъ церковной ограды и внутри ея съ юго-восточной стороны церкви. Это были давно уже разрушенныя небольшія площадки, состоявшія изъ слоя или комковъ обожженої глины, на которыхъ попадались черепки глиняныхъ сосудовъ и фрагменты глиняныхъ статуэтокъ мѣстнаго производства, относящіеся ко времени упадка Трипольской культуры.

Нельзя обойти молчаніемъ также и трехъ интересныхъ погребеній съ сожженіемъ, обнаруженныхъ возлѣ самыхъ фундаментовъ, храма св. Апостоловъ. Два изъ нихъ находились съ южной стороны упомянутыхъ фундаментовъ, а одно съ западной. Каждое погребеніе состояло изъ небольшого глинянаго сосуда темнаго цвѣта, вокругъ вѣнчика украшенаго рядомъ жемчугообразныхъ выпуклостей и наполненнаго главнымъ образомъ золой и остатками пережженныхъ человѣческихъ костей и отчасти кусками обожженої глины. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть объ обломкахъ кирпичей съ современной имъ известковой массой и

фрагментахъ глиняныхъ плитокъ съ эмалевей поливой, относящихся ко времени Владимира Святого и очень часто встречающихся при данныхъ раскопкахъ. Найдки эти невольно ставить вопросъ—не находились ли въ какомънибудь мѣстѣ центральной части древняго дѣтища зданіе гражданскаго характера, напр., княжескій дворецъ Владимира времени? Разумѣется, дать вполнѣ опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ невозможно но кое-какія данныя за рѣшеніе его въ положительномъ смыслѣ, можно видѣть въ томъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Чечотъ, въ настоящее время членъ Кіевскаго Окружнаго Суда, будучи еще студентомъ, открылъ въ с. Бѣлгородкѣ (въ сѣверо-западномъ углѣ дѣтища) часть стѣны, сложеной изъ древняго кирпича и полѣ, выложенный болѣшими квадратными плитками, украшенными эмалевой поливой разныхъ цвѣтовъ.

Закончивъ описание Бѣлгородскихъ раскопокъ, мы считаемъ умѣстнымъ остановиться на вопросѣ о производствѣ найденныхъ въ с. Бѣлгородкѣ глиняныхъ плитокъ съ эмалевой поливой.

Множество плитокъ самыхъ разнообразныхъ видовъ, которые были обнаружены въ остаткахъ двухъ древнихъ храмовъ, въ развалинахъ храма св. Апостоловъ, где ими было устланы полы, и находки такихъ-же плитокъ въ другихъ древнихъ строеніяхъ указываютъ на то, что обнаружение ихъ с. Бѣлгородкѣ не могло носить случайного характера. Напротивъ, въ свое время они украшали полы и стѣны различныхъ зданій. Разнообразіе ихъ формъ, красота и сочность цвѣтовъ эмали на нѣкоторыхъ плиткахъ позволяли складывать ихъ различнымъ образомъ, составляя эффектные по своей пестротѣ узоры. Нѣкоторые плитки удачно подражали плитамъ изъ цвѣтного мрамора или другихъ породъ красивыхъ камней.

О томъ, что производство этихъ плитокъ было занесено въ нашу мѣстность изъ другихъ странъ, вѣрнѣе всего съ востока, говорить самый фактъ неожиданного появленія его у насъ въ концѣ X-го или началѣ XI-го в., при томъ въ стадіи полнаго развитія. Интересно, что въ послѣдующее время, когда производство плитокъ привилось въ нашей мѣстности, въ немъ замѣчается значительный упадокъ.

Остатки большой мастерской эмалевыхъ плитокъ велико-княжескаго времени, открытые въ г. Кіевѣ въ усадьбѣ М. М. Петровскаго, уже описанные въ своемъ мѣстѣ, даютъ нѣкоторое

представлениe о тѣхъ сложныхъ техническихъ премахъ, которые требовало наведеніе эмалевой поливы на глиняныя плитки.

Способъ наведенія эмали состоялъ въ слѣдующемъ.

Сначала сильно накаливали плитки, приготовленныя для производства изъ огнеупорной глины. Одновременно съ этимъ въ специальныхъ тиголыкахъ расплавляли эмалевую массу, для чего требовалась температура около 1000°C , послѣднее достигалось при помощи мѣха, снабженного на концѣ глиняной трубкой. Затѣмъ раскаленную плитку поливали расплавленной эмалевой массой. Для того, чтобы наведенная на плитки эмаль при быстромъ охлажденіи не трескалась, постепенно ослабляли огонь, незамѣтно прекращая дѣйствіе на него мѣха.

Понятно, что эта отрасль производства была сопряжена съ разными техническими трудностями и требовала извѣстнаго опыта и ловкости со стороны мастера; послѣднее былоѣмъ болѣе важно, что плитки покрывались нѣсколькими цвѣтами эмали, нерѣдко имитировали разноцвѣтные камни и украшались сложнымъ орнаментомъ. Здѣсь кромѣ быстроты и аккуратности въ работе необходимо было знаніе свойствъ разныхъ цвѣтовъ эмали, такъ какъ та или иная температура разно вліяла на извѣстные цвѣта эмалевой массы, въ противномъ случаѣ эмаль могла перегорѣть, измѣнить свой цвѣтъ и потерять нормальную густоту.

Теперь разсмотримъ плитки какъ лучшихъ временъ ихъ производства, такъ и худшихъ.

Плитки болѣе ранняго времени изготовлены изъ материала отличнаго качества, всегда покрыты толстымъ слоемъ густой эмали разныхъ цвѣтовъ и настолько художественно исполнены, что вполнѣ удачно подражаютъ разнымъ породамъ красивыхъ камней. Орнаментъ, встрѣчающійся на плиткахъ этого времени всегда имѣть определенный рѣзко очерченный контуръ, несмотря на то что онъ нерѣдко бываетъ исполненъ самыми разнообразными цвѣтами эмали.

Вообще въ этотъ періодъ полнаго развитія данной отрасли производства, плитки отличаются необыкновенной прочностью и красотой.

Зато эти качества отсутствуютъ въ плиткахъ болѣе поздняго времени (XII в.), что говорить о значительномъ упадкѣ въ ихъ производствѣ. Мастеръ позднѣйшаго времени уже и не пытается при изготовлениi плитокъ подражать разноцвѣтнымъ камнямъ, потому что этотъ способъ наведенія эмалевой поливы былъ сопряженъ съ особыми техническими трудностями и

требовалъ художественаго чутья, что оказывалось не по силамъ мѣстному мастеру. Несложный орнаментъ на плиткахъ онъ выполнялъ грубо, не достигая ясности контура. Главные недостатки позднѣйшихъ плитокъ, помимо худшаго качества глины, заключаются въ тусклости тоновъ, отсутствіи гармоніи въ сочетаніяхъ разныхъ цвѣтовъ эмали и въ неопределенноти и расплывчатости линій.

Весьма вѣроятно, что причиной этого было не только худшее качество эмалевой массы, но въ значительно большей мѣрѣ неумѣлое накаливаніе плитокъ, почему получалось разжиженіе эмалевой массы, а также и перегораніе однихъ цвѣтовъ эмали и измѣненіе другихъ.

Гораздо удачнѣе описанныхъ плитокъ оказались плитки, устилавшія полъ храма св. Апостоловъ. Онъ были украшены разноцвѣтной эмалевой поливой такимъ образомъ, что произвели впечатлѣніе посыпанныхъ мелкими лепестками цвѣтовъ или покрытыхъ мельчайшей мозаикой. Достигалось это, повидимому, стѣльющимъ способомъ. Сначала изъ эмалевой массы приготавляли разноцвѣтныя палочки; когда онъ отвердѣвали ихъ разбивали на мелкія части. Затѣмъ раскаленную глиняную плитку покрывали какимъ нибудь однимъ цвѣтомъ расплавленной эмалевой поливы и быстро посыпали вышеупомянутыми частицами эмалевыхъ палочекъ. И такъ какъ частицы эти, введенныя въ горячую эмалевую массу не успѣвали расплавиться, а тѣмъ болѣе перегорѣть, то онъ сохраняли всю сочиность и красоту своего цвѣта, не сливаясь съ общимъ фономъ плитки, что и придавало этимъ плиткамъ замѣчательно эффектный видъ.

Заключеніе.

Закончивъ краткій очеркъ, касающійся доисторическихъ обитателей Средняго Приднѣпровья и ихъ культуры, мы постаемся подвести итоги всему сказанному. Первый вопросъ, съ которымъ мы здѣсь встрѣчаемся, это вопросъ о происхожденіи Средне-Приднѣпровскихъ обитателей. Разумѣется, мы не будемъ ставить себѣ цѣли всесторонне и подробно обслѣдовать данный вопросъ, да и едва-ли наша наука въ настоящее время располагаетъ достаточнымъ матеріаломъ для вполнѣ окончательного решенія его. Однако археологическія данныя по этому вопросу настолько богаты, что составляютъ довольно прочный базисъ для нѣкоторыхъ выводовъ. Здѣсь слѣдуетъ оговориться, что мы будемъ высказывать лишь наше личное мнѣніе, давно уже сложившееся у насъ по этому вопросу,

Намъ нѣть необходимости останавливаться на подробностяхъ, отчасти приведенныхъ въ данномъ очеркѣ, вспомнимъ только что наша область была заселена уже въ междупедниковую эпоху, когда болѣе сѣверныя страны находились еще подъ покровомъ сплошного ледника. (Поселенія первобытнаго человѣка были также и южнѣе области Средняго Приднѣпровья, на что, напр., указываетъ находка въ Екатеринославской губ. (въ рѣкѣ Днѣпрѣ) прекрасно сохранившагося черепа гигантскаго оленя съ широкимъ желобкомъ на затылочной кости и слѣдами нарѣзовъ на остаткахъ роговъ, произведенныхъ кремневыми орудіями). Затѣмъ вспомнимъ всѣ факторы (въ видѣ климатическихъ условій, дикости природы, хищности звѣрей, примитивности культуры поселенцевъ), обусловливавшіе трудность человѣческаго существованія въ эту эпоху, и мы поймемъ, что человѣкъ

искаль благопріятныхъ для жизни условій, не пытаясь приспособить для этого окружающую природу.

Такія условія онъ напечь въ нашей мѣстности. Спустя многіе десятки вѣковъ, уже въ болѣе позднюю эпоху каменного вѣка—въ эпоху неолита, на его мѣстѣ мы находимъ послѣдующее населеніе, далеко шагнувшее впередъ по пути культурнаго развитія. Наставать на томъ, что древнѣйшіе обитатели Средняго Приднѣпровья палеолитической эпохи являлись прародителями населенія послѣдующихъ эпохъ, было-бы еще слишкомъ преждевременно, хотя и имѣются нѣкоторыя указанія въ пользу этого мнѣнія. Вопросъ этотъ могъ бы выйти изъ области предположений, если-бы мы располагали данными относительно тѣлеснаго строенія нашихъ палеолитическихъ предшественниковъ. Гораздо легче разрѣшается онъ, когда мы переходимъ къ неолитической эпохѣ. Начиная съ этой эпохи и до самаго исторического времени мы встрѣчаемся съ чертами, говорящими за то, что мѣстная культура Средняго Приднѣпровья въ доисторической времена по существу своему однородна, что въ особенности замѣтно на типахъ сосудовъ мѣстного производства. Однако изученіе доисторическихъ памятниковъ Средняго Приднѣпровья не указываетъ на равномѣрность культурнаго роста мѣстного населенія, въ концѣ завершившагося полнымъ расцвѣтомъ; напротивъ, здѣсь мы встрѣчаемся не только съ простоянками въ развитіи, но и можемъ констатировать и обратное движеніе по пути прогресса, т. е. упадокъ культуры. Все это находилось въ зависимости отъ многихъ условій, а также и отъ чужеземныхъ вліяній, которые временами очень ярко окрашивали въ общемъ незатѣйливую мѣстную культуру, часто сообщая ей извѣстный блескъ. Надо замѣтить, что эта окраска была особенно интенсивна въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ Средняго Приднѣпровья, т. е. въ мѣстахъ наиболѣе приближенныхъ къ очагамъ культурнаго вліянія.

Насъ утверждаютъ на мысли объ однородности мѣстной культуры и, следовательно, и неизмѣнности состава населенія Средняго Приднѣпровья на протяженіи всѣхъ доисторическихъ временъ, во 1-хъ, осѣдлый образъ жизни Средне-Приднѣпровскихъ обитателей и соединенный съ нимъ занятія, одинаковыя во всѣ доисторическія времена.

Во 2-хъ, неизмѣняемость строительныхъ приемовъ, примѣнившихся Средне-Приднѣпровскими обитателями доисторическихъ временъ при сооруженіи жилищъ.

Въ 3-хъ, замѣтительная устойчивость въ основныхъ чертахъ доисторической культуры Средняго Приднѣпровья.

Въ 4-хъ упорное сохраненіе погребального обряда трупосожженія и, наконецъ,

въ 5-хъ, полная и умѣренная длинноголовость обитателей Средняго Приднѣпровья, не подвергшаяся замѣтному измѣненію до славянской эпохи.

Все сказанное заставляетъ насть видѣть въ Средне-Приднѣпровскихъ обитателяхъ, смѣнявшихъ другъ друга цѣльнымъ рядомъ безчисленныхъ поколѣній, то зерно, однимъ изъ ростковъ кото-
рого впослѣдствіи является юго-восточная вѣтка славянского на-
рода.

Ту-же мысль объ неизмѣнности состава Средне-Приднѣпров-
ского населенія въ доисторическія времена подтверждаютъ и фи-
зическая условія нашей области. Среднее Приднѣпровье интересую-
щаго насть времени въ особенности въ сѣверной части своей
изобиловало непроходимыми лѣсами, рѣками, озерами, обширны-
ми топкими болотами, а также и холмами. Разумѣется, такой ха-
рактеръ страны не могъ привлекать проходившіе на югъ наро-
ды, пользовавшіеся просторомъ южно-русскихъ степей. Почему
и мѣстное населеніе Средняго Приднѣпровья, хотя и подверга-
лось разнымъ вліяніямъ и даже порабощенію (особенно въ юж-
ныхъ областяхъ), но оставалось однимъ и тѣмъ-же безъ замѣт-
ныхъ измѣненій.

Теперь бѣгло просмотримъ тѣ вліянія и тѣ колебанія въ
культурномъ ростѣ мѣстного Средне-Приднѣпровскаго населенія,
съ которыми знакомятъ насть доисторические памятники нашего
края и которыхъ мы вскользь касались уже въ общемъ очеркѣ.

Данныя по интересующему насть вопросу даютъ указанія на то, что уже въ эпоху неолита, въ особенности во 2-ой ея половинѣ, у мѣстного Средне-Приднѣпровскаго населенія завязы-
ваются сношенія съ культурными центрами Прикарпатской об-
ласти, результатомъ чего является не только снабженіе нашей
мѣстности чужеземными предметами, но улучшеніе мѣстной
культуры, выработавшейся въ культуру, извѣстную намъ подъ
названиемъ Трипольской. Какъ мы уже видѣли, эта пора завер-
шается полнымъ расцвѣтомъ мѣстной культуры, совиавшимъ съ
энеолитическимъ (каменно-мѣднымъ) періодомъ.

Появленіе въ южно-русскихъ степяхъ полукучевого народа и
находившееся въ связи съ этимъ появлениемъ прекращеніе bla-
готворного вліянія Прикарпатскихъ культурныхъ центровъ по

влекло за собой упадокъ мѣстной культуры, однако сохранившей и послѣ этого свои основные элементы. Пришельцы эти, занявъ болѣе плодородныя южныя мѣстности Средняго Приднѣпровья, оттѣсили часть мѣстного населенія въ сѣверную болотистую и малоплодородную полосу этой области. Здѣсь на продолжительное время задержалось культурное развитіе мѣстного населенія. Упадокъ этотъ сказался какъ въ обѣднѣи погребального ритуала, такъ и въ жалкой обстановкѣ жилищъ, встрѣчавшихся теперь въ болѣе глухихъ песчаныхъ мѣстностяхъ, покрытыхъ непроходимыми лѣсами.

Нахлынувшая на склонъ II-го и въ началѣ I-го тысячелѣтія до Р. Х. непріятельская волна въ видѣ воинственныхъ кочевниковъ—скиѳовъ отчасти смѣла приплое населеніе Средняго Приднѣпровья. Событие это позволило мѣстнымъ обитателямъ снова занять болѣе южныя мѣстности нашего края и даже расширить границы свои приблизительно до территории современной Херсонской губ.

Здѣсь необходимо замѣтить, что болѣе точная и опредѣленная свѣдѣнія по вопросу о границахъ распространенія доисторического населенія нашего края могутъ дать только археологическая изслѣдованія, спеціально посвященная разрѣшенію этого вопроса.

Вмѣсть съ этимъ улучшаются и жизненные условия Средне-Приднѣпровскихъ обитателей. Снова замѣчается подъемъ въ ихъ культурномъ ростѣ, особенно ярко сказавшійся со времени основанія на черноморскомъ побережїѣ греческихъ колоній. Черезъ скиѳовъ мѣстное населеніе завязываетъ торговыя сношенія съ греческими колоніями. Сношенія эти, разрастаясь и обогащая Средне-Приднѣпровское населеніе, заставляютъ его основывать торговые защищенные центры, значительно оживившіе культурную жизнь Средняго Приднѣпровья и дошедшіе до нашего времени въ видѣ обширныхъ городищъ. Греческое вліяніе на мѣстную культуру настолько сильно, что часто въ богатыхъ погребеніяхъ этого времени привозныя греческія издѣлія (или съ греческимъ вліяніемъ) значительно преобладаютъ надъ предметами мѣстного производства.

Однако все сказанное справедливо относительно той части мѣстного населенія, которая обитала въ болѣе южныхъ мѣстахъ Средняго Приднѣпровья; это культурное вліяніе было гораздо слабѣе въ областяхъ болѣе сѣверныхъ, гдѣ обитатели, находясь въ худшихъ условіяхъ, почти не улучшили своего незавиднаго

положенія и сохранили въ большей чистотѣ свою незатѣйливую, но не лишенную нѣкоторой своеобразности культуру.

Начиная съ конца III-го в. до Р. Х., греческое вліяніе ослабѣваетъ, а затѣмъ и совершенно прекращается. Причиной этого были участившіеся набѣги варварскихъ народовъ на богатыя греческія колоніи, а также и другія события, происходившія въ это время на югѣ Россіи.

Вслѣдъ затѣмъ въ культуру Средняго Приднѣпровья начинаютъ проникать элементы римской провинціальной культуры. Вліяніе это въ періодъ своего наивысшаго распространенія выразилось у насъ въ особомъ видѣ погребеній, извѣстныхъ подъ названіемъ полей погребальныхъ урнъ, отличающихся своеобразной керамикой мѣстнаго происхожденія и изобиліемъ предметовъ римского провинціального типа.

Въ III—IV в.в. по Р. Х. на югѣ Россіи и въ области Дуная происходятъ крупныя события; въ это-же время начинается такъ наз. великое переселеніе народовъ. Результатомъ этихъ событий было изолированіе Средне-Приднѣпровскихъ обитателей отъ очаговъ культурного вліянія и неоднократное подчиненіе ихъ побѣдителямъ; все это не только пресекаетъ вліяніе римской культуры на культуру Средняго Приднѣпровья, но и способствуетъ замѣтному упадку послѣдней. Въ слѣдующую эпоху мы можемъ констатировать значительное обѣднѣніе и упадокъ культуры нашего края, извѣстной намъ уже подъ наименіемъ славянской.

Теперь, подведя итоги всему сказанному въ очеркѣ, мы подробнѣе остановимся на вопросѣ объ образѣ жизни Средне-Приднѣпровскаго населенія въ доисторическія времена. Намъ уже неоднократно приходилось упоминать объ осѣдлости Средне-Приднѣпровскаго населенія и земледѣліи, какъ формѣ труда, тѣсно связанной съ этимъ образомъ жизни. Припомнимъ, что доисторическое населеніе нашего края, начиная съ неолитической эпохи и кончая славянской, было земледѣльческимъ, но принимая это положеніе, мы не можемъ настаивать на полной неподвижности населенія, иначе говоря, не можетъ высказаться за пребываніе определенныхъ поколѣній на одномъ и томъ-же мѣстѣ во всѣ доисторическія эпохи. Здѣсь необходимо замѣтить, что въ интересующія насъ времена земледѣліе велось самымъ примитивнымъ способомъ, надо принять также во вниманіе и малую производительность почвы, скоро истощавшейся при несовершенныхъ приемахъ ея обработки. Обыкновенно отведеній

подъ посѣвы участокъ землі выжигался, затѣмъ слегка вспахивался и на немъ въ теченіи извѣстнаго числа лѣтъ (въ зависимости отъ плодородности почвы) засѣвали разные хлѣбные злаки или волокнистыя растенія, напр., одинъ годъ могли сѣять просо, другой—ячмень или рожь, въ болѣе южныхъ областяхъ и пшеницу, или-же коноплю, ленъ. Когда, спустя болѣе или менѣе продолжительное время, были использованы всѣ окрестные участки земли, приходилось искать другого болѣе подходящаго для этого мѣста. Такимъ образомъ мы видимъ постоянныя небольшія передвиженія доисторического населенія Средняго Приднѣпровья. Необходимо замѣтить, что передвиженія эти въ болѣе плодородныхъ южныхъ мѣстностяхъ совершились медленнѣе, чѣмъ въ бѣдныхъ, сѣверныхъ. Отсюда видно, что понятіе объ осѣдлости мѣстнаго Средне-Приднѣпровскаго населенія не тождественно съ понятіемъ объ полной неподвижности населенія, затѣмъ отсюда-же ясно, что эта подвижность главнымъ образомъ вызывалась интересами земледѣльческаго труда.

Затѣмъ, вспомнивъ, что славянскій народъ принадлежить къ большой Европейской семье арийскаго племени, повторимъ, что мы считаемъ древнихъ обитателей какъ Средняго Приднѣпровья, начиная отъ р. Десны и черезъ Кіевъ, такъ и мѣстностей Волынской губ. и далѣе къ сѣверо-западу, тѣмъ съменемъ, изъ котораго выросъ славянскій народъ, юго-восточную вѣтвь котораго мы находимъ въ области Средняго Приднѣпровья уже на зарѣ славянской эпохи.

Вопроſъ о происхожденіи славянъ и ихъ прародинѣ основательно разработанъ въ капитальномъ трудѣ профессора Пражскаго университета Л. Нидерле „Slovanské starozitnosti“.

Въ заключеніе считаемъ своимъ долгомъ указать на изслѣдованія, освѣтившія доисторическое прошлое Средняго Приднѣпровья, которая разновременно были предприняты на этой обширной территории Императорской Археологической Комиссіей, затѣмъ Московскимъ Императорскимъ Археологическимъ Обществомъ, сюда-же относятся многолѣтнія роскопки, произведенныя графомъ А. А. Бобринскимъ, В. Б. Антоновичемъ, И. А. Линиченко, Д. С. Самоквасовымъ, А. З. Завитневичемъ, Е. Н. Антоновичъ-Мельникъ, Н. Е. Бранденбургомъ, В. А. Городцовымъ, Н. Ф. Бѣляшевскимъ, С. А. Мазараки, Ф. К. Волковымъ, Е. А. Зноско-Боровскимъ, В. Е. Гезе и другими лицами. Затѣмъ весьма цѣнныя свѣдѣнія о прошломъ нашего края имѣются въ „Извѣстіяхъ“, издаваемыхъ Императорской Археологической Комиссіей,

въ „Трудахъ“ Московского Археологического Общества, въ изданіи графа А. А. Бобринскаго „Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы“, въ „Русскихъ Древностяхъ“, изданныхъ графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ, въ работахъ В. Б. Антоновича, въ роскошномъ изданіи В. Н. и Б. И. Ханенко „Древности Приднѣпровья“ съ прекрасно исполненными снимками съ памятниковъ этого края и въ работахъ многихъ другихъ лицъ.

Что-же касается самихъ древнихъ памятниковъ, относящихся къ доисторическому прошлому нашего края, то благодаря существующему въ г. Кіевѣ музею Императора Николая II-го, а также щедрымъ пожертвованіямъ—Императорской Археологической Комиссіи, гр. А. А. Бобринскаго, В. Н. и Б. И. Ханенко, семьи г.г. Терещенко, А. И. Зноско-Боровской, И. А. Линиченко, С. С. Могилевцева и многихъ другихъ лицъ, въ настоящее время громадныя коллекціи ихъ хранятся въ названномъ музѣ.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
Предисловие.	
Каменный вѣкъ:	
Палеолитъ	1
Неолитъ	10
Эпоха металла:	
Бронзовый вѣкъ	23
Желѣзный вѣкъ:	
Скиѳская эпоха	30
Эпоха полей погребальныхъ урнъ и великаго переселенія народовъ	43
Славянская эпоха	50
Раскопки въ усадьбѣ М. М. Петровскаго	63
Раскопки въ с. Бѣлгородкѣ Киевскаго у.	76
Заключеніе	95

